



Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2018 Том 20 № 2

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

E-mail: pochta_yum@rudn.university

Ответственный секретарь

Иванов В.Г., доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

E-mail: ivanov_vg@rudn.university

Заместитель главного редактора

Грачев М.Н. — доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Члены редакционной коллегии

Мчедлова М.М. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Платонов В.М. — кандидат юридических наук, профессор и заведующий кафедрой политического анализа и управления факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Карадже Т.В. — доктор философских наук, профессор и заведующая кафедрой политологии и социологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Попова О.В. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Коваленко В.И. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой российской политики факультета политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Жильцов С.С. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политической философии ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия МИД РФ»

Капустин Б.Г. — доктор философских наук, профессор Йельского университета (США)

Абсаттаров Р.Б. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой политологии и социально-философских дисциплин Казахского национального педагогического университета им. Абая (Казахстан)

Дуткевич Петр — доктор политических наук, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтоновском университете (Канада)

Францке Йохан — доктор политических наук, профессор, заместитель декана факультета экономических и социальных наук Потсдамского университета (ФРГ)

Карлос Пачеко Амарал — доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов (Португалия)

Николя Када — доктор политических наук, профессор Университета Пьера Мендеса Франса, г. Гренобль (Франция)

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* (*Вестник РУДН. Серия: Политология*) — периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Политический процесс в современной России: тенденции и перспективы», «Политические процессы в современном мире», «Актуальные вопросы политической науки».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии.

В своей деятельности редколлегии серии руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и студенты, обучающиеся по направлениям политология и международные отношения.

Электронный адрес: politjournalrudn@rudn.university; vestnikrudn@yandex.ru

Литературный редактор: *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Политология»:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 936-85-28
e-mail: politjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 18.04.2018. Выход в свет 28.04.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 20,46. Тираж 500 экз. Заказ № 446. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018



RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2018 VOLUME 20 No. 2
DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Pochta Yu.M., PhD, full professor
of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: pochta_yum@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Ivanov V.G., PhD, associate professor
of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: ivanov_vg@rudn.university

DEPUTY EDITOR

Grachev M.N., PhD, full professor of the Department of Theoretical and Applied Political
Science, Russian State University for the Humanities

ASSOCIATE EDITOR

Mchedlova M.M. — PhD, full professor and head of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia

Platonov V.M. — PhD, full professor and head of the Department of Political Analysis and
Management, Peoples' Friendship University of Russia

Zhiltsov S.S. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Political
Philosophy, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry

Popova O.V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Institutions and
Applied Political Science, Saint Petersburg State University

Karadje T.V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Sociology,
Moscow State Pedagogical University

Kovalenko V.I. — PhD, full professor and head of the Department of Russian Politics, Moscow
State University

Kapustin B.G. — PhD, senior lecturer of Yale University (USA)

Absattarov R.B. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Socio-
Philosophical Disciplines, Kazakh University named after Abai (Kazakhstan)

Dutkiewicz P. — PhD, full professor, director of the Institute of European, Russian and Eurasian
studies, Carleton University (Canada)

Franzke J. — PhD, full professor and vice dean of the Faculty of Economic and Social Sciences,
Potsdam University (Germany)

Pacheko Amaral C. — PhD, full professor of the University of the Azores (Portugal)

Kada N. — PhD, full professor of the University of Pierre Mendes France (France)

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English, French

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Political Science. The journal is international with regard to its editorial board, contributing authors and topics of the publications.

The journal is published since 1999. Since its inception, the journal focused on the highest scientific and ethical standards and is today one of the leading and oldest political magazines in Russia.

The aim of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and international political scientists.

The journal publishes the original results of fundamental and applied scientific research. The thematic focus of the journal is presented in the following permanent rubrics: "Political process in contemporary Russia: trends and prospects", "Political processes in the modern world", "Some actual problems of political science".

As a Russian journal with an international character, the journal welcomes research articles, book reviews, round tables and scientific reports devoted to the actual problems of political science.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

Further information regarding notes for contributors, subscription and archives is available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politjournalrudn@rudn.university; vestnikrudn@yandex.ru

Review editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dvoglevskaya*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board

RUDN Journal of Political Science:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

Ph. 936-85-28, fax 936-85-22

e-mail: politjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

Ph. +7 (495) 952-04-41;

e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

- Contradictions of the World System in the Nearest Future. An Interview with **Piotr Dutkiewicz**, Professor of Political Science at Carleton University (Ottawa, Canada) (Будущие противоречия мировой системы. Интервью с **Петром Дуткевичем**, профессором Карлтонского университета (Оттава, Канада)) 139
- The Radicalization of the West and the Clash of World Orders. An interview with **Richard Sakwa**, Professor of Russian and European politics at the University of Kent (Great Britain) (Радикализация Запада и столкновение мировых порядков. Интервью с **Ричардом Саквой**, профессором Университета Кента (Великобритания)) 148

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Изотов В.С.** Идеология наднациональных политических пространств и интеграционное сознание. Постановка проблемы и сравнительный анализ ЕС и ЕАЭС 154
- Алонци Р.** Миграционные процессы и конструирование идентичности ЕС 167
- Мавлонова А.С.** Ислам в СУАР как фактор политической нестабильности КНР 176
- Андриамахаринжака** Предстоящие президентские выборы 2018 года в Республике Мадагаскар: политологический анализ и прогнозы 187

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Гуторов В.А.** О некоторых актуальных аспектах интерпретации теории модернизации 193
- Ильинская С.Г.** Концепт аутентичного развития как альтернативная модернизации идеология 215
- Шульц Э.Э.** Радикальные массовые формы социального протеста и проблемы легитимности 237
- Vaudelin Ch.** The Grand Paris and the New Moscow: Compared Perspectives (**Водэлен Х.** Большой Париж и Новая Москва: сравнение перспектив) 246
- Камоликова В.Р., Шулика Ю.Е.** Эффективность государственного управления: в поиске объективной концептуализации и измерения 255

ЦЕННОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

- Белов С.И.** Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) 269
- Лункин Р.Н.** Европейский вектор политики Русской православной церкви: особенности становления в постсоветский период 278
- 135

Каганович А.А. Сущностные характеристики и компоненты национального брендинга: формирование бренда современной России в условиях глобальной конкуренции	288
--	-----

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

Глебов В.А., Амиантова И.С. Рецензия на монографию: <i>Нисневич Ю.А.</i> Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. М.: Издательство ЮРАЙТ, 2017. 240 с.	298
---	-----

CONTENTS

POLITICAL PROBLEMS OF GLOBALIZING WORLD

- Contradictions of the World System in the Nearest Future. An Interview with **Piotr Dutkiewicz**, Professor of Political Science at Carleton University (Ottawa, Canada) 139
- The Radicalization of the West and the Clash of World Orders. An interview with **Richard Sakwa**, Professor of Russian and European Politics at the University of Kent (Great Britain) 148

POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY WORLD

- Izotov V.S.** Ideology of Supranational Political Spaces and the Integration-consciousness. A Statement of the Problem and Comparative Analysis of the EU and the EEU 154
- Alonzi R.** Contemporary Migration Processes and Construction of European Identity 167
- Mavlonova A.S.** Islam in Xinjiang as a Factor of Political Instability in People's Republic of China 176
- Andriamaharinjaka** The Upcoming Presidential Elections of 2018 in the Republic of Madagascar: Political Analysis and Forecasts 187

SOME ACTUAL PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

- Gutorov V.A.** On some Actual Aspects of Interpretation of the Theory of Modernization 193
- Ilinskaya S.G.** The Concept of Authentic Development as an Alternative Ideology of Modernization 215
- Shults E.E.** Radical Mass Forms of Social Protest and Legitimacy Problems 237
- Vaudelin Ch.** The Grand Paris and the New Moscow: Compared Perspectives 246
- Kamolikova V.R., Shulika Y.E.** Governance Effectiveness: Finding the Objective Conceptualization and Evaluation 255

VALUE CONTENT OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY

- Belov S.I.** Disadvantages of the Formation of the Memory Policy in Russia (the Results of the Generalization of Expert Opinions) 269
- Lunkin R.N.** European Vector of the Policy of Russian Orthodox Church: the Features of the Formation in the Post-Soviet Period 278

Kaganovich A.A. The Essential Characteristics and Components of the National Branding: the Branding of Contemporary Russia in Conditions of Global Competition	288
---	-----

SCIENTIFIC REVIEWS

Glebov V.A., Amiantova I.S. The Review of the Monograph: <i>Nisnevich Yu.</i> "Politics and Corruption: Corruption as a Factor of the Global Political Process". Moscow: Uright Publishing House, 2017. 240 p.	298
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-139-147

CONTRADICTIONS OF THE WORLD SYSTEM IN THE NEAREST FUTURE

An interview with PIOTR DUTKIEWICZ, Professor of Political Science
at Carleton University (Ottawa, Canada)

Abstract. Piotr Dutkiewicz is the professor of Political Science and the co-director of the Center for Governance and Public Policy at Carleton University (Ottawa, Canada). He got his education at Warsaw University and the Russian Academy of Sciences. He was a Visiting Fellow at St. Peter's and Nuffield Colleges in Oxford and a Visiting Professor at Berkeley University, Institute for International Relations. He is a member of the Valdai Club, a group of forty renowned experts on Russia. In 2009, he received the Order of Friendship of the Russian Federation from President Dmitry Medvedev.

In this interview professor Dutkiewicz will tell us about the main contradictions shaping the new world order.

Key words: world politics, international relations, world order, international system



— *Not long ago a book called «Mapping a New World Order: The Rest Beyond the West» was published, and you had direct contribution to the book as one of the editors alongside Vladimir Popov. The name of the book tells us a lot about its main content. In fact, you suggest viewing the world not from the standpoint of the already traditional concept of confrontation between the West and the East, but from a qualitatively different point of view. What does the phrase «the rest beyond the west» mean to you?*

— In our book, we have abandoned the cliché about the division of the world between two poles, the East and the West, with the East fighting the West. This concept of the world order is called “the West versus the rest”, a phrase that has recently been popular. However, we consider that such divisive formula no longer reflects the realities of the world. Hence, in our book we are not talking about “the West versus the rest”, but rather “beyond the rest”. Our goal was to go “beyond” new dividing lines within the global system and discuss why the income gap between West and Rest started to close for some countries but also sharply increased for others.

— *What is the main argument of your book?*

— We tried to advance three groups of arguments. First group is based on the evidence from three regions we studied focused on reasons for a successful/unsuccessful economic convergence. Second group of arguments are related to state-market relations — and we attempted to go beyond dominant economic schools towards what we call “dual track approach”. Third group deal with — mostly — fiscal policy measures.

— *The study of a problem from a new perspective certainly requires implication of a particular methodology. What methodology did the authors of the book rely on?*

— Studying the special features of the future world order we made an attempt to use a methodology based on the dialectical method of inquiry on social analysis, which involves the study of the action, reaction and synthesis; or thesis, antithesis and synthesis. This idea is not new. It was proposed by Hegel and later developed by Joachim Fichte to the point of practical implementation in social inquiry. We tried to show the process, anti-process and the synthesis that may come out of the complex interaction between two contradictory processes.

In our book, we attempted to show, that there are several processes, new to the kind of world order, which are related to the ways and mechanisms of development. One cannot claim that he knows the future or that he can predict the future. We have a much more humble task to show those contradictions that will probably create a new reality. We can see the contours of the future world order based on these contradictions.

— *Predicting the future is, of course, not a relevant phrase to use in an academic discourse. However, as your book shows it, some contours of the future world order can already be seen. What processes, in your opinion, will shape the new world order?*

— We can name several contradictions, that will most probably shape the new world order in the nearest future. The first contradiction, a fundamental one, is the “hegemony versus multipolarity” contradiction, which obviously causes the international system to change. The future world order will be somehow formed by the end of this struggle. On the one side of this struggle, there are the US and its allies, on the other side, there are the others. The hegemon, naturally, strives to maintain its hegemony. I will abstain from giving a moral or ethical assessment to it. The hegemon always wants to keep the hegemony in order to secure better life conditions, clearer future and better stability for its citizens, so hegemon or hegemony cannot be called morally or ethically wrong. The problem is that keeping the hegemony is almost impossible in current world order, and therefore the hegemony has to engage in a contradiction with multipolarity, represented by the others. Clearly, the pair of “we versus others” will shape the next years of the world order.

— *So, the contradiction between hegemony and multipolarity is that between the US and its allies and “the rest”. A question occurs: who are “the rest”? Who represents the multipolarity camp, if we can call it so?*

— Looking at this struggle between hegemony and multipolarity it is not difficult to spot the contradiction of “the US + the European Union” (US hegemony with

conditional support of EU) versus “Chinese economic challenges and Russian geo-security challenge”. As you know, last year China’s GDP reached the level of that of the US. It does not demonstrate the quality of life in China or the US, but this definitely became the final warning signal to the US, that something is going on.

Another challenge to the US, this time in the area of security, comes from Russia. Syria has shown that the US allies do not have the security monopoly or the security umbrella monopoly in any part of the world. If the Russians can do it in Syria, they can probably do it in other parts of the world, too. This was a pretty strong signal, showing that the security monopoly is broken, and something has to be done about it from the perspective of the hegemon, as it will still be trying to maintain its power.

Because of this fundamental contradiction, the Chinese-US relations will be rather sour in the nearest future. As for Russian-US relations, it is not about personal relations with Russia or its leader as well. It’s about Russia’s position in the world security structure. Therefore, the relations between the US and Russia will also be sour for the years to come. The situation will not change, in the sense that Russia will subordinate the hegemon, which is probably not going to happen in the next eight to ten years.

— *The world hegemon should probably get concerned about these processes, which are not in favour of its hegemonic status in world politics. How does it react to these processes?*

— The hegemon is reacting in the form of inventing new tools, which have not been known yet, in order to maintain its hegemony. The US have come up with a network of agreements, negotiated for the last six to ten years, called “T-treaty trinity”: the Trans-Pacific Partnership (TPP — 12 countries), TiSA — Trade in Services Agreement, and the Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP with EU). President Trump has been trying to block some of these projects, but in fact, the negotiations are going on. I even think, that Trump’s administration is likely to make certain progress in these negotiation processes.

— *What is the main aim of these projects? As far as I understand from your words, you consider them to be not just economic projects, but first of all political tools for maintaining US hegemony.*

— These US projects are all about capturing key positions, using institutional and normative framework, to maintain the hegemonic position of the US and the Europe. It is interesting, that if this happens, 2/3 of the global GDP will be under those agreements. It means that for the years to come a different type of hegemony, not military, not even economic, will create a new world order. The interesting fact is that in neither of those agreements China is presented. Russia is not included either. In fact, BRICS countries are excluded from those agreements. It’s a serious signal, showing the existence of “we versus others” contradiction, where those, who are not subordinated to “our rules”, will be excluded from crucial normative and institutional frameworks, that will shape the future.

If you look at the statistics, you will see an interesting picture of the world economy. There is a certain level of convergence, a type of visible economic convergence discussed

in our book, between two systems: US-dominated system and US-not-dominated system. US and its allies try to maintain the hegemony and subordinate the process to their own benefits. Leaving aside moral or ethical assessments, this is a signal, that we are entering a period of deep structural economic contradictions, in which the process will create more, not only economic, but also political and social tensions.

— *These processes will definitely have a profound impact on political and economic changes in the world. Will they affect other spheres of social life as well?*

— Obviously, this will be followed by different types of subordination, for instance, the media or information subordination. For example, there are phenomenal changes in the US media, when the media is positioning itself not as a deliverer of information, but rather as a political broker between the systems. Media is not about the facts any longer; it is about the de-legitimization of the other side. The facts are no longer important, but the media is playing an active role in repositioning the structural struggle of the world. It creates the figures of “bad guys” and “good guys”, and no matter what the facts are, these are presented as such. The media is losing its objectivity, becoming a part of the hegemonic struggle, of the “hegemony versus multipolarity” contradiction.

— *In your book and in your speeches on various occasions you have mentioned that the transformation of the world order is a complex issue marked by the impact of multiple processes. What other processes, in your opinion, have been influencing the recent changes in the world order?*

— One of these processes is, of course, the “Globalization (universalization) versus identity politics” (autonomization of identities, which will lead later to the radicalization of identities) contradiction. One of the main characteristics of globalization is the universalization of norms, culture, behaviour, institutions, system of management and commodification of social relations. The main idea of globalization is to make the economic system going smoother, working better and more efficient, but universalization of behaviour and norms is obviously much simpler. To have one pattern instead of dealing with certain patterns, one solution instead of certain solutions is much simpler. Therefore, universalization is one of the key elements to the current stage of globalization.

At the same time, people do not like to lose their own identity, their own culture, customs, religion, history. Therefore, the reaction to universalization is the identity politics, emerging in different forms: religious aspect, serious gender aspects, ethnic aspect, and so on. One of Iranian leaders, Hattami, started this process by saying, that we don't need universalization, we need dialogue among different civilizations. The dialogue of civilizations, initiated by Hattami, was then blocked by the hostilities between Iran and the United States.

— *Globalization has been affecting world processes in decades now, but can we call the identity politics a new phenomenon that rose as a result of that impact and as a response to the negative aspects of globalization?*

— Identity politics is not a new process, but we are entering a new phase of this process, in which the politics become dependent on identity. Politics react more and

more to the identity struggle, class struggle, cultural struggle, many other forms of identity, and finally becomes based on identity groups. These identity groups are mushrooming, pressing on the state to deliver what they think is their own right. These are groups, political parties or social movements, that can be based on culture, religion, social class or caste, dialect, disability, education, ethnicity, language, nationality, sex, gender identity, generation, occupation, profession, race, political party affiliation, sexual orientation, settlement, urban and rural habitation, and veteran status.

In other words, the new identity politics is emerging instead of the larger socially based interest groups, as groups are becoming narrower and narrower. Since the state cannot react to every identity group interests, some of these groups start radicalizing. They think: “If I cannot get what I want, I should be more vocal, more radical, because then the state will listen and then the state will react”.

— *What processes reflect the new phase of identity politics?*

— A classical case is terrorism. “If I cannot achieve what I want by other means, I will use terror as the most radical means of turning your attention to my problems”. Therefore, the next big struggle is that between identity politics and universalization, which will have consequences for the state policies and state behaviour: the weaker the state, the more it is prone to react to identity politics. The state is no longer reacting to social needs; the state is reacting to the needs of identity groups, which changes the whole dimension of state-to-citizen reaction.

This will obviously lead to more social protests, because the more radical the groups, the more visible they are. This can lead to imbalances between the state and interest groups. A classical case are pensioner identity groups globally, as result of which some states “are paying more attention to pensioners than to the children”. If you look at the EU statistics, you will see one interesting thing: right now, the social spending is lowering every year, with the exception of the pensioners. The children are getting less for health care, while the pensioners are getting more for health care every year in the EU. This is a dangerous notion, indeed.

— *Some experts indicate that in recent years the traditional political contradiction between the East and the West is no longer in the center of world politics. It is rather the clash of the Global North and the Global South that affects world processes. Is this contradiction also affecting the emergence of a new world order?*

— Although, as I mentioned earlier, the “hegemony versus multipolarity” contradiction is fundamental, we shouldn’t underestimate the contradiction between the North and the South. I call it the “Wealth versus Poverty” contradiction. Some basic facts from the World Bank show, that out of an estimated 7.4 billion people on earth, 1.1 billion people live below the poverty level, which is below \$1.25 a day; another 2.7 billion live on less than \$2 a day. This means, that about 40% of our planet lives beyond the poverty level. The point here is well shown in the book by French economist Thomas Piketty called “Capital in the Twenty-First Century”. His main point is that capital tends to reproduce itself. This is not a new idea, Marks was also talking about this. But Piketty is showing that there is a certain oligarchization of capital, which means, that inherited capital has the tendency to grow exponentially and at the expense of other social groups.

Piketty's book was followed by the Oxfam Poverty Report (2017), prepared for the conference in Davos. The report shows, that eight men own the same wealth as the 3.6 billion people, who make up the poorest half of humanity. This is shocking not in moral or ethical terms, but in terms of its possible consequences.

— *Seems like further intensification of this contradiction can lead to devastating consequences.*

— The consequences of this increasing inequality will include the decline of the influence of democracy, tax avoidance and a global control over the labour market. The perception of democracy as we have it now and the trust for this political system will change in the upcoming years. We usually think that one vote corresponds to one person, but now it's increasingly clear, that this democratic theatre is changing into "one dollar = one vote". We have witnessed two of the most expensive elections in the history of mankind. As Jonathan Nitzan and Shimshon Bichler showed in their book "Capital as power", capital is becoming political power. They put a lot of economic evidence to show the direct link between capital and political power.

As for the issue of tax avoidance, superrich are avoiding taxes, because they are capable of keeping their profits in tax heavens. This is an important point, because paying taxes is vital to maintain social stability in countries, which then turn those taxes into social and security benefits. If you're not paying taxes, this means, that those aspects of the state protection will inevitably be diminished.

These processes lead to the establishment of a global control over the labour market. As a consequence, we have a huge struggle to have minimum payment per hour in most countries, including North America. Statistics show that 300.000.000 people work without minimum payment guarantees. This is manipulation of wages on global scale, not only manipulation of politics.

In my opinion, if there is a process of commodification of democracy, this will lead to the end of the myth of the liberal order. This is dangerous for those, who live in this myth of having some influence on the politics and the myth, that their vote means something. This myth is going to end, if we continue to have such huge inequalities, and the consequences of these inequalities will end up the full dimensional myth the western society is based on. In other words, alongside identity politics and hegemony struggle, we are losing trust in the system.

— *In the book «Mapping a New World Order: The Rest Beyond the West» some of the authors raise the question of the relationship between the state and the market in contemporary world. Some of them proposed their own concepts on the resolution of this complex issue. What is your opinion on this matter?*

— The contradiction between the state and the market is an old one. Economists and politicians hold a sinusoidal type of approach towards this key issue: how the state and the market are cooperating or not cooperating, and what are supposed to be the relations between them; whether the state should lead the development or the market should be responsible for the development. In other words, whether the state is supposed to be in charge of our well-being or the market should create conditions for our well-being.

This contradiction is sinusoidal, because some claim, following the keynesian way, that the state should lead the market. The biggest projects of 1920s, 1930s, 1940s and so on, like socialism, are based on this idea, and fascism is based on this idea of state leading the market, too. And then you have the 1970s and 1980s, when the neo-liberal economic order is starting to dominate, and therefore the market is to be the main stimulus for development or wealth. In fact, neither of these models worked. The crisis in 2007—2008 showed, that neither market nor the state alone can deliver what they are promising. Therefore, we lose the trust both in state and in market. This means we trust no one, not even banks, that are now paying huge fines for manipulating the market during the crisis.

This leads to the point, that entrepreneurs themselves lose the trust in their own system. Our book shows, that the solution for the future could be a dual parallel system of the state and the market, where the state plays the role of the corporate insurance company for the nascent productive forces, helping them in order to maintain their market position withstanding competition. This is not the same as the import substitution strategy, because the latter means that the state is helping the market indefinitely. What is going to happen is that the state will base on the corporative advantage of certain sections of the industry, helping them until they become the world leaders to compete. This is the case of China, Taiwan, Singapore, Malaysia, South Korea. Therefore, there is no longer a debate between the market and the state. The debate is about how deep and in which way these should cooperate in order to maintain the market shared in the global scale and the national level.

— *What type of cooperation should the state and the market develop to govern the economic sector efficiently? Are the traditional models of cooperation no longer relevant?*

— The problem is, that if we would like the state to cooperate with the market, we need the state to be relatively strong, which is not the case. The states cannot withstand the pressure of globalization. They become weaker and weaker. The wave of neo-liberalism led to the privatization of many state services. Then what is the role of the state in protecting our interests as citizens? Nothing, almost nothing. And if the state cannot protect the interests of its citizens, then the state apparatus is no longer needed. Why do we need political parties and parliaments, if they cannot produce politics? Politics means elaborating the choices that should be made by the power, and the power is for taking those choices and implementing them in the form of policies. If we don't have this, why do we need the system we have right now?

This debate between the market and the state is not only about economic forces. It's about the shape of the future of our political system. We are transforming into consumers. The last twenty years saw a phenomenal boom in capital forces. People were earning a lot of money, they had cheap commodities, they started transforming into consumers. We are no longer needed for the market as citizens, because as citizens we would like to make our own choices, not imposed on us. The problem is, that these two processes are not compatible: the more we are consumers, the less we are citizens.

— *What other challenges does the political system of today face?*

— There are numerous challenges the politics in general face today. I would name the biggest of them the «power versus politics» contradiction, which follows up the previous one. Power is currently in process of being separated from politics. Power is the ability to fix things, to deliver, to make things happen. Politics is the process of selecting choices for the power to implement. Politics is about whether we need a school or a swimming pool, whether we need more spending on army or schools or hospitals. And then those needs are transferred to the power via parliament process, and the power tries to implement them. So, there is a link between politics and power: politics comes first, power comes later.

Now this system is clearly collapsing, because there is less and less power in the hands of the state. Because of privatization and globalization certain state prerogatives are located somewhere else. The money is located somewhere else, therefore the power is outside the national state. So, the role of the state is changing, but then the state cannot cooperate with the market the way the market would expect it to do. Therefore, the market is more dependent on external forces, than on the forces located in the national state.

— *What can this contradiction between power and politics and the transformation of the traditional relationship between these two lead to in the nearest future?*

— As a result of these processes, the power and politics are separating almost to the point, that they are living two independent lives. In practice this means, that politicians and state machines are living more autonomously than before. They create a shell in which they are somehow living their own small lives, which are very much detached from what we would like them to be doing. We call it “autonomization of politics”. When you ask a politician why he does something not wise or not rational, the answer is “because I can”. The state is creating its own reality. The “autonomization of politics” may lead to interesting political consequences, as the worst conflicts will not depend on “national interests” but on the autonomous decisions of the leadership.

— *Professor Dutkiewicz, during this interview you mentioned a number of important contradictions we can witness in contemporary world. Researching and evaluating these processes can give us essential information about the contours of the new world order, which was one of the aims of your book. In the end, I would like to ask you, what world are these processes leading us to?*

— In an article, written with professor Kazarinova, for «Polis» journal, which is called «Fear as politics», we claim, that these contradictions are scaring. They create fear in all of us, including the elites. The leadership is worried, as it doesn't know what is going to happen tomorrow. «Fear» is not a part of traditional politics, but now «fear» is becoming a part of politics. Most of current policies are based not on rational calculations or interests, they are based on fear. For instance, migration policies of Poland or Hungary have nothing rational in them, they are based on fear of migrants, not on rational behaviour, European solidarity or whatever, but purely on fear. There are many such example in budget, education, healthcare policies. They fear, that if they do not

do something, there will be social overreaction. Or they fear, that they are not in control, and they would like to impose a hard shell on the soft yolk.

Democratic and non-democratic states are slowly becoming almost the same; they look the same, like an egg with a hard shell and a soft yolk inside. They are trying to present themselves as powerful and strong, but in fact, they are weak. Late professor Bauman was a great sociologist, but I didn't agree with his idea of interregnum, something in between, when the old is dying but the new is not clear yet. My position is, that when the old is dying, the new is already there. So the contours of the future are known, the problem is, that we do not know the details.

The interview is presented by *Hovhannisyan Arusyak*
Интервью подготовила *Оганесян Арусяк Левоновна*

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-139-147

БУДУЩИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Интервью с ПЕТРОМ ДУТКЕВИЧЕМ, профессором Карлтонского университета (Оттава, Канада)

Петр Дуткевич — профессор политологии и содиректор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Оттава, Канада). Получил образование в Варшавском университете и Российской Академии наук, является приглашенным научным сотрудником в колледжах Св. Петра и Наффилда в Оксфорде и приглашенным профессором в Институте международных отношений Калифорнийского университета Беркли. Он является членом клуба «Валдай» — группы из сорока известных экспертов по России. В 2009 году получил Орден Дружбы Российской Федерации от Президента Дмитрия Медведева.

В своем интервью профессор П. Дуткевич рассказывает об основных противоречиях, формирующих новый миропорядок.

Ключевые слова: мировая политика, международные отношения, мировой порядок, международная система

Сведения об авторах:

Piotr Dutkiewicz — доктор политических наук, профессор Карлтонского университета (Канада) (e-mail: Piotr.Dutkiewicz@carleton.ca).

Oganesyanyan Arusyak Levonovna — ассистент и аспирантка кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Армения) (e-mail: arusyakhovhannisyan@yahoo.com).

Information about the authors:

Piotr Dutkiewicz — PhD, full professor of political science at Carleton University (Canada) (e-mail: Piotr.Dutkiewicz@carleton.ca).

Arusyak Hovanesyan Levonovna — assistant and postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Armenia) (e-mail: arusyakhovhannisyan@yahoo.com).

Статья поступила в редакцию 15.02.2018.

Received 15.02.2018.

© Дуткевич П., Оганесян А.Л., 2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-148-153

THE RADICALIZATION OF THE WEST AND THE CLASH OF WORLD ORDERS

An interview with **RICHARD SAKWA**,
Professor of Russian and European politics
at the University of Kent (Great Britain)



Abstract. The interview with Richards Sakwa has been held in dramatic days when the New Cold war became an evident reality and the British-Russian crisis provoked the fall of diplomacy between Russia and vast majority of the western countries. The discussion was based on ideas of Richard Sakwa's recent book «Russia against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order»: Cold war and Cold peace phenomena and the evolution of post bipolar world. The radicalization of the West puts Russia and the whole world in a very challenging situation when the International society is about to break up and the world orders are almost clashed.

Key words: radicalization of West, world order, Kantian, Hobbesian, Grotian and Buchanan aspects of contemporary world, four world orders, the clash of world orders, Cold peace, Cold war

— *Professor Sakwa, we meet to have a talk in a very dramatic moment for EU-Russian and especially British-Russian relations. The situation has 'broken through the bottom' once again. But the process was pretty long. Your book "Russia against the Rest" [6] is aimed to describe this via your concept of four world orders. Did I understand right your idea?*

— I want to set up a framework of analysis to give the big picture. We all wonder how we got into this period of renewed confrontation and conflict, after the high hopes at the end of the Cold War. International politics is not in a good place at the moment. The Cold war has become a reality again. The tense situation between Russia and UK is a symptom of a deeper breakdown in international, and of the failure to establish a mutually satisfactory security order at the end of the Cold War.

The international system and the clash of world orders. The Cold War was not only about bipolarity but also about stability — the stability of institutional context and at the same time stability of ideological expectations and diplomatic norms and rules of game. The Cold War represented the institutionalization of Yalta-Potsdam order, which accepted that there are more than one great power. Even in the Cold War period there was an undermining of this order by the Helsinki process, on the one hand, and the socialist alternative in the western countries. There were a lot of challenges to western modernity, and the Russian socialism was just one of them. The intellectual framework of the Cold war was complicated. The main principle became equal sovereignty for all states whether they were big or small.

— *Where your vision of contemporary world order starts from? Whose shoulders are you standing on?*

— I would like to say few words about the international system. I use this term based on English school thinking. After twenty years when it was relatively eclipsed English school the Tim Dunne and Christian Reus-Smit “The Globalization of International Society” [2] appeared. The volume re-examines the development of today’s society of sovereign states, drawing on a wealth of new scholarship to challenge and complement — and above all to develop — the landmark account presented in Bull and Watson’s classic work, “The Expansion of International Society”. The edited book by Dunn and Reus-Smith examined the institutional contours of contemporary international society, with its unique blend of universal sovereignty and global law, and its forms of hierarchy that coexist with commitments to international human rights.

— *Here in RUDN University we talk for more than two decades about civilizational approach in international relations. It’s a kind of idee-fixe of our faculty’s scholars. Do you use it in your analysis?*

— The multilateralism of international society in this model is decoupled from liberal hegemony. This entails the restoration of pluralism to the international system, whose normativity is based on pluralism itself. In other words, cultural diversity, different “civilizational” paths and pluralist polity construction repudiate the idea that the historical experience of one set of states can act as universal models to all others. This model also achieves Russia’s long-term goal of an international security system that transcends military blocs. This is a pluralism founded on the belief that each state has to resolve its own challenges, and that historical experience cannot be transplanted from one context to another (the concept of much of post-communist democracy promotion). This does not mean that comparative lessons cannot be learned, but it rejects programmatic attempts to transfer models.

This is the conceptual basis for the rejection of norm transfer as an appropriate framework for relations between states. Pluralism is achieved by the recognition of diverse developmental paths to sustain not so much “multiple modernity” (since modernity by definition can only be singular, although taking a multiplicity of forms), as a number of distinctive security and civilizational complexes, each of which taken together is today conventionally described as a project for world order. Neither is this the pluralism generated, as in the realist paradigm, by the return of great power politics. Instead, the various world orders represent a combination of pluralism and solidarism, with the latter represented by the shared commitment to international society. This is a pluralism of procedure (that world orders can relate to international society autonomously, and not necessarily through alignment with the liberal internationalist order), rather than a pluralism based on substantive normative differences.

— *The contemporary politics makes us to lay aside neoliberal concepts of last few decades and to turn to ‘old-fashioned’ realism and classics of political thought. Which authors should be rediscovered first of all?*

— This is a substantive invocation of the Grotian position advanced by Bull. He distinguishes between the Hobbesian or realist tradition that sees international relations

as a permanent state of conflict between states in a system that is pre-eminently distributive or zero sum. In this perspective, peace is only a “period of recuperation” between renewed bouts of war. Contemporary realist thinkers, such as Hans Morgenthau, have developed a complex language to describe Dominant states try to get others to bandwagon with them, while weaker powers try to establish counter-balancing coalitions. There is little scope for morality here, and instead the Machiavellian impulse prevails. By contrast, the Kantian or universalist tradition asserts that international politics is capable of generating a “potential community of mankind”. Various transnational bonds tie nations and peoples together and foster cooperative policies to transcend conflicts, and indeed ultimately to transcend the state system itself. The moral imperative of what we today call human rights, for example, works not only to limit the sovereignty of states but drives towards their replacement by a cosmopolitan society. In between the realist and universalist traditions there is the Grotian idea of a society of states, or international society. Against the Hobbesians, common rules and institutions constrain the bellicosity of states; but by contrast with the Kantians, states remain the fundamental actors in the international system. In the Grotian concept, states are bound not only by the rules of prudence and expediency, but also by the norms of morality and law as generated by the particular international society of the era. The Grotian approach repudiates the ideological homogeneity so deeply embedded in Kantian cosmopolitanism, while rejecting the normative brutality of realist positions. It has no time for the ‘end of history’ and its concomitant assumption of the ‘end of international politics’; but neither does it succumb to the realist imposition of hegemonic order by powerful states. It offers the possibility of combining political realism and normative pluralism. The privilege of being superpower is that you create the weather. You create your own reality, your fact-based reality.

— *You talked about ideological Hegelian aspect and normative Kantian aspect of world order but there is a lack of economic agenda, some Friedman aspect. What kind of economics make a global financial and dollar hegemony? Could you incorporate some economic vision?*

— Certainly, for completion of this model I need the fourth leg — the economic one. But what name should I give to this world — Adam Smith, Milton Freedman or Friedrich Hayek? But even because of radicalization of this liberal market ideas I could use the work of Buchanan [1. P. 11—22]. In other worlds the neoliberalism and anti-statism could emphasize radicalization. That idea became metastased after the cold world. So I’d call it the Hayek world, with a touch of Buchanan’s ‘public choice’ Virginia School thinking.

— *Discussing your book with Rethinking Russia you said that the main challenge for Russia in 2018 was not “to damage itself”. “Russia against the Rest” can evolve to “Russia against itself” in case of succumbing to western provocations and restricting policies towards the civil society. Did we choose this scenario? How could we avoid it?*

— When you have the radicalization of the West your natural response is to radicalize yourself. There are plenty of hardliners in the Russian establishment — not only

in security services but also in intellectual community as well — who adopt this stance. Two-thirds of Putin's powerful speech to the Federal Assembly on 1 of March 2018 rejected the mobilization model of economic development. It was a modernization agenda based on the digital economy and public welfare. The pursuing your own agenda is a right way. As for the closure of the British Council as a result of the Skripal affair, it was an over-reactio. In Syria, in Ukraine there are US attempts to provoke Russia to the military conflict at all levels. The very dangerous people do that. As some western media say the grown-ups like McMaster took over from radicals such as Stephen Bannon, but I am not so sure. Are they really the grown-ups?

What Russia should do is to have self-confidence to develop its civil society and public sphere. Russia should abolish the foreign agent's law, which damages the development of Russian civil society and Russia itself. It has to have the independent experts. Most people have responsibility and understand Russian interest. The state should trust the civil society and develop the business climate. That's a big challenge for Putin's next period.

— *Things happen very fast. When you conceived your book, its name was rather provocative, now it absolutely matches the situation. There is no any exaggeration. We just started to think about Cold peace but it has already almost gone to the past. The Cold war 2.0 has come. Even today's discussion can expire tomorrow. How should social sciences deal with this?*

— As for the Cold peace: my periodization, because periodization is always an explication as well, lasted from 1991 until 2014 when the possibility was still open for the historical West become to Greater West somewhere in the frame of the European Union. After 2014 we have new rule game. Some people call it a new Cold War, I call it the clash of world orders. The title of the book was provocative, it was not just *Russia against the West*. Russia ultimately has to find and devise the national debate about the world and about itself. Russia is not isolated. Some notions like *самобытность*, *самоопределение* should be redefined nationally not only by elites. What should social scientists do with this? The academics definitely have their policy preferences. I am a legalist and evolutionist, not revolutionist and revisionist. I can say that the war started with the overthrow of legitimate governments. When the Cold war began in February 2014 with proxy conflicts, academics have the duty to be engaged in activity, polemics, debates. The key task is to stop the conflict escalating and explain the logic and the framework in which it is conducted.

— *The Apocalypses and Remilitarization is a part of your book. This scenario appears evidently and spontaneously. The last part of Presidential message to the Federal Assembly was surprising for the Russian society. Did the Presidential message move the arrow on the nuclear apocalypses clock? There is other position. As we live in the era of nuclear parity and the direct war is impossible, everything can be said, there is no any real responsibility for the words. And the politicians became internet trolls, their statements have no limits because do not really matter. Do they?*

— We are in more dangerous moment than we were been ever in human history with nuclear weapons, proliferation and the collapse of diplomacy. The nuclear clock

is now moved two minutes closer to midnight, closer than ever before. We, social scientist, feel disruption and the lack of mobilization because it's complicated. We'd mobilize ourselves to find more peaceable options. For example, is president Trump a more peaceable option, compared at least to the alternatives. From the liberal internationalist perspective, Hillary Clinton was a far more dangerous option. She embodied the militant revisionism of the US-led international order and aimed to change the world up to her image. If you don't want to be changed in someone's image you will be attacked.

Diplomacy has died in the contemporary world, I'm afraid.

— *The worst thing in today's British-Russian confrontation is a decrease of civil dialogue. You are famous British specialist in Russian studies. Do you feel more interest to yourself by British media? Does British society want to know expert opinion about Russia or it requires post-truth style discourse?*

— Excellent question! I am afraid it's the second. Recently on the BBC there was a programme called "Putin, The New Tsar" [5]. I am a great fan of BBC for many years, but I was shocked by complete collapse of intellectual, ethical and moral standards attempt to find the truth. It was a pure Goebbels-like propaganda piece. I couldn't believe that BBC could show this. There was no any attempt to find a truth, to collect some facts, to debate, there were no academics. So, the answer is no, we are not required. The followers of right-wing positions have now become the mainstream of the intellectual sphere as well as in politics.

— *EU Russia relations: Is there any chance to improve them and what Russia should do with them? Are there any steps Russia can implement?*

— The EU-Russian relations are pretty bad. The global strategic position is obviously changed because as the US defects from its own US-led world order, there is an opportunity for the EU to raise its international stature. The European Union itself, its leaders Angela Merkel, Emanuel Macron who restores a neo-Gaullist elements, Jean-Claude Juncker, Federica Mogherini were expected to do something. They claimed their voice was not loud as the Atlantists' one. But there is a potential for things to move in a neo-Gaullist way, but this will require French leadership — something that is uncertain under President Macron.

What should Russia do? Andrey Kortunov from Russian Council on International Affairs who is a great analyst and scholar constantly says you have to do some actions, the sort of things to collaborate [4]. But it seems to me unfortunately is only thing Russia can do is saying with words of British defense minister Gavin Williamson is "shut up and go away" [3]. Anything you may do will be taken as a concession. We need to find a new framework in which concessions work both ways. It used to be called diplomacy.

REFERENCES

1. Buchanan J.M. Politics without Romance: a Sketch of Positive Public Choice Theory and its Normative Implications. *The Theory of Public Choice-II*. Ed. by J.M. Buchanan and R.D. Tollison. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press; 1984: 11—22.

2. Dunne T., Reus-Smit C. *The Globalization of International Society*. Published to Oxford Scholarship Online: 2017. Available from: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780198793427.001.0001/acprof-9780198793427> DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198793427.001.0001.
3. Gavin Williamson is “shut up and go away”. *Independent*. 15.03.2018. Available from: <https://www.independent.co.uk/voices/gavin-williamson-shut-up-go-away-russia-vladimir-putin-sergei-skripal-a8257466.html>.
4. Kortunov A. *Hybrid Cooperation: A New Model for Russia-EU Relations*. Available from: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/hybrid-cooperation-a-new-model-for-russia-eu-relations/>.
5. Putin, The New Tsar. *BBC*. Available from: <https://www.bbc.co.uk/programmes/b09vb7m3>.
6. Sakwa R. *Russia against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order*. Cambridge University Press; 2017.

The interview is presented by *Daria Kazarinova*
Интервью подготовила *Казаринова Дарья Борисовна*

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-148-153

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ЗАПАДА И СТОЛКНОВЕНИЕ МИРОВЫХ ПОРЯДКОВ

Интервью с РИЧАРДОМ САКВОЙ,
профессором Университета Кента (Великобритания)

Данное интервью было взято у профессора Ричарда Саквы в непростой период, когда новая «холодная война» стала очевидной реальностью, а российско-британский кризис спровоцировал дипломатический конфликт между Россией и большинством западных стран. Дискуссия была основана на идеях из недавно вышедшей книги Ричарда Саквы «Russia against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order» («Россия против остальных. Кризис мирового порядка после холодной войны»): феномены холодной войны и холодного мира и эволюция постбиполярного мира. Радикализация Запада ставит Россию и весь мир в очень сложную ситуацию, когда международное сообщество может распасться и мировые порядки столкнутся.

Ключевые слова: радикализация Запада, мировой порядок, Кант, Гоббс, Гроций, Бьюкенен, четыре мировых порядка, столкновение мировых порядков, Холодный мир, Холодная война

Сведения об авторах:

Ричард Саква — доктор политических наук, профессор Университета Кента (Великобритания) (e-mail: R.Sakwa@kent.ac.uk).

Казаринова Дарья Борисовна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: kazarinova_db@pfur.ru).

Information about the authors:

Richard Sakwa — PhD, professor of Russian and European politics at the University of Kent (Great Britain) (e-mail: R.Sakwa@kent.ac.uk).

Kazarinova Daria Borisovna — PhD, associate professor of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: kazarinova_db@pfur.ru).

Статья поступила в редакцию 27.03.2018.

Received 27.03.2018.

© Саква Р., Казаринова Д.Б., 2018.



ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-154-166

ИДЕОЛОГИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ И ИНТЕГРАЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЕС И ЕАЭС

В.С. Изотов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Россия, 119991

В статье предпринимается попытка выделить понятие «интеграционного сознания» в современных процессах наднациональной интеграции. Актуальность этого понятия как составной части более широкой категории «внешнеполитического сознания, обусловлена растущей ролью идеологии в интеграционных процессах. Проводится сравнительный анализ идеологических компонентов двух интеграционных систем — ЕС и ЕАЭС. Рассматривается, в частности, схожесть аксиологических концептов «европеизации» и «евразийства». Отмечается, что и в Европе, и в России влияние интеграции на социокультурные и внешнеполитические установки граждан постоянно растет. При этом в условиях беспрецедентного обострения международных отношений, фактически «холодной войны 2.0», восприятие интеграционных процессов на уровне идеологических дискурсов становится все более массовым и популистским. Автор приходит к выводу, что интеграционное сознание оказывает значимое влияние на динамику наднациональной кооперации в региональных и глобальных масштабах. В частности, для России в рамках ЕАЭС оно способно сыграть важную роль при необходимой географической диверсификации интеграционной стратегии.

Ключевые слова: аксиология, ЕАЭС, ЕС, Евразия, евразийство, европеизация, внешнеполитическое сознание, идеология, интеграция, интеграционные системы, интеграционное сознание, наднациональность, популизм

ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ

Интеграционные процессы, развернувшиеся в глобальном политико-экономическом пространстве, имеют долгосрочные последствия для международных отношений и планетарной политической динамики. Становится все более очевидным их влияние на ключевые понятия политической теории, ее категории и терминологию.

В современных интеграционных системах (1) процессы взаимодействия не ограничиваются торгово-экономическими отношениями на основе развития глубоких взаимосвязей и разделения труда между национальными хозяйствами (классические характеристики международной экономической интеграции). В них

можно аналитически выделить, как минимум, три основные составляющие — экономику, политику и идеологию. Все больший интерес вызывает и социальное восприятие интеграционных процессов, что связывается с политической устойчивостью режимов и транзитными перспективами недемократических систем. На этих направлениях в последние десятилетия развернулись плодотворные академические дискуссии, в основном институционально-описательного и сравнительного характера [20; 23; 26—28; 30—32]. Во многих работах обращается внимание на то, что интеграционные процессы содержат как рациональные (материальные), так и идейные компоненты. Соответственно, актуальные интеграционные стратегии определяются не только политической и экономической мотивацией, но и задаются набором идей, норм и ценностей. Это не удивительно, если учесть триумфальное возвращение идеологии в мировую политику и международные отношения. «Конец идеологии», провозглашенный западными обществоведами, оказался живучей иллюзией, поддерживающейся вплоть до начала нашего столетия [2]. Параллельно отметим интересную тенденцию: «идеологическая» трактовка современной интеграции сближается с теориями конструктивизма в международных отношениях, придающими большое значение нематериальным категориям.

В этих контекстах представляется аналитически перспективным выделить понятие «интеграционного сознания» и предположить его растущее влияние на интеграционные процессы в региональных и глобальных масштабах. Динамика развития современных интеграционных систем требует теоретической и аналитической формализации этого понятия. Прежде всего отметим, что интеграционное сознание правомерно рассматривать как составляющую более широкого понятия — внешнеполитического сознания. Данная категория широко разработана в отечественной политической науке, прежде всего Н.А. Косолаповым, С.В. Чугровым и другими исследователями [14; 18; 24; 25]. Концептуализация понятия интеграционного сознания связана с аксиологическими и нормативно-правовыми аспектами, предполагающими достижение стратегических целей любых интеграционных систем — самоопределение в пространстве мировой политики и успешную конкуренцию с другими коллективными акторами. При этом несложно идентифицировать носителей интеграционного сознания: ими являются три политических субъекта — граждане, институты и элиты.

Исторические примеры идеологизации наднациональных политических и экономических пространств можно найти в теориях классической геополитики. Немецкий ученый Карл Хаусхофер (1869—1946) разработал теорию геополитической структуры мира на основе взаимодействия «больших пространств» (панрегионов). Он определял их как глобальные блоки, объединенные социально-политической панидеей. В его работе «Геополитика сверхидей» (1931) модель мира включает несколько панрегионов с центрально-периферическим строением.

«Объединение идей» важно для образа будущего и горизонтов развития. Как подчеркивает О.В. Буторина, субъекты любой интеграции должны, как минимум, иметь общее представление о настоящей и будущей глобальной идентичности [4].

Конкурентоспособные интеграционные системы должны быть успешны не только экономически и политически, но и являться носителями «смысловых» (идеологических) характеристик, оказывающих влияние на внешнеполитическое и, в частности, интеграционное сознание населения. Образ привлекательного будущего, общего для всех агентов системной интеграции, невозможен без идеологической составляющей. Только в этом случае закономерно возникает известный эффект *spill-over* (перелива), при котором интеграция приобретает системные качества и распространяется из области экономики на политику, право, науку, образование, культуру. Отметим также, что конструирование образа успешной глобальной идентичности на основе интеграционной идеологии может использовать стратегии «мягкой» и «умной» силы, по сути являющимися идеологическими проекциями внешней политики государств.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ И ИНТЕГРАЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ ЕС И ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ

Идеологическая основа, наряду с экономической и политической составляющей, является необходимым условием устойчивости интеграционных систем, их успешной конкуренции в глобальном пространстве. При этом аргументация должна задаваться не только элитарными группами в управляющих центрах, но и импульсами со стороны негосударственных агентов и обычных граждан. Целесообразно рассмотреть эти вопросы в ходе сравнительного анализа двух интеграционных систем — ЕС (Европейского Союза) и ЕАЭС (Евразийского экономического союза).

В теоретико-методологических подходах именно европейская модель рассматривается в качестве эталона, поскольку ее опыт позволил достичь наибольшей глубины интеграции. С точки зрения глобально-политического прогнозирования правы исследователи, утверждающие, что «влияние регионализма на многополюсное структурообразование исходит, прежде всего, от европейской интеграции. Она несравненно ощутимее, чем все другие интеграционные образования, накладывает свой отпечаток на структурное оформление нового мироустройства» [5. С. 391]. История Европейского Союза позволяет исследователям описывать европейское интеграционное сознание через понятие «европеизации», которое определяется как «процесс возникновения, распространения и институционализации формальных и неформальных правил, процедур, политических парадигм и стилей, разделяемых убеждений и норм, которые консолидируются на уровне политического процесса ЕС, а затем инкорпорируются в политику на наднациональном уровне» [3. С. 156]. С аксиологической точки зрения очевидно, что на первоначальных стадиях европейского объединения (1950—60 гг.) была поставлена задача формирования определенного типа «интеграционного сознания». Как известно, процессы захватили преимущественно социально-экономическую сферу и связывались с теориями всеобщего благосостояния (*the welfare state*), идеологически поддерживая будущий образ «процветающей Европы». В немалой степени этому способствовала и начавшаяся с конца 1960-х гг. либерализация рынка труда в Европейском

экономическом сообществе (ЕЭС). В частности, был введен «принцип резидентства» при перемещении рабочей силы. Политические архитекторы союза хорошо понимали, что интеграция может быть успешной только в случае естественного делегирования от политических элит к гражданам чувства общей идентичности. При этом каналы такой коммуникации проходили через социальные страты среднего класса — драйвер европейской экономики во второй половине XX века. В результате европейское интеграционное сознание выстраивалось на платформе наднациональных ценностей, закрепленных в учредительных документах и основополагающих договорах сначала ЕЭС, позже ЕС, а также ряде документов, прежде всего в Хартии Европейского Союза об основных правах и Европейской конвенции о правах человека. К определяющим ценностям относятся демократия, верховенство закона, приоритет правового государства и гражданского общества, неотъемлемые права и свободы человека.

Как замечают О.В. Барабанов и А.И. Клименко, идеология ЕС, выражающая «общеευропейские ценности», может рассматриваться как своего рода «выжимка» и, вместе с тем, — смысловая интеграционная основа европейских государств [12]. В последние годы, несмотря на институционально-политический кризис [10], ЕС продолжает укреплять интеграционное сознание, последовательно проводя активную коммуникативно-социальную политику. В 2013 году Брюссель укрепил систему наднационального информирования населения по вопросам прав человека, открыв 500 информационных центров «Europe Direct». В основе проекта лежит сетевая информационная структура, расширяющая возможности граждан в получении практической информации и рекомендаций по реализации и защите прав человека в ЕС. Принципиально важно, что кроме информационных функций, центры стимулируют социально-политические дебаты на местных уровнях [33]. По мере развития интеграционных процессов в них вовлекается все большее число людей. Сегодня миллионы европейцев прямо или косвенно вовлечены в работы тех или иных институтов интеграции. По данным на январь 2018 года, в Еврокомиссии в качестве постоянных работников наняты 32 546 человек (55% женщин и 45% мужчин). В проекты на временной основе привлекаются, по разным оценкам, не менее 50 тыс. человек. В конце 2017 г., в преддверии 70-летней годовщины принятия Всеобщей декларации прав человека, Верховный Представитель ЕС Федерика Могерини акцентировала в публичном пространстве следующие тезисы, иллюстрирующие роль европейского интеграционного сознания на современном этапе. «С самого начала, — заявила она, — ЕС сделал защиту прав человека не только основой своей внутренней и внешней политики, но и основой Союза. Права человека являются универсальными, неделимыми и взаимосвязанными, и нет никаких различий между гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами. ЕС продолжит подтверждать свою приверженность защите и поощрению принципа универсальности прав человека во всех случаях» [29].

В области внешнеполитического сознания становление концепции европеизации также прослеживается достаточно четко. После Второй мировой войны

страны Западной Европы начали коллективный пересмотр своего места и роли в системе международных отношений. Для большинства из них «внешнеполитическая европеизация» стала формой компенсации комплекса малых государств, еще сохранивших память о былом величии, но уже задумавшихся об угрозах маргинализации. Как отмечает А.А. Байков, страны Европы стремились подтянуться в коллективном формате до уровня ключевых субъектов международной политики (в годы биполярности — к США и СССР, сегодня — к США, России, Китаю) [1. С. 68].

Реинтеграция постсоветского пространства имеет ряд существенных отличий от европейской реальности послевоенного периода. После распада СССР и создания СНГ в силу особенностей недавней политической истории императивы интеграции при создании Таможенного союза, ЕврАзЭС и Евразийского союза были намеренно смещены в экономическую область. Надо учитывать, что европейский проект имел значительную временную фору, в том числе и при переходах между различными стадиями интеграции. Например, путь от таможенного союза к единому экономическому пространству осуществился за значительно более продолжительный период по сравнению с ЕАЭС.

Нормативные ценности и соответствующая политическая аксиология, формирующие интеграционное сознание жителей советских республик (исключая прибалтийские), начали формироваться еще до фактического распада СССР. Известный ученый и правозащитник А.Д. Сахаров в 1989 г. в проекте Конституции для обновленного Союза предложил переименовать государство в «Союз Советских Республик Европы и Азии» — добровольное объединение суверенных республик Европы и Азии [22. С. 266—267]. После распада СССР поиски термина для описания постсоветского надгосударственного сотрудничества завершились консенсусом по отношению к географическому топониму «Евразия» (2). В первой половине 1990-х годов Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выступил с инициативой Евразийского союза (3). В 2001 году возникло Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), которое в 2015 году было институционально и функционально инкорпорировано в ЕАЭС.

Функциональные стадии евразийской интеграции выделяются достаточно четко. За 13 лет существования (2001—2014) ЕврАзЭС выполнил свою основную задачу, сформировав правовую и институциональную основу для создания Таможенного союза и Единого экономического пространства, на базе которых, в свою очередь, возник ЕАЭС.

Синхронно проходила и научная концептуализация (нео)евразийства в отечественной политологии. Термин был принят и в западной науке. В США и Европе в первые постсоветские десятилетия большая часть специализировавшихся ранее на России центров сменила название, включив в него слово «Евразия», а термин «евразийский» появился в названии ведущих западных политологических журналов [6. С. 13—14]. В настоящее время в теории международных отношений и мировой политики термин «Евразия» применяется к части постсоветского

пространства, включающей в себя Россию, среднеазиатские и кавказские государства [19. С. 165].

Несмотря на подчеркнуто экономический характер реинтеграции постсоветские элиты, прежде всего стран ведущей интеграционной тройки (Россия, Беларусь, Казахстан), предприняли попытку создания аксиологических концептов «евразийства», аналогичных понятию «европеизации» в ЕС. Относительные экономические успехи евразийского интеграционного проекта во многом обеспечиваются общим культурно-историческим пространством в едином русскоязычном лингвистическом поле и мирным характером диалога между этносами и конфессиями. В «Декларации о евразийской экономической интеграции» от 18 ноября 2001 года отмечалось, что «дальнейшее развитие интеграции, основанной на глубоких исторических и духовных связях между народами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, отвечает национальным интересам этих государств, способствует решению стоящих перед ними общих задач по повышению благосостояния и качества жизни граждан, устойчивому социально-экономическому развитию, всесторонней модернизации и усилению национальной конкурентоспособности в рамках глобальной экономики» [7].

Реинтеграция постсоветского пространства с самого начала получила сильную историческую и аксиологическую поддержку из прошлого. Обострившиеся после распада СССР геополитические противоречия и поиск новых форм интеграционной идентичности сделали востребованными весьма разнообразную группу теорий «евразийства», возникших в 1920-х годах в Европе в среде русской интеллектуальной эмиграции. Несмотря на определенную фрагментарность и противоречивость, евразийство было политически концептуализировано в формирующей постсоветской интеграционной идеологии, не в последнюю очередь потому, что оно страховало интеграционный проект от рисков национализма, обосновывая сосуществование разных народов (прежде всего славянского и тюркского), культур и религий в границах общего пространства. Актуально с точки зрения современности выглядит, например, такая цитата из коллективного манифеста евразийцев: «Евразия предстает перед нами как, возглавляемый Россией, особый социокультурный мир, внутреннее и крепко единый в бесконечном многообразии своих проявлений» [8. С. 35]

Идеи евразийцев совпали с мнением большинства россиян: согласно опросу ВЦИОМ в 2001 году 71% респондентов заявили, что они считают Россию единственной в своем роде евразийской и православной цивилизацией. Только 13% согласились с мнением о том, что Россия принадлежит западной цивилизации. Показательно отношение к созданию ЕАЭС. Согласно социологическим данным 2014 года 70% опрошенных россиян одобряли его создание. При этом 27% хотят видеть Союз как «восстановленный СССР в новой форме при политической независимости стран-участниц, а 41% — новым объединением, у которого будет своя форма и принципы работы» [21]. Однако имеет место и определенная инверсия, еще недостаточно изученная социологами. Те же социологические опросы показывают, что подобное «евразийство» в массовом сознании не обязательно

предполагает стремление к партнерству и открытости. Напротив, оно вполне может сочетаться с призывами ограничить приток мигрантов из Средней Азии и Закавказья [6. С. 17].

Современная эволюция интеграционного сознания связана с оформлением на рубеже XX и XXI века неоевразийского направления в российской общественно-политической мысли. Вопросы интеграции постсоветского пространства изначально находились в центре внимания неоевразийцев. Следуя в русле своих идейных предшественников в 1920—30 годах прошлого века, они выступали против универсальности концепций европоцентризма, находя вдохновение и в трудах западных мыслителей, прежде всего А. Тойнби, О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского. Анализируя генезис европейской интеграции, неоевразийцы подчеркивали, что ее опыт не должен рассматриваться как обязательная политико-экономическая матрица для всего мира. Активно используя геополитическую терминологию, они рассматривали Россию и иницилируемые ей стратегии объединения постсоветского пространства как выполнение исторической миссии по политической, экономической и социокультурной реинтеграции. Неоевразийство связано с такими исследователями, как А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский, А.Г. Дугин, Н.А. Нарочницкая.

Система взглядов неоевразийцев на внешнюю политику и интеграцию постсоветского пространства продолжает развиваться, вызывая интерес не только у российских, но и у западных исследователей [34; 35]. Однако возрождение классического евразийства и его современные интерпретации захватывали лишь небольшую часть целевой аудитории, в основном интеллектуальные и академические круги постсоветских стран. У большинства населения стран, участвующих в процессах евразийской интеграции, наблюдался устойчивый дефицит информации о ходе самих процессов, их политэкономических смыслах и перспективах.

Отметим, что влияние интеграции на социокультурные и политические установки населения стран ЕАЭС является важным фактором успешности интеграционной системы. В последние годы в России ряд структур, созданных по инициативе власти, целенаправленно работают над идеологической составляющей евразийского проекта. В рамках официальных доктрин деятельность ведется по каналам публичной дипломатии, в том числе через такие организации, как фонд «Русский мир» и федеральное агентство Россотрудничество. Однако наднациональных информационных проектов, подобных «Еurore Direct», вовлекающих население в конструирование интеграционных систем «снизу», в ЕАЭС пока не создано.

Тем не менее, накопленный опыт интеграции позволяет зафиксировать определенные достижения. Наиболее успешной оказалась легитимация евразийского интеграционного проекта во внешнеполитическом сознании населения стран ЕАЭС. Со времени своего создания Союз воспринимается как альтернативный центр силы, претендующий на значимые позиции в глобальной архитектуре. Создание ЕАЭС позволило России определиться в отношении постсоветских ценностей, четче вычертить векторы международной ориентации. Евразийская интеграция стала значимым смыслом внешнеполитической стратегии страны,

закрепилась в официальных документах и риторике первых лиц государства. В Концепции внешней политики РФ подчеркивается значимость ЕАЭС и обращается внимание на необходимость активизации организаций и структур, способствующих укреплению интеграционных процессов в Евразии [13].

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ: КОНКУРЕНЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СИСТЕМ И ВАЖНОСТЬ ДИВЕРСИФИКАЦИИ СТРАТЕГИЙ

Выделение понятия интеграционного сознания позволяет глубже анализировать современные интеграционные процессы, и особенно их идеологическую составляющую. Как бы ни складывалась текущая внешнеполитическая конъюнктура, очевидно, что в формирующемся панрегионе Большой Евразии отношения ЕС — ЕАЭС являются императивным фактором стратегической стабильности. Причем не только в континентальном, но и в мировом масштабе. Однако взаимодействие интеграционных систем подразумевает и острую конкуренцию между ними, при которой идет борьба за расширение сфер влияния и одновременно за сохранение внутренней стабильности. Таковы правила глобальной геостратегической игры XXI века. Сам факт становления интеграционных систем и острейшей конкуренции между ними является показателем сложности и противоречивости глобализации.

Несмотря на существенное хронологическое преимущество ЕС, сегодня мы становимся свидетелями продолжающегося кризиса институтов и идеологии европейской интеграции. Наиболее симптоматичен феноменальный восход популизма, объектом критики которого является евроинтеграция и ее наднациональные бюрократические регуляторы. Особенно непримиримы популисты по отношению к перспективам трансформации национальной природы гражданства, которая в свое время была светлой мечтой отцов-основателей ЕС. Однако практика показала, что успехи в экономической и политической интеграции, свободное перемещение и единый европейский паспорт не сформировали постнациональное гражданство как институт и политическую категорию. В ЕАЭС подобные цели не ставятся, и это своего рода результат обучения на европейских ошибках.

Приоритетная задача для ЕАЭС на современном этапе, в условиях обостряющихся санкционных оппозиций, — уйти от нарастающей тенденции к автаркии, исключения из важных сегментов глобальной экономики и мировых кооперационных звеньев. В связи с этим возрастает важность восточного вектора интеграции, перспективы которого связываются прежде всего с реализацией договоренностей между лидерами России и Китая о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Ставка делается и на потенциальную интеграцию на уровне зон свободной торговли (ЗСТ) с Индией, Вьетнамом (соглашение о ЗСТ подписано), Ираном (соглашение находится в финальной стадии ратификации), Камбоджой, Южной Кореей, рядом других государств. При этом подчеркнем ошибочность теоретического противопоставления западной и восточной стратегии ЕАЭС, что часто встречается в российской политической аналитике [11]. Нельзя забывать, что цель проекта ЭПШП связать китайский и европейский рынки

посредством ЕАЭС как трансконтинентального моста. Важно, что внешние азиатские партнеры евразийской интеграционной системы не заинтересованы в антизападных союзах и, как правило, верны принципу диверсификации внешне-экономических связей. Пример Вьетнама, одновременно и успешно сотрудничающего с ЕС, ЕАЭС, АСЕАН и ТПП, более чем нагляден [16; 17]. В ходе этих процессов изучение интеграционного сознания приобретает особую актуальность. Наряду с экономикой и политикой идеология как «третий сегмент» интеграции способна разомкнуть порочный круг односторонней ориентации как на Запад, так и на Восток. Как представляется, от рациональной диверсификации российских интеграционных стратегий будет зависеть их успех в Большой Евразии XXI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В статье используется определение «интеграционные системы» вместо «объединений», «организаций», «альянсов», «союзов», «клубов», «группировок» и других дефиниций, встречающихся в отечественной и зарубежной научной литературе. Такой подход обоснован тем, что в современных условиях все больше региональных и макрорегиональных интеграционных объединений приобретают системные характеристики. Подробнее см.: [9; 15].
- (2) Впервые термин «Евразия» был введен в географическую науку немецким естествоиспытателем Александром фон Гумбольдтом на рубеже XVIII—XIX веков. Он применил его ко всему континенту Старого Света, охватывающему Европу и Азию. Греки и византийцы именовали его «Ойкуменой» (Οἰκουμένη), а в средневековой Европе это пространство называли «Обитаемым миром» (Orbis Terrarum).
- (3) Окончательное оформление в рамках политической риторики проект получил в ходе выступления Н. Назарбаева в МГУ имени М.В. Ломоносова в марте 1994 года. В июне того же года детально разработанный интеграционный проект «О формировании ЕАС» направлен главам постсоветских государств и опубликован в СМИ. Впервые в официальном документе новое интеграционное объединение названо «Евразийским союзом».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Байков А.А.* Сравнительная интеграция. М.: Аспект-пресс, 2012.
- [2] *Белл Д.* Возобновление истории в новом столетии // *Вопросы философии*. 2002. № 5. С. 13—25.
- [3] *Бордачев Т.В., Зиновьева Е.С., Лихачева А.Б.* Теория международных отношений в XXI веке. М.: Международные отношения, 2015.
- [4] *Буторина О.В.* Понятие региональной интеграции: новые подходы // *Космополис*. 2005. № 3 (13).
- [5] *Быков О.Н.* Международные отношения: трансформация глобальной структуры. М.: Наука, 2003.
- [6] *Винокуров Е.Ю., Либман А.М.* Евразийская континентальная интеграция. СПб.: ЕАБР, 2012.
- [7] Декларация о евразийской экономической интеграции. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1091>. Дата обращения: 1.04.2018.
- [8] *Евразийство (опыт систематического изложения)*. Париж, 1926.
- [9] *Изотов В.С.* Интеграционные системы и проблемы политической стабильности: поиск закономерностей и опыт прогнозирования // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2016. № 4. С. 9—29.

- [10] *Кавешников Н.Ю.* Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 5.
- [11] *Караганов С.А.* Обещание Евразии // *Российская газета (федеральный выпуск)*. 26.10.2015.
- [12] *Клименко А.И., Барабанов О.Н.* Концепция общего идеологического пространства России и ЕС // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 1.
- [13] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 30.11.2016). Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. Дата обращения: 12.02.2018.
- [14] *Косолапов Н.А.* Внешнеполитическое сознание: категория и реальность // *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. М., 2002.
- [15] *Костин А.И., Изотов В.С.* Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2015. № 2. С. 7—32.
- [16] *Мазырин В.М.* Вьетнам: зоны свободной торговли // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 3. С. 72—82.
- [17] Материалы Круглого стола в ИДВ РАН (Центр изучения Вьетнама и АСЕАН) «Создание Зоны свободной торговли между ЕАЭС и СРВ». Режим доступа: <http://www.ifes-ras.ru/events/8/1517-2015-06-11-08-40-0>. Дата обращения: 25.01.2018.
- [18] *Поливаева Н.П.* Об эволюции политического сознания в современном мире // *Власть*. 2008. № 6. С. 63—67.
- [19] *Политлексикон: понятия, факты, взаимосвязи*. М.: РОССПЭН, 2013.
- [20] *Россия в современных интеграционных процессах / Под ред. С.А. Афонцева и М.М. Лебедевой*. М.: МГИМО-Университет, 2014.
- [21] *Россияне — о создании Евразийского экономического союза*. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114883>. Дата обращения: 24.03.2018.
- [22] *Сахаров А.Д.* Тревога и надежда. М.: ИНТЕР-ВЕРСО, 1991.
- [23] *Стрежнева М.В.* Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // *Международные процессы*. 2012. № 2. С. 17—28.
- [24] *Чугров С.В.* Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения // *Полис. Политические исследования*. 2007. № 4. С. 46—65.
- [25] *Чугров С.В.* Идеологемы и внешнеполитическое сознание // *Мировая экономика и международные отношения*. 1993. № 2. С. 38—49.
- [26] *Acharya A., Johnston A.* Crafting Cooperation. Regional International Institutions in Comparative Perspective. London: Oxford University Press, 2007.
- [27] *Ademmer E., Lissovolik Y.* Thoughts on Inclusive Economic Integration // *Getting out from «In-Between»: Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia*. USA: RAND Corporation, 2018.
- [28] *Axline W. A., editors.* The Political Economy of Regional Cooperation. Comparative Case Studies. London: Pinter Publishers, 1994.
- [29] Declaration by the High Representative Federica Mogherini on behalf of the EU on Human Rights Day, 10 December 2017. Режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/12/08/declaration-by-the-high-representative-federica-mogherini-on-behalf-of-the-eu-on-human-rights-day-10-december-2017/>. Дата обращения: 22.02.2018.
- [30] *Gruber L.* Ruling the World: Power and the Rise of Supranational Institutions. Princeton University press, 2010.
- [31] *Kelstrup M.* Intergration Theories: History, Competing Approaches and New Perspectives // *Explaining European Integration*. København: Forlaget Politiske Studier, 1998.
- [32] *Laursen F., editor.* Comparative Regional Integration: Theoretical Perspective. England: Ashgate, 2003.

- [33] Making Citizens' Rights a Tangible Reality: 500 Information Centres Inform Citizens Across Europe. Режим доступа: //europa.eu/rapid/press-release_IP-13-234_en.htm. Дата обращения: 20.03.2018.
- [34] *Ostbo Jardar*. The New Third Rome: Readings of a Russian Nationalist Myth. Columbia University Press, 2018.
- [35] *Tsygankov A.* Hard-line Eurasianism and Russia's Contending Geopolitical Perspectives // East European Quarterly. 1998. № 32. P. 315—334.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-154-166

IDEOLOGY OF SUPRANATIONAL POLITICAL SPACES AND THE INTEGRATION-CONSCIOUSNESS. A STATEMENT OF THE PROBLEM AND COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EU AND THE EEU

V.S. Izotov

Lomonosov Moscow State University
Lomonosov Avenue, 27, bldg. 4, Moscow, Russia, 119991

Abstract. In this article the author attempts to distinguish the concept of the integration-consciousness in the modern processes of supranational integration. The relevance of this concept, as an integral part of a broader scientific category of the foreign policy-consciousness, is due to the growing role of ideology in integration processes. In article has done a comparative analysis of the ideological components of the two integration systems — the EU and the EEU. It is noted that in Europe and in Russia the influence of the integration on the sociocultural and foreign policy attitudes of citizens is constantly growing.

At the same time, in the situation of the so-called “Cold War 2.0”, the perception of integration processes at the level of ideological discourses is becoming increasingly massive and populist. The author comes to the conclusion that the concept of the integration-consciousness has a significant impact on the dynamics of the modern integration processes. One of the main author's finding is that for Russia within the framework of the EEU the integration-consciousness might play an important role in the much needed geographical diversification of the integration strategy.

Key words: axiology, EEU, EU, Eurasia, Eurasianism, Europeanism, foreign affairs-consciousness, ideology, integration, integration-consciousness, intergovernmentalism, consciousness, integration system, populism, supranationalism, supranational political spaces

REFERENCES

1. Bajkov A.A. *Sravnitel'naya integraciya*. Moscow: Aspekt-press; 2012. (In Russ.).
2. Bell D. Vozobnovlenie istorii v novom stoletii. *Voprosy filosofii*. 2002; 5: 13—25. (In Russ.).
3. Bordachev T.V., Zinov'eva E.S., Lihacheva A.B. *Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij v XXI veke*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2015. (In Russ.).
4. Butorina O.V. Ponyatie regional'noj integracii: novye podhody. *Kosmopolis*. 2005; 3 (13). (In Russ.).
5. Bykov O.N. *Mezhdunarodnye otnosheniya: transformaciya global'noj struktury*. Moscow: Nauka; 2003. (In Russ.).
6. Vinokurov E.YU., Libman A.M. *Evrazijskaya kontinental'naya integraciya*. SPb.: EABR; 2012. (In Russ.).
7. *Deklaraciya o evrazijskoj ehkonomicheskoj integracii* Available from: <http://kremlin.ru/supplement/1091>. (In Russ.).

8. *Evracijstvo (opyt sistematičeskogo izloženiya)*. Parizh; 1926. (In Russ.).
9. Izotov V.S. Integracionnye sistemy i problemy političeskoj stabil'nosti: poisk zakonomernostej i opyt prognozirovaniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 2016; 4: 9—29. (In Russ.).
10. Kaveshnikov N.YU. Institucional'no-političeskoe razvitie ES: krizis i varianty transformacii. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017; 5. (In Russ.).
11. Karaganov S.A. Obeshchanie Evrazii. *Rossijskaya gazeta (federal'nyj vypusk)*. 26.10.2015. (In Russ.).
12. Klimenko A.I., Barabanov O.N. Koncepciya obshchego ideologičeskogo prostranstva Rossii i ES. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2010; 1. (In Russ.).
13. *Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 30.11.2016)*. Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. (In Russ.).
14. Kosolapov N.A. Vneshnepolitičeskoe soznanie: kategoriya i real'nost'. *Očerki teorii i političeskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenij*. Moscow; 2002. (In Russ.).
15. Kostin A.I., Izotov V.S. Integracionnye sistemy v paradigme globalistiki: obnovlenie issledovatel'skih podhodov. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 2015; 2: 7—32. (In Russ.).
16. Mazyrin V.M. V'etnam: zony svobodnoj trgovli. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016; 3: 72—82. (In Russ.).
17. *Materialy Kruglogo stola v IDV RAN (Centr izučeniya V'etnama i ASEAN) «Sozdanie Zony svobodnoj trgovli mezhdru EAEHS i SRV»*. Available from: <http://www.ifes-ras.ru/events/8/1517-2015-06-11-08-40-0>. (In Russ.).
18. Polivaeva N.P. Ob ehvolucii političeskogo soznaniya v sovremennom mire. *Vlast'*. 2008; 6: 63—67. (In Russ.).
19. *Politleksikon: ponyatiya, fakty, vzaimosvyazi*. Moscow: ROSSPEHN; 2013. (In Russ.).
20. *Rossiya v sovremennyh integracionnyh processah*. Ed. by S.A. Afoncev i M.M. Lebedeva. Moscow: MGIMO-Universitet; 2014. (In Russ.).
21. Rossiyanе — o sozdanii Evrazijskogo ehkonomičeskogo soyuza. *WCIOM.ru*. Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114883>. (In Russ.).
22. Saharov A.D. *Trevoga i nadezhda*. M.: INTER-VERSO, 1991. (In Russ.).
23. Strezhneva M.V. Integraciya i vovlechenie kak instrumenty global'nogo upravleniya. *Mezhdunarodnye processy*. 2012; 2: 17—28. (In Russ.).
24. Chugrov S.V. Ponyatie vneshnepolitičeskogo mentaliteta i metodologiya ego izučeniya. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2007; 4: 46—65. (In Russ.).
25. Chugrov S.V. Ideologemy i vneshnepolitičeskoe soznanie. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 1993; 2: 38—49. (In Russ.).
26. Acharya A., Johnston A. *Crafting Cooperation. Regional International Institutions in Comparative Perspective*. London: Oxford University Press; 2007.
27. Ademmer E., Lissovolik Y. Thoughts on Inclusive Economic Integration. *Getting out from «In-Between»: Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia*. USA: RAND Corporation; 2018.
28. Axline W.A., editors. *The Political Economy of Regional Cooperation. Comparative Case Studies*. London: Pinter Publishers; 1994.
29. *Declaration by the High Representative Federica Mogherini on behalf of the EU on Human Rights Day, 10 December 2017*. Available from: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/12/08/declaration-by-the-high-representative-federica-mogherini-on-behalf-of-the-eu-on-human-rights-day-10-december-2017/>.
30. Gruber L. *Ruling the World: Power and the Rise of Supranational Institutions*. Princeton University press; 2010.

31. Kelstrup M. Integration Theories: History, Competing Approaches and New Perspectives. *Explaining European Integration*. København: Forlaget Politiske Studier; 1998.
32. Laursen F., editor. *Comparative Regional Integration: Theoretical Perspective*. England: Ashgate; 2003.
33. *Making Citizens' Rights a Tangible Reality: 500 Information Centers Inform Citizens Across Europe*. Available from: //europa.eu/rapid/press-release_IP-13-234_en.htm.
34. Ostbo Jardar. *The New Third Rome: Readings of a Russian Nationalist Myth*. Columbia University Press; 2018.
35. Tsygankov A. Hard-line Eurasianism and Russia's Contending Geopolitical Perspectives. *East European Quarterly*. 1998; 32: 315—334.

Информация об авторе:

Изотов Владимир Сергеевич — кандидат политических наук, доцент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: geogenesis@yandex.ru).

Information about the author:

Izotov Vladimir Sergeevich — PhD, associate professor of the Department of Political Science of Lomonosov Moscow State University (e-mail: geogenesis@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 26.03.2018.

Received 26.03.2018.

© Изотов В.С., 2018.



DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-167-175

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕС

Р. Алонци

Сиенский университет
ул. Банчи ди Сотто, 55, 53100, Сиена, Италия

Статья посвящена рассмотрению воздействия современных миграционных потоков в Европе на процесс формирования политической идентичности Европейского Союза. Особое внимание уделяется противоречию между понятием европейскости, в смысле восприятия того, что относится к социальной, политической и культурной общности, и космополитическим призыванием европеизма, опирающимся на принцип мирового гражданства, как способ регулирования вопроса иммиграции. Анализируется влияние массовых миграций на политический баланс государств-основателей ЕС. Предлагаются также сценарии будущего взаимодействия между процессом конструирования всеевропейской идентичности и структурным характером миграционных процессов.

Ключевые слова: миграционные процессы, ЕС, европейская идентичность, европеизм, европейскость, региональные организации

Много лет в пространстве Евросоюза наблюдалась почти исключительно экономическая миграция, т.е. миграция людей, которые искали возможности трудоустройства. Все это обеспечивалось развитием экономики Еврозоны. Это были как европейские, так и неевропейские мигранты, в том числе украинцы и другие бывшие граждане СССР, китайцы, филиппинцы, индийцы, пакистанцы, бангладешцы, шри-ланкийцы, египтяне, марокканцы, африканцы из субсахарской Африки и латиноамериканцы. С 2014 года увеличился поток мигрантов-беженцев из Ближнего Востока и Африки. Для этих районов характерны войны, терроризм, государственные перевороты и военные диктатуры, а также голод и экономические кризисы.

Так называемый «европейский кризис мигрантов», или же «европейский кризис беженцев», начался в 2015 году, когда все большее число беженцев и мигрантов начали приезжать в Евросоюз через Средиземное море, Турцию и Юго-Восточную Европу с целью попросить убежища в странах ЕС. На основе данных Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, из около 1 млн человек, прибывших в Грецию и Италию через Средиземное море в 2015 году, 50% были сирийцами, 21% афганцами и 9% иракцами [28. Р. 34]. Этот поток прекратился в марте 2016 года [22], когда Евросоюз подписал соглашение с Турцией. В силу этого соглашения Турция в обмен на получение от ЕС 6 миллиардов евро взяла на себя сдерживание значительного числа прибывавших в Западную Европу беженцев.

В то же время отмечалось постоянное увеличение числа мигрантов, прибывавших с побережья Северной Африки, особенно из Ливии. В результате этого

в 2016 году в Италию приплыло более 180 тысяч человек [10]. В период с 1-го января по 31-е декабря 2017 года в Европу прибыло 171.332 мигранта, из них в Италии высадилось 119.247 человек [18]. Высадки были не только в Италии, но и в Греции, хотя они были намного меньше, чем те, которые были до заключения соглашения с Турцией. Испания тоже оказалась землей обетованной для мигрантов. В 2017 году в Грецию прибыли 29.718 мигрантов по сравнению с 173.000 в 2016 году. В 2017 году в Испанию прибыло 22 тысячи мигрантов, а в 2016 году их было 8 тысяч [16].

Феномен миграции имеет структурный характер. Он сохраняет свою интенсивность и по демографическим причинам. Считается, что европейские страны переживают демографический упадок. По сравнению с европейским населением, имеющим средний возраст от сорока до пятидесяти лет, страны Ближнего Востока и Северной Африки представляют собой более молодые общества со средним возрастом населения от двадцати до тридцати лет. Нынешняя общая численность населения этих двух регионов, оцениваемая в 500 миллионов, к 2050 году может вырасти до 800 миллионов человек [23. Р. 114]. В свою очередь, Африка остается регионом, готовым взорваться из-за неконтролируемого роста населения. В центральной части континента, простирающейся от Сахары до границ Южной Африки, население по среднему возрасту сосредоточено в возрастной группе от десяти до двадцати лет. Это свидетельствует о предстоящем удвоении численности населения Африки, которое сегодня составляет 1,3 миллиарда человек, до 2,5 миллиардов в 2050 году, то есть в ближайшие тридцать лет [29]. Это приведет к значительному давлению на Европу.

Хотя Европейский Союз пока далек от сценария вторжения чужеземцев, все это ведет к риску отрицательного воздействия на процесс формирования политической идентичности ЕС. Если идентичность всего Европейского континента определяется единым географическим пространством и общими макрокультурными чертами, то идентичность Европейского Союза определена только в политическом смысле, то есть путем принятия его членами согласованного понятия идентичности и представления об общем будущем Сообщества.

Евросоюз осмысливается как политический эпифеномен Европы. В отличие от других региональных организаций ЕС приобретает всемирное политическое призвание [19. Р. 72]. Он намерен развивать модернизацию и демократизацию в исламском мире, преодолевая ретроградные и фундаменталистские тенденции. Он хочет способствовать принятию европейской модели региональной интеграции как основы экономического, социального и демократического прогресса. Он собирается осуществлять процесс реформирования и укрепления глобальных международных организаций с целью продвижения интеграции региональных сообществ.

Политика приема и интеграции мигрантов отражает это универсальное призвание. Она предполагает прежде всего четкую политическую и культурную мобилизацию. Мобилизация должна опираться на отличительные черты общего для ЕС *idem sentire* (т.е. на единое восприятие того, что относится к социальной, политической и культурной общности). Это означает поддержание мира, демокра-

тических свобод и международной солидарности, обозначенной как «космополитическая проекция» в преамбуле к Хартии основных прав ЕС и в статье 3 Договора о Европейском Союзе [23. Р. 114]. Таким образом, сложный процесс конструирования идентичности ЕС достигается путем двойного процесса внутренней (Союза) и внешней (других международных субъектов) демократизации.

ЕС также имеет свою основную философию: европеизм. Европеизм пришел на смену национализму в качестве фактора создания общеевропейского мировоззрения и ценностей. В настоящее время, однако, европеизм не обязательно отождествляется с европейскостью.

В основе формирования европейской идентичности лежат концепции центральности индивида в обществе и христианства как фактора цивилизационного развития и социокультурной интеграции. По мнению Куденхове-Калерги, культурные черты Европы соответствовали культурным признакам «белой расы», приобретенным в результате противопоставления христианства исламу, буддизму и индуизму [8. Р. 33]. С точки зрения Робера Шумана и Жана Монне, необходимо было построить единую Европу на основе христианских и демократических ценностей, т.е. рассматривая Европу как творение христианства в синтезе с греческой философией и римской мыслью [25]. В целом, как отметил кардинал Ратцингер, он же Папа Римский Бенедикт XVI, отцы Европы исходили из своих моральных понятий о государстве, законе, мире и ответственности, основанных на христианской вере. Они не строили конфессионального государства, но желали построить европейское государство на основе этических критериев [21. Р. 89].

В отличие от этого на деле в основе европейского сообщества лежит новый гуманизм, признаками которого являются дехристианизация (т.е. отсутствие трансценденции) и этический релятивизм (отсутствие общего этического пространства) [1. С. 21].

На этом фоне Европейский Союз представляет собой пример секуляризованного общества, которое подвергается опасности разлагающихся тенденций гетерономного религиозного фундаментализма. Ислам теоретически не противопоставляется христианству, но выступает именно против нынешней Европы, т.е. против господствующего в ней рационалистического права, которое отделилось от своего религиозного (христианского) корня и основывается исключительно на разуме. Ислам не отрицает христианства самого по себе, но отрицает результаты нынешней секуляризации христианской Европы [20. Р. 187].

Примечательно, что проблема европейской идентичности возникла после того, как ее христианские корни были отклонены (как это произошло, когда в 2000 году оказалась не принята конституция Ниццы). Не случайно, по общему мнению, Европа в значительной степени утратила свою «внутреннюю идентичность», свои ценности, культуру и веру. Кажется, наступило время для систем ценностей других миров: доколумбовой Америки, ислама, азиатской мистики и так далее.

Ослабление основных признаков европейской цивилизации становится причиной появления безразмерной Европы. Европейцы сталкиваются не с кризисом Европы в целом, но с кризисом восприятия своей «европейскости» [1. С. 21].

Отсюда следует, что христианские корни Европы необходимо было бы концептуализировать не как внутреннюю скрепу общеевропейского сообщества, а скорее как фактор проекции его идентичности на внешний мир. Наличие крепких этико-культурных ценностей, разделяемых европейцами, и их признание другими людьми, также является предпосылкой для более эффективной интеграции неевропейской части населения, проживающей в Евросоюзе, что обеспечит создание многокультурного сообщества.

Последствия «революции миграции» [2] влияют на политическое равновесие в Германии, Франции и Италии, государств-основателей Европейского Союза. Во Франции вновь избранный президент Макрон получил в первом туре чуть более 20% голосов, а затем устроил их во втором туре. В Италии неопределенность порождает реальную политическую путаницу — проевропейские партии борются с силами, настроенными антиевропейски, так как опасаются падения своего рейтинга. По той же причине антиевропейские партии прибегают к смягчению своего антиевропеизма [11].

В восточных странах ЕС ситуация в этом отношении, по-видимому, более определенная. В Венгрии на референдуме, организованном премьер-министром Виктором Орбаном в октябре 2016 года, чтобы противостоять европейскому предложению о перераспределении политических беженцев в различных европейских странах, 98% избирателей поддержали предложение правительства, но только 44% населения участвовало в данном референдуме.

В Великобритании в том же 2016 году большинство избирателей проголосовало за выход страны из Европейского Союза. Консервативная партия, взявшая на себя осуществление этого выхода, в значительной мере утратила затем поддержку избирателей. Такого рода поведение европейских избирателей имеет более общую причину: они «не знают, чего хотят», потому что «они не знают, кто они» [11]. Если речь идет о Брексите, то проблема с мигрантами в ЕС оказала решающее влияние на результат референдума. Но феномен Брексита нельзя считать столь необычным для Европейского Союза. Традиционно Англия одновременно входит в европейское культурное пространство и является политическим аутсайдером сообщества европейских государств, так как сама по себе своим поведением, так сложилось исторически, исключает себя из европейской политики [14. Р. 6—7].

Явление массовой миграции, особенно нелегальной миграции, представляет собой сильное препятствие на пути утверждения европейской идентичности. В создавшейся ситуации меняется отношение европейцев к самим себе и к мигрантам, и все это влияет на процесс формирования европейского гражданства.

Европейский Союз в свете требований федералистского космополитического европеизма стремится к принятию модели универсального гражданства, свободного от национальной принадлежности [4; 5; 9; 24]. Принцип национального государства как основополагающего права на гражданство нарушается другим критерием регулирования гражданства, а именно тем, что связано с «принадлежностью к человечеству», признанием человеческой личности за пределами ее собственных связей с определенным сообществом [13. Р. 16].

В этом случае гражданство становится «постнациональным» и должно быть привязано к международному режиму прав человека, к набору норм, конвенций, заявлений, которые его обосновывают [3. Р. 240; 27. Р. 2—4]. Согласно этой перспективе, права вытекают не из суверенитета национального государства, а из «Конституции ЕС». Создание постнационального европейского общего государства подразумевает переход от национализма к «конституционному патриотизму» [6. Р. 3; 17. Р. 1925—1926; 15. Р. 117; 12. Р. 182]. Но имеется противоречие, состоящее в том, что этот переход может воплощаться в жизнь только национальным государством, которое остается единственным гарантом применения принципов наднационального права, учитывая ограниченность правового статуса Европейской Конституции.

Вследствие этого институты Сообщества — Комиссия, Парламент, Совет — сталкиваются с трудностями в деле совместного выстраивания всеобъемлющей общей стратегии. Причиной этого является отсутствие существенных полномочий и полной демократической легитимности Европейского парламента. Из-за этого возникает дефицит в формировании политической воли. На самом деле Европейский парламент не имеет инструментов для проведения своей линии в сфере финансов, внешней политики и безопасности. Именно эта сфера имеет решающее значение для регулирования вопросов иммиграции. Европейская Комиссия также не имеет исполнительного мандата для такого регулирования. В функционировании общественных учреждений поощряется решающая роль Совета, в рамках которой преобладают различия между правительствами стран-членов и, прежде всего, между ведущими партнерами, каждый из которых стремится преследовать свои собственные интересы. Что касается политики приема и интеграции мигрантов в общество, положение в каждой стране связано с собственной политикой экономического развития, ее собственными ресурсами и культурными связями. Каждая страна предлагает мигрантам и беженцам различные возможности для дифференцированной интеграции.

Кроме этого, во внешней политике имеются существенные различия между ведущими странами — членами ЕС, каждая из которых стремится преследовать свои цели на Ближнем Востоке, в Ливии, на Африканском Роге и в Сахеле. Принятый Комиссией подход, основанный на новой рамочной программе партнерства с третьими странами, ведет к поддержанию двусторонних отношений между каждой страной — членом ЕС и отдельными африканскими странами. Но при этом в политике ЕС отсутствует своего рода План Маршалла по реконструкции этих регионов. Применение на практике такого плана, помогавшего бы экономическому и социальному развитию прежде всего стран Африки, могло бы способствовать сдерживанию волны эмиграции из них в страны ЕС.

На деле подходы к вопросам безопасности и развития экономики, преобладавшие в Западной Европе после Второй мировой войны, способствовали остановке эмиграции европейцев на другие континенты. И та же внутриевропейская миграция проходила в рамках, регулируемых европейскими договорами о свободном передвижении рабочей силы. Договор, регулирующий миграцию, как явствует из последующего документа Сообщества — «Новые рамки партнерства с третьими

странами», направленного в пользу двусторонних отношений с отдельными африканскими странами, приобрел бы другое значение, если бы ЕС и его государства-члены решили изменить свою политику. Им нужно не останавливаться только на уровне двусторонних отношений, а помогать создать региональные группы из развивающихся государств, что упростило бы предоставление им помощи от ЕС.

В заключение можно было бы представить в общих чертах будущие сценарии, касающиеся взаимодействия процесса конструирования европейской идентичности и миграционных потоков. Хотя конкретно пока трудно определить, какие именно гипотезы возобладают. В создании таких сценариев следует учитывать следующие факторы: религиозная переменная (диалог или конфликт религий), экономическая переменная (внутреннее и внешнее сотрудничество и конкуренция в рамках рыночной экономики), правовая переменная (этническое или космополитическое гражданство) и политическая переменная (действие отдельных национальных государств) [7. Р. 221]. Учет всех этих факторов позволит определить достоверные перспективы нужного регулирования миграционных процессов и конструирования идентичности Евросоюза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алонци Р. Кризис идентичности Евросоюза: исторические подходы // Современная Европа: 60 лет после Римских Договоров. М.: Институт Европы РАН, 2017.
2. Любин В.П. Революция миграции и ее регулирование в России, Германии и ЕС // Россия и современный мир. 2005. № 1 (46).
3. *Vauböck R.* Transnational Citizenship. Aldershot: Edward Elgar, 1994.
4. *Beck U.* The Cosmopolitan Perspective: Sociology of the Second Age of Modernity // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. № 1.
5. *Beck U., Grande E.* Cosmopolitanism. Europe's Way Out of Crisis // *European Journal of Social Theory*. 2007. № 10.
6. *Cittadinanza europea e identità post-nazionale* // *Il Federalista*. 1993. № 1. Режим доступа: http://www.thefederalist.eu/site/index.php?option=com_content&view=article&id=73&lang=it.
7. *Cotesta V.* Eurogames. Scenari per il futuro dell'Europa // *Societàmutamentopolitica*. 2010. Vol. 1. № 1.
8. *Coudenhove-Kalergi R.* Pan-Europa. Verlag: Wien, 1923.
9. *Delanty G.* The Cosmopolitan Imagination. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
10. European Commission, A European Agenda on Migration (COM/2015/240). 13 May 2015. Режим доступа: <http://eurlex.europa.eu/legalcontent/en/TXT/?uri=celex:52015DC0240>.
11. *Fabbrini S.* L'Europa tra incertezza e crisi d'identità. Режим доступа: <http://www.ilsole24ore.com/art/mondo/2017-06-10/l-europa-incertezza-e-crisi-d-identita--225551.shtml?uuid=AEGjaOcB>.
12. *Hayward C.R.* Democracy's Identity Problem: Is "Constitutional Patriotism" the Answer? // *Constellations*. 2007. Vol. 14. № 2.
13. *Lo Schiavo L.* Immigrazione, cittadinanza, partecipazione: le nuove domande di inclusione nello spazio pubblico. Processi di auto-organizzazione e partecipazione degli immigrati // *Quaderni di Intercultura*. 2009. № 1.
14. *Löwith K.* Il nichilismo europeo. Roma-Bari: Laterza, 1999.
15. *Mertens T.* Constitutional Patriotism and the European Constitutional Debate // *Patriotism: philosophical and political perspectives* / Ed. I. Primoratz, A. Pavković. Aldershot: Ashgate, 2007.

16. Migratory Flows in 2017 — Pressure Eased on Italy and Greece; Spain saw record numbers. Режим доступа: [HTTP://FRONTEX.EUROPA.EU/NEWS/MIGRATORY-FLOWS-IN-2017-PRESSURE-EASED-ON-ITALY-AND-GREECE-SPAIN-SAW-RECORD-NUMBERS-8FC2D4](http://FRONTEX.EUROPA.EU/NEWS/MIGRATORY-FLOWS-IN-2017-PRESSURE-EASED-ON-ITALY-AND-GREECE-SPAIN-SAW-RECORD-NUMBERS-8FC2D4).
17. *Muller J.W.* Constitutional patriotism beyond the nation-state: human rights, constitutional necessity, and the limits of pluralism // *Cardozo Law Review*. 2012. № 33.
18. Operational Portal Refugee Situation, Mediterranean situation. Режим доступа: <http://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean>.
19. *Palea R.* Il ruolo dell'Europa nel mondo. Tesi sulla politica estera di difesa e di sicurezza dell'Unione Europea. Torino: Alpina Srl, 2006.
20. *Ratzinger J. Benedetto XVI* Perché siamo ancora nella Chiesa. Milano: Rizzoli, 2008.
21. *Ratzinger J.* Fede-Verità-Tolleranza. Il Cristianesimo e le Religioni del Mondo. Siena: Cantagalli, 2003.
22. Refugees & MIGRANTS SEA ARRIVALS IN EUROPE. Режим доступа: <https://data2.unhcr.org/en/documents/download/52764>.
23. *Sabatino A.* Per una politica europea sostenibile dell'immigrazione // *Il federalista*. 2016. № 2—3. Режим доступа: http://www.thefederalist.eu/site/index.php?option=com_content&view=article&id=1495%3Aper-una-politica-europea-sostenibile-dellimmigrazione&lang=it.
24. *Schlesinger Ph.* A Cosmopolitan Temptation // *European Journal of Communication*. 2007. № 22.
25. *Schuman R.* Pour l'Europe. Paris: Nagel, 1963.
26. *Sen A.K.* Development as Freedom. Oxford: Oxford University Press, 1999.
27. *Soysal Y.N.* Limits of Citizenship. Migrants and Postnational Membership in Europe. Chicago: University of Chicago, 1994.
28. UNHCR Global Trends 2015. Режим доступа: <http://www.unhcr.org/576408cd7.pdf>.
29. United Nations Department of Economic and Social Affairs / Population Division World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables. New York: United Nation, 2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-167-175

CONTEMPORARY MIGRATION PROCESSES AND CONSTRUCTION OF EUROPEAN IDENTITY

R. Alonzi

University of Siena

Via Banchi di Sotto 55, 53100, Siena, Italy

Abstract. The article is devoted to impact of modern migratory flows in Europe on the process of constructing a political identity of the European Union. Particular attention is paid to the contradiction between the concept of Europeaness, as a common perception of social, political and cultural values, and the cosmopolitan vocation of Europeanism, based on the principle of world citizenship as a way of regulating the immigration issue. The article delves into the influence of mass migrations on the political balance of the founding states of the EU and proposes the future scenarios for the interaction between the pan European identity construction processes and the structural character of migratory phenomena.

Key words: migration processes, EU, European identity, Europeanism, Europeaness, regional organizations

REFERENCES

1. Alonzi R. Krizis identichnosti Evrosoyuza: istoricheskie podkhodi. *Sovremennaya Evropa: 60 let posle Rimskikh Dogovorov*. Moskva: Institut Evropy RAN; 2017. (In Russ.).
2. Ljubin V.P. Revolyutsiya migratsii i ee regulirovanie v Rossii, Germanii i ES. *Rossiya i Sovremennyy Mir*. 2005; 1 (46). (In Russ.).
3. Bauböck R. *Transnational Citizenship*. Aldershot: Edward Elgar; 1994.
4. Beck U. The Cosmopolitan Perspective: Sociology of the Second Age of Modernity. *British Journal of Sociology*. 2000; 51 (1).
5. Beck U., Grande E. Cosmopolitanism. Europe's Way Out of Crisis. *European Journal of Social Theory*. 2007; 10.
6. Cittadinanza europea e identità post-nazionale. *Il Federalista*. 1993; 1. Available from: http://www.thefederalist.eu/site/index.php?option=com_content&view=article&id=73&lang=it. (In Ital.).
7. Cotesta V. Eurogames. Scenari per il futuro dell'Europa. *Societàmutamentopolitica*. 2010; 1 (1). (In Ital.).
8. Coudenhove-Kalergi R. *Pan-Europa*. Verlag: Wien; 1923.
9. Delanty G. *The Cosmopolitan Imagination*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
10. European Commission, *A European Agenda on Migration (COM/2015/240), 13 May 2015*. Available from: <http://eurlex.europa.eu/legalcontent/en/TXT/?uri=celex:52015DC0240>.
11. Fabbrini S. *L'Europa tra incertezza e crisi d'identità*. Available from: <http://www.ilsole24ore.com/art/mondo/2017-06-10/l-europa-incertezza-e-crisi-d-identita--225551.shtml?uuid=AEGjaOcB>. (In Ital.).
12. Hayward C.R. Democracy's Identity Problem: Is "Constitutional Patriotism" the Answer? *Constellations*. 2007; 14 (2).
13. Lo Schiavo L. Immigrazione, cittadinanza, partecipazione: le nuove domande di inclusione nello spazio pubblico. Processi di auto-organizzazione e partecipazione degli immigrati. *Quaderni di Intercultura*. 2009; 1. (In Ital.).
14. Löwith K. *Il nichilismo europeo*. Roma-Bari: Laterza; 1999. (In Ital.).
15. Mertens T. Constitutional Patriotism and the European Constitutional Debate. *Patriotism: philosophical and political perspectives*. Ed. I. Primoratz, A. Pavković. Aldershot: Ashgate; 2007.
16. Migratory Flows in 2017 — Pressure Eased on Italy and Greece; Spain Saw Record Numbers. Available from: <http://frontex.europa.eu/news/migratory-flows-in-2017-pressure-eased-on-italy-and-greece-spain-saw-record-numbers-8fc2d4>.
17. Muller J.W. Constitutional patriotism beyond the nation-state: human rights, constitutional necessity, and the limits of pluralism. *Cardozo Law Review*. 2012; 33.
18. *Operational Portal Refugee Situation, Mediterranean situation*. Available from: <http://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean>.
19. Palea R. *Il ruolo dell'Europa nel mondo. Tesi sulla politica estera di difesa e di sicurezza dell'Unione Europea*. Torino: Alpina Srl; 2006. (In Ital.).
20. Ratzinger J. *Benedetto XVI Perché siamo ancora nella Chiesa*. Milano: Rizzoli; 2008. (In Ital.).
21. Ratzinger J. *Fede-Verità-Tolleranza. Il Cristianesimo e le Religioni del Mondo*. Siena: Cantagalli; 2003. (In Ital.).
22. REFUGEES & MIGRANTS SEA ARRIVALS IN EUROPE. Available from: <https://data2.unhcr.org/en/documents/download/52764>.
23. Sabatino A. Per una politica europea sostenibile dell'immigrazione. *Il federalista*. 2016; 2—3. Available from: http://www.thefederalist.eu/site/index.php?option=com_content&view=article&id=1495%3Aper-una-politica-europea-sostenibile-dellimmigrazione&lang=it. (In Ital.).
24. Schlesinger Ph. A Cosmopolitan Temptation. *European Journal of Communication*. 2007; 22.
25. Schuman R. *Pour l'Europe*. Paris: Nagel; 1963. (In Fr.).
26. Sen A.K. *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press; 1999.

27. Soysal Y.N. *Limits of Citizenship. Migrants and Postnational Membership in Europe*. Chicago: University of Chicago; 1994.
28. *UNHCR Global Trends 2015*. Available from: <http://www.unhcr.org/576408cd7.pdf>.
29. *United Nations Department of Economic and Social Affairs/Population Division World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables*. New York: United Nation; 2017.

Сведения об авторе:

Роберта Алонци — PhD по истории и международным отношениям, доцент кафедры истории международных отношений Сиенского университета (Италия), аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Италия) (e-mail: alonziroberta@gmail.com).

Information about the author:

Roberta Alonzi — PhD, associate professor of the Department of History of International Relations of University of Siena (Italy), postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: alonziroberta@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 26.02.2018.

Received 26.02.2018.

© Алонци Р., 2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-176-186

ИСЛАМ В СУАР КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ КНР

А.С. Мавлонова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

Сепаратизм в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР является очень сложной, многогранной, многомерной, многофакторной и одновременно малоизученной проблемой. Данная статья посвящена рассмотрению религиозного фактора как одного из факторов наряду с рядом других, провоцирующих политическую нестабильность в СУАР КНР.

Учитывая неоднородность Синьцзяна, был проведен анализ различных зон в регионе, имеющих свою особую специфику. Так, автор пришел к выводу, что именно религиозный фактор наиболее ярко выражен в Западной и Южной зонах. Здесь достаточно серьезный вес имеют радикально настроенные сепаратисты, которые используют в своих политических программах элементы ваххабитской идеологии, а выступления в данных частях Синьцзяна исходят из Ферганской долины. И в данном регионе антикитайские выступления, в отличие от населения Урумчи и Кульджи, зачастую происходят с лозунгами исламского освобождения.

Что касается политико-правового положения мусульман в Синьцзяне, то хотя на официальном уровне и гарантируется свобода вероисповедания, но на практике в подобных законодательных актах определяются узкие правовые границы осуществления религиозной деятельности, и они позволяют государственным органам строго контролировать и вмешиваться в сферу религиозных отношений. Тем не менее, к исповедующим ислам официально не предусмотрены какие-либо дополнительные требования, государство также уделяет достаточно серьезное внимание охране мусульманских памятников культуры, которые находятся в большом количестве в СУАР.

Ключевые слова: Синьцзян, КНР, сепаратизм, уйгуры, ислам

ВВЕДЕНИЕ

Для Китая проблема сепаратизма в СУАР — крайне актуальная, так как уйгурский сепаратизм, имея определенные исторические предпосылки, остается для КНР серьезным фактором нестабильности и напрямую угрожает территориальной целостности государства. СУАР является крупнейшей территориальной единицей КНР, расположенной на северо-западе государства, занимая почти шестую часть территории Китая и гранича с восьмью странами — Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Монголией, Пакистаном, Афганистаном и Индией. По числу приграничных государств занимает исключительное положение среди провинций и автономных районов КНР.

Несмотря на экономический рост и положительные изменения в социально-экономической жизни населения, межэтническая обстановка в СУАР за последние годы серьезно обострилась. Уйгурский сепаратизм — очень сложная, многогранная, многомерная, многофакторная и одновременно малоизученная проблема. В данной статье подробно рассматривается лишь один из факторов — религиозный.

На конец 2016 г. население Синьцзяна насчитывало почти 24 млн чел. [14]. Из них по неофициальным данным свыше 11 млн составляют уйгуры, что вполне соответствует переписи 2010 г. с учетом прироста населения. Принимая во внимание другие национальные меньшинства, проживающие в Синьцзяне и исповедующие ислам, мусульманское население региона составляет более половины общего населения [15].

Уйгуры являются тюркским народом, исповедующим ислам, который прибыл в Синьцзян в результате великого переселения на запад тюркских народов с территории нынешней Монголии в VIII—IX вв. И одна из самых болезненных в настоящий момент проблем, которая вызывает наибольшее возмущение уйгур СУАР, — ограничение свободы вероисповедания. По мнению местного населения, политика китайских властей по данному аспекту представляется им чрезмерно жесткой.

Можно предположить, что это сложились ввиду характерных особенностей ислама, а также из-за того, что религия глубоко проникла в уйгурское общество.

Существенной особенностью ислама является то, что он не предполагает разделение религии и государства, таким образом, идеалом является исламское государство. Для правоверных мусульман, особенно для тех, кто был воспитан в традиционном обществе, практически невозможно вести светский образ жизни в неисламском государстве без протеста против существующих порядков. Положение уйгур КНР также осложнено тем, что традиционные религиозные лозунги, которые призывают к объединению мусульман, всегда звучат для руководства Китая с политическим оттенком. Таким образом, подобная специфика ислама превращает его в глазах коммунистического китайского руководства в угрозу.

И хотя китайское руководство усиленно предпринимает попытки к утверждению четкой дифференциации между мусульманской верой уйгур Синьцзяна и лозунгами к независимости, в сознании автохтонного населения Синьцзяна они совсем неразделимы.

ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМА В РАЗЛИЧНЫХ РАЙОНАХ СУАР

Стоит отметить, что сепаратизм в Синьцзяне неоднородный, в нем ярко прослеживаются этнические, религиозные и политические компоненты. И подобные настроения присущи далеко не всем уйгурам, населяющим Синьцзян, это больше характерно для южных районов, где очень сильны традиции ислама. Эту специфику можно объяснить географическим фактором. Рассмотрение Синьцзяна как единого целого — заблуждение. СУАР можно разделить на несколько районов, каждый из них обособлен и ощущает на себе определенное влияние соседней зарубежной культуры. Исторически произошло так, что намного легче было преодолеть серьезные расстояния через горные перевалы Памира, Кунь-Луня, Тяньшаня и Гиндукуша, чем совершить подобное в условиях пустынь Такла-Макан, Алашань и Гоби.

Таким образом, в дополнение к их этнической идентичности, большинство уйгур, как правило, идентифицирует себя с регионом, откуда они происходят. Исторически современный уйгурский этнос формировался в сложных политико-географических условиях региона Восточного Туркестана, из отдаленных террито-

риально друг от друга групп населения, зачастую различного этнического происхождения. И несмотря на языковую и религиозную общность, в настоящее время у уйгур сохраняется деление на этнографические группы или субэтносы — юрты: турфанцы, кашгарцы, хотанцы, яркендцы, лобнорцы и др. [8. С. 72]

Западная зона представляет собой территорию тюркского Кокандского ханства, исчезнувшего в XVIII в., и охватывает большую часть оазисов Таримской впадины. Южная зона, расположенная от Яркента и Хотана к Керии, подверглась сильному индийскому влиянию, что и обуславливает ее внешнюю направленность на эту страну, а также на Пакистан. Северные области Джунгарской равнины вместе с Семиречьем образуют Северную зону. Восточная зона, включающая районы северо-восточной части Синьцзяна, достаточно невелика и не характеризуется сильной активностью. В Центральной зоне расположен административный центр СУАР г. Урумчи [2. С. 106].

Неодинаковые подходы к определению уйгурами своей собственной национальной принадлежности находят свое отражение в структуре сепаратистского движения.

Так, именно религиозный фактор наиболее ярко выражен в Западной и Южной зонах. Здесь достаточно серьезный вес имеют радикально настроенные сепаратисты, которые используют в своих политических программах элементы ваххабитской идеологии. А выступления в данных частях Синьцзяна исходят из Ферганской долины, находящейся на стыке границ Киргизии и Узбекистана.

Действительно, данная территория является своеобразным пусковым механизмом уйгурских движений. В доказательство этому можно вспомнить печальные события 1871—1881 гг., когда в Синьцзяне произошло крупное антикитайское восстание, в результате которого было образовано мусульманское государство Якуб-бека — выходца из Ферганской долины [6. С. 103]. Хотя очаг исламского сопротивления в тот период удалось подавить, тем не менее это было достигнуто с большими трудностями.

Ситуация, которая наблюдается в настоящее время, достаточно серьезно отличается от тех событий, однако основные участники остались теми же. Географическая близость Ферганской долины с южными районами Синьцзяна явилась одной из причин переселения уйгуров с данной территории в долину.

Так же, как и сами ферганцы, уйгуры из Хотана, Кашгара, Аксу и Учтурфана являются яростными приверженцами ислама. Этот факт сыграл определенную роль в их культурной ассимиляции с жителями Ферганской долины. Таким образом, исламский фундаментализм, который в настоящий момент упорно просачивается через афгано-таджикский коридор, может отыскать своих яростных последователей в первую очередь в Ферганской долине. И в данном регионе антикитайские выступления, в отличие от населения Урумчи и Кульджи, зачастую происходят с лозунгами исламского освобождения [5. С. 268—270].

Стоит отметить, что несмотря на то, что большинство уйгур в настоящий момент являются мусульманами-суннитами, сильное влияние на них оказал суфизм, т.к. до суннизма уйгуры исповедовали ислам суфийского толка; часть уйгур остались приверженцами суфизма. Уйгурские суфисты гораздо более гетерогенны, чем сунниты и шииты, в результате отсутствия какого-либо орга-

низованного центрального руководства. И хотя суфизм предполагает познание и просветление самостоятельным путем, тем не менее наставление и направление в религии очень сильно зависит от духовных лидеров. Это создает различия в религиозной практике между регионами, населенными пунктами и даже различия между окрестностями.

Небольшая часть относит себя к салафитам, которые имеют тесные связи с движением Талибан и другими радикальными исламистскими группировками, такими как Исламское движение Узбекистана. Салафизм ориентирован на возвращение ислама к своим корням и зачастую вольно трактуется и используется в своих интересах террористическими группировками. Наличие салафитов среди уйгур объясняется, в первую очередь, как результат взаимодействия с арабскими моджахедами и афганскими талибами, а также итогом влияния, которое оказывали фундаменталистские медресе Пакистана, в которых проходили обучение молодые уйгуры.

Тем не менее, уклон на ислам в этой части СУАР имеет ряд слабых сторон. Во-первых, не стоит забыть то, что Синьцзян все-таки многонациональный и многоконфессиональный регион, и те лозунги, которые выдвигают лидеры данных движений, плохо воспринимаются не только большей частью населения данных территорий, но и даже народами, исповедующими ислам. Также сама сепаратистская деятельность под руководством религиозных организаций ставит эти организации вне закона, и это еще раз было доказано руководством автономного района, которым были приняты в 1989—1990 гг. специальные законодательные акты, регулирующие деятельность духовенства и религиозных организаций. В-третьих, их деятельность возможна только лишь при достаточной зарубежной финансовой поддержке, так как само существование религиозных организаций находится в полной зависимости от государственных дотаций.

Также стоит отметить, что после 1978 г. этнический элемент в Синьцзяне прослеживается не столь явно. Как уже было сказано выше, уйгуры являются не единственным коренным народом в этом регионе. Помимо них там также проживает приблизительно сто монгольских кланов. И без финансовой поддержки со стороны исламистских организаций Пакистана, Ирана и Сирии, а также уйгурских организаций, расположенных в США, в полной мере разжечь искру сепаратизма в СУАР при таком разнообразном наборе этнических групп кажется достаточно сложно.

Что касается Северной зоны СУАР, то она оказывает наиболее активное сопротивление политике, проводимой центральным руководством КНР. Местное население поддерживает прочные связи с диаспорами Казахстана и другими государствами Центральной Азии. Только в Казахстане проживают больше 256 тыс. уйгур [3]. Уйгуры проживают там достаточно компактно и обособленно, что позволяет им сохранять культурную самобытность и развивать ее. К востоку от Алматы и вдоль восточной границы Казахстана действуют по крайней мере четыре подпольных организации, чьи главные штаб-квартиры находятся на территории СУАР: Исламская партия возрождения, Организация объединенного национального революционного фронта Восточного Туркестана (ОНРФВТ), Восточно-туркестанский объединенный союз молодежи, Партия освобождения Уйгурстана. Первые две из названных — это те объединения, которые подозреваются в актив-

ной террористической деятельности. В связи с этим вполне понятной кажется позиция КНР, которая выдвигает определенные претензии Казахстану и обвиняет его в том, что он не желает предпринимать меры по противодействию терроризму. Но также вполне понятна и позиция самого Казахстана, который понимает все последствия, если он выдаст активистов и лидеров уйгурского сепаратистского движения. Не раз высшая мера наказания, примененная к захваченным на территории Синьцзяна боевикам, способствовала подъему на местном уровне волнений среди уйгуров, проживающих в Казахстане. И плюс к этому сами казахи оказывают поддержку уйгурам — своим братьям по вере [1. С. 229].

Учитывая данные обстоятельства, руководство КНР в рамках национальной политики проводит четкую, скоординированную политику относительно религиозной жизни китайского общества. Это касается всех религий, не только ислама, но конечно, к исламу проявляется повышенное внимание, и здесь требуется определенный специальный подход.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАН В КНР

Если говорить о политико-правовом положении мусульман вообще в Китае и в Синьцзяне в частности, то стоит отметить, что ситуация по сравнению с недавним прошлым изменилась в лучшую сторону. Отсутствие в свое время в Китае юридических гарантий касательно ислама не раз приводило к массовым нарушениям прав мусульман.

Тем не менее, время от времени в связи с борьбой с терроризмом и сепаратизмом в Синьцзяне руководство КНР прибегает к жестким мерам. Так, после активизации сепаратизма в 90-х гг. XX в. властями КНР были предприняты жесткие меры для того, чтобы религиозная жизнь в СУАР находилась под их контролем. Эти ужесточения затронули не только тех, кто активно противостоял государству, но и тех, кто пытался отстоять культурные особенности региона. Большое количество мусульманского духовенства и учеников медресе арестовывали за участие в так называемой «незаконной религиозной деятельности», также закрывались «незаконные религиозные центры». Был введен запрет на духовную деятельность и религиозное обучение для лиц, не достигших восемнадцати лет [7].

В настоящий момент в КНР право на свободу совести находится главным образом под защитой Конституции Китайской Народной Республики 1982 г. Именно в ней закреплены основные права населения государства, в том числе и то, что касается религии. Положения документа затрагивают все религиозные организации Китая, в том числе и мусульманские. Так, в статье 36 основного закона КНР говорится о том, что никакие государственные органы, общественные организации или отдельные лица не имеют права принуждать граждан исповедовать или не исповедовать ту или иную религию, граждане не могут подвергаться дискриминации в связи с их религиозной принадлежностью.

Государство также охраняет отправление религиозной деятельности. Религия не может использоваться для нарушения общественного порядка, нанесения вреда здоровью человека, а также в ущерб государственной системе образования [9. С. 127]. Из положений статьи 36 следует, что КНР предоставляет мусульманам и их религиозным общинам возможность свободно осуществлять рели-

гиозную деятельность в Китае, совершать необходимые обряды и отмечать религиозные праздники. Также Конституция никаким образом не препятствует религиозной жизни. Исключение составляют те случаи, когда религия используется с целью нарушения общественной безопасности и порядка. Тем не менее, данное ограничение достаточно негативно сказывается на мусульманской общине в связи с определенными особенностями быта верующих. Так, в частности, для лиц женского пола является необходимостью ношение хиджаба, что, соответственно, не сочетается с правилами образовательных учреждений, в которых действуют принципы светского образования.

Помимо Конституции, в Китае существует достаточно широкий спектр нормативных документов, которые защищают свободу вероисповедания в государстве. Положения об охране религиозных и иных законных интересов верующих содержатся в Уголовном кодексе, Общих положениях гражданского права КНР, Законе об образовании КНР, Трудовом кодексе, Гражданском процессуальном кодексе, Законе о выборах, Законе о национальной районной автономии¹. Непосредственно в СУАР действуют «Положение СУАР относительно управления религиозными делами», «Временное постановление относительно управления местами религиозной деятельности в СУАР»; «Временное постановление относительно управления религиозными делами СУАР»; «Временное постановление относительно управления религиозными делами СУАР»; «Временное постановление относительно контроля над деятельностью служителей культа»; Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района касательно контроля в сфере продуктов питания халяль»².

¹ См.: «中华人民共和国刑法» [Zhōnghuá rénmín gònghéguó xíngfǎ] // Уголовный кодекс КНР; «中华人民共和国民法通则» [zhōnghuá rénmín gònghéguó mínfǎ tōngzé] // Общие положения гражданского права КНР; «中华人民共和国教育法» [zhōnghuá rénmín gònghéguó jiàoyù fǎ] // Закон об образовании КНР; «中华人民共和国劳动法» [zhōnghuá rénmín gònghéguó láodòng fǎ] // Трудовой кодекс; «中华人民共和国民事诉讼法» [zhōnghuá rénmín gònghéguó mínshì sùsòng fǎ] // Гражданский процессуальный кодекс; «中华人民共和国全国人民代表大会和地方各级人民代表大会选举法» [zhōnghuá rénmín gònghéguó quánquó rénmín dàibiǎo dàhui hé dìfāng gè jí rénmín dàibiǎo dàhui xuǎnjǔ fǎ] // Закон о выборах; «中华人民共和国民族区域自治法» [zhōnghuá rénmín gònghéguó mínzú qūyù zìzhì fǎ] // Закон о национальной районной автономии.

² См.: «新疆维吾尔自治区宗教事务条例» [Xīnjiāng wéiwú'ěr zìzhìqū zōngjiào shìwù tiáolì] // Положение СУАР относительно управления религиозными делами; «新疆维吾尔自治区宗教活动场所管理暂行规定» [Xīnjiāng wéiwú'ěr zìzhìqū zōngjiào huódòng chǎngsuǒ guǎnlǐ zhàn háng guīzé] // Временное постановление относительно управления местами религиозной деятельности в СУАР; «新疆维吾尔自治区宗教活动管理暂行规定» [Xīnjiāng wéiwú'ěr zìzhìqū zōngjiào huódòng guǎnlǐ zhàn háng guīdìng] // Временное постановление относительно управления религиозными делами СУАР; «新疆维吾尔自治区宗教教职人员管理暂行规定» [Xīnjiāng wéiwú'ěr zìzhìqū zōngjiào jiào zhí rényuán guǎnlǐ zhàn háng guīdìng] // Временное постановление относительно контроля над деятельностью служителей культа; «新疆维吾尔自治区清真食品管理条例» [Xīnjiāng wéiwú'ěr zìzhìqū qīngzhēn shípǐn guǎnlǐ guǎnlì] // Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района касательно контроля в сфере продуктов питания халяль».

Таким образом, на официальном уровне гарантируется свобода вероисповедания и осуществления религиозной деятельности, но на практике в подобных законодательных актах определяются узкие правовые границы осуществления религиозной деятельности, и они позволяют государственным органам строго контролировать и вмешиваться в сферу религиозных отношений.

Так, например, создание религиозных организаций, религиозных учебных заведений, а также организация мест для проведения религиозных обрядов строго регулируется положением «О религиозных отношениях», в котором прописана определенная процедура, реализовать на практике которую достаточно затруднительно [11].

Для создания любого религиозного учреждения, в частности и исламского, нужно предоставить в соответствующие государственные органы немалое количество документов. Если по каким-либо причинам руководство КНР будет против образования религиозного учреждения или его не будет устраивать кандидатура на должность имама, оно всегда может потребовать предоставить дополнительные документы, что, в свою очередь, будет являться существенным препятствием для верующих. То же самое касается и мест для проведения религиозных обрядов [12].

Таким образом, для того чтобы, например, учредить мечеть, необходимо пройти большое количество процедур. Мусульмане также могут создавать в Китае религиозные учебные заведения — медресе, но процедура эта достаточно длительная. Тем не менее, следует сказать, что к исповедующим ислам официально не предусмотрены какие-либо дополнительные требования, но пройти все согласовательные процедуры зачастую бывает достаточно трудоемко. Тем не менее количество новых мечетей в Синьцзяне из года в год увеличивается, и на сегодняшний день из почти 40 тыс. мечетей 24 400 находятся непосредственно в СУАР [13].

Также среди 109 религиозно-культурных объектов в Синьцзяне 46 являются ключевыми и находятся под охраной государства, 63 находятся под защитой автономного округа. Центральным правительством выделяются специальные средства на ремонт и реконструкцию данных объектов, в том числе самой большой мечети Китая Ид Ках в Кашгаре, мечети Байтула в Кульдже, мечети Дзямань в Хотане, мечети Янхан в Урумчи. Правительство Синьцзяна профинансировало реконструкцию и ремонт 28 храмов, в том числе минарета Эмина в Турфане. Многие древние религиозные книги, в том числе и биография пророка Мухаммада, были включены в каталог национальных редких книг Китая. Специальные средства были выделены для защиты и переиздания некоторых книг, в том числе Корана и биографии пророка Мухаммада. Исламское общество Синьцзяна также имеет свое духовное училище, издает «Коран» на уйгурском, китайском, казахском и киргизском языках [10].

Таким образом, существует немало нормативно-правовых актов, регулирующих религиозные отношения, но политика свободы вероисповедания в КНР является во многом декларативной. Порой в вышеуказанных нормативно-правовых актах содержатся достаточно жесткие требования, которые негативно влияют на возможность верующих реализовать свои права. Так, например, для отправления

религиозных обрядов священнослужителям необходимо проходить обучение в Исламской ассоциации КНР, и только тогда им разрешается проводить свою деятельность под строгим контролем специальных наблюдателей и полиции [1. С. 229].

Учитывая сложности в контроле над конфессиональной сферой, Китаем была разработана определенная тактика в отношении мечетей. На всех исторических этапах китайское руководство пыталось сотрудничать с мусульманским духовенством в Синьцзяне, что было для него выигрышно. Таким образом, в настоящий момент исламские духовные лидеры в СУАР в основном ставленники власти или же находятся под ее влиянием, подвергаясь серьезному контролю со стороны государственных органов. Помимо этого финансовая поддержка от государства имеет в этом деле немаловажное значение.

Вместе с политикой свободного вероисповедания руководство КНР также проводит принципы разделения религии и политики. Религиозные организации не могут исполнять властные функции и не допускается их вмешательство в административное управление и законодательные дела государства. Также религии запрещено вмешиваться в сферу образования, т.е. в деятельность учебных заведений и социальное общественное воспитание, а также в вопросы брака и планового деторождения. И все это прямым образом противоречит основным положениям ислама о неразделении религии и государства.

Независимое уйгурское государство, в основе которого лежит ислам, как и прежде, является ядром сепаратистских настроений в Синьцзяне. По всей вероятности, китайскому руководству будет достаточно сложно заменить эти идеи среди автохтонного населения, новыми идеологическими установками, пока они глубоко не внедрятся в его сознание.

Также на сегодняшний день идея объединения всего многонационального Китая с позиции китайского суперэтноса еще пока не нашла отклика среди уйгур, чему серьезно способствует роль ислама, и повышение самостоятельности на местах, а также активное включение уйгур в реформы приводило к взрывам недовольства и подъему национального самосознания. Вероятно, в ближайшей перспективе работа в этом направлении с автохтонным населением Синьцзяна останется одной из основных задач руководства КНР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Буяров Д.В.* Некоторые аспекты государственного регулирования религиозной сферы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 18.
2. *Сыроежкин К.Л.* Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. Алматы, 2015.
3. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2016 года // Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК. Режим доступа: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publBullS14-2016?_afzLoop=4033806516728711#%40%3F_afzLoop%3D4033806516728711%26_adf.ctrl-state%3D12pqjjhd4h_17. Дата обращения: 25.01.2018.
4. *Clarke M.* Looking West: China and Central Asia // *Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission*. 2015.
5. *Finley J.S.* The Art of Symbolic Resistance. Uyghur Identities and Uyghur-Han Relations in Contemporary Xinjiang. 2013.

6. *Hodong Kim*. Holy War in China: the Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864—1877. Stanford University Press, 2004.
7. *Michael E. Clarke*. Xinjiang and China's Rise in Central Asia, 1949—2009: A History. London: Routledge, 2011.
8. *Millward J., Tursun N.* Political History and Strategies of Control 1884—1978 in China's Muslim Borderland. New York: M.E. Sharp Publishers, 2004.
9. 中华人民共和国宪法// Конституция КНР. Режим доступа: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=27574&lib=law>. Дата обращения: 25.01.2018.
10. 新疆的宗教信仰自由状况 [Xinjiang de zongjiao xinyang ziyou zhuangkuang] // Свобода религиозных убеждений в Синьцзяне // Информационное агентство «Синьхуа» Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-06/02/c_1118976926.htm. Дата обращения: 25.01.2018.
11. 宗教活动场所设立审批和登记办法国家宗教事务局令 [Zongjiao huodong changsuo sheli shenpi he dengji ban fa guojia zongjiao shiwu ju ling] // Правила реорганизации и ликвидации религиозного учреждения. Режим доступа: <http://www.lawinfochina.com>. Дата обращения: 25.01.2018.
12. 宗教事务条例 [Zongjiao shiwu tiaoli] // Положение «О религиозных отношениях». Режим доступа: <http://www.lawinfochina.com>. Дата обращения: 25.01.2018.
13. 数据说话! 新疆如何满足信教公民正常宗教需求? // [Shuju shuohua! Xinjiang ruhe manzu xinjiao gongmin zhengchang zongjiao xuqiu?] // Как Синьцзян может удовлетворить религиозные потребности граждан // Официальный сайт Правительства СУАР КНР. Режим доступа: <http://www.xinjiang.gov.cn/2016/06/03/50.html>. Дата обращения: 25.01.2018.
14. 新疆维吾尔自治区 2016 年国民经济和社会发展统计公报 [Xinjiang weiwuer zizhiqu 2016 nian guomin jingji he shehui fazhan tongji gongbao] // Статистический бюллетень Национального экономического и социального развития в 2016 году в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Официальный сайт Правительства СУАР КНР. Режим доступа: <http://www.xinjiang.gov.cn/2017/04/17/129362.html>. Дата обращения: 25.01.2018.
15. 2015 年新疆 1%人口抽样调查主要数据公报 [2015 Nian xinjiang 1% renkou chouyang diaocha zhuyao shuju gongbao] // Статистика по данным выборки 1% населения с СУАР 2015 г. // Статистическое бюро СУАР КНР. Режим доступа: http://www.xjtj.gov.cn/tjfw/dh_tjgb/201608/t20160801_509437.html. Дата обращения: 25.01.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-176-186

ISLAM IN XINJIANG AS A FACTOR OF POLITICAL INSTABILITY IN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

A.S. Mavlonova

National Research University Higher School of Economics
Myasniatskaya str., 20, Moscow, Russia, 101000

Abstract. Separatism in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of People's Republic of China is a very complex, multifaceted, multidimensional, multifactorial and, at the same time, little-studied problem. This article is devoted to the consideration of the religious factor as one of the factors along with a number of others provoking political instability in the Xinjiang.

Given the heterogeneity of Xinjiang, an analysis was conducted of the various zones in the region, which have their own specific characteristics. So, the author came to the conclusion that it is the religious factor that is most pronounced in the Western and Southern zones. Radically-minded separatists, who use elements of the Wahhabi ideology in their political programs, have a fairly serious weight here. And the speeches in these parts of Xinjiang come from the Ferghana Valley. And in this region, anti-Chinese actions, unlike the population of Urumqi and Kuldja, often occur with the slogans of Islamic liberation.

Regarding the political and legal situation of Muslims in Xinjiang, although freedom of religion is guaranteed at the official level, in practice, such legislative acts define narrow legal boundaries for religious activities, and they allow state bodies to strictly control and interfere in the sphere of religious relations. Nevertheless, there are not any additional requirements for professing Islam, the state also pays enough attention to the protection of Muslim cultural monuments, which are in large numbers in the Xinjiang.

Key words: Xinjiang, China, Central Asia, separatism, Uighurs, Islam

REFERENCES

1. Buyarov D.V. Nekotoryye aspekty gosudarstvennogo regulirovaniya religioznoy sfery v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom rayone. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015; 18. (In Russ.).
2. Syroyezhkin K.L. *Sin'tszyan: bol'shoy vopros dlya Kitaya i Kazakhstana*. Almaty; 2015. (In Russ.).
3. Chislennost' naseleniya Respubliki Kazakhstan po otdel'nym etnosam na nachalo 2016 goda. *Komitet po statistike Ministerstva natsional'noy ekonomiki RK*. Available from: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publBullS14-2016?_afLoop=4033806516728711#%40%3F_afLoop%3D4033806516728711%26_adf.ctrl.sostoyaniya%3D12pqjjhd4h_17. (In Russ.).
4. Clarke M. Looking West: China and Central Asia. *Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission*. 2015
5. Finley J.S. The Art of Symbolic Resistance. *Uyghur Identities and Uyghur-Han Relations in Contemporary Xinjiang*. 2013
6. Hodong Kim. *Holy War in China: the Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864—1877*. Stanford University Press; 2004.
7. Michael E. Clarke. *Xinjiang and China's Rise in Central Asia, 1949—2009: A History*. London: Routledge; 2011.
8. Millward J., Tursun N. *Political History and Strategies of Control 1884—1978 in China's Muslim Borderland*. New York: M.E. Sharp Publishers; 2004.
9. 中华人民共和国宪法. *Constitution of China*. Available from: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=27574&lib=law>. (In Chin.).
10. 新疆的宗教信仰自由状况 [Xinjiang de zongjiao xinyang ziyou zhuangkuang]. *Informatsionnoye agentstvo «Xinhua»*. Available from: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-06/02/c_1118976926.htm. (In Chin.).
11. 宗教活动场所设立审批和登记办法国家宗教事务局令 [Zongjiao huodong changsuo sheli shenpi he dengji ban fa guojia zongjiao shiwu ju ling]. Available from: <http://www.lawinfochina.com>. (In Chin.).
12. 宗教事务条例 [Zongjiao shiwu tiaoli]. Available from: <http://www.lawinfochina.com>. (In Chin.).
13. 数据说话！新疆如何满足信教公民正常宗教需求？ [Shuju shuohua! Xinjiang ruhe manzu xinjiao gongmin zhengchang zongjiao xuqiu?]. Available from: <http://www.xinjiang.gov.cn/2016/06/03/50.html>. (In Chin.).
14. 新疆维吾尔自治区 2016 年国民经济和社会发展统计公报 [Xinjiang weiwuer zizhiqu 2016 nian guomin jingji he shehui fazhan tongji gongbao]. Official site of the government of China. Available from: <http://www.xinjiang.gov.cn/2017/04/17/129362.html>. (In Chin.).

15. 2015 年新疆 1%人口抽样调查主要数据公报 [2015 Nian xinjiang 1% renkou chouyang diaocha zhuyao shuju gongbao]. *Statisticheskoye byuro SUAR KNR*. Available from: http://www.xjtj.gov.cn/tjfw/dh_tjgb/201608/t20160801_509437.html. (In Chin.).

Сведения об авторе:

Мавлонова Анна Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: mavlonova.anna@yandex.ru).

Information about the author:

Mavlonova Anna Sergeevna — PhD, senior lecturer of National Research University Higher School of Economics (e-mail: mavlonova.anna@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 01.03.2018.

Received 01.03.2018.

© Мавлонова А.С., 2018.



DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-187-192

ПРЕДСТОЯЩИЕ ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2018 ГОДА В РЕСПУБЛИКЕ МАДАГАСКАР: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРОГНОЗЫ

Андреамахаринжака

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена предстоящим президентским выборам в Республике Мадагаскар, в ней представлен анализ действий действующей власти в стране. Особый акцент сделан на текущей политической обстановке перед выборами. Анализируются возможное правовое поле, на основе которого будут проведены выборы, и возможные изменения. Даны прогнозы дальнейшего развития ситуации до, во время и после выборов.

Ключевые слова: президентские выборы, референдум, конституция, президентская республика, государственный переворот, международное сообщество, парламентские выборы, национальная ассамблея, администрация, национальная валюта, nepoтизм, политический конфликт, административный ресурс, муниципалитет, политический кризис, временное правительство, политические силы, общественные движения, политическая и общественная стабильность

Изучая и анализируя политические процессы, происходящие в республике Мадагаскар за последние десятилетия, возникает справедливый вопрос о «государственной состоятельности» Мадагаскара как независимого государства, полноценного субъекта международных отношений [1].

В 2010 году в ходе референдума была принята новая конституция четвертой республики Мадагаскара. Новая конституция определяет республику Мадагаскар как президентскую, но при этом большую роль играет парламент. Изначально проведение и легитимность результатов конституционного референдума были под вопросом из-за нескольких моментов. Первое, референдум был организован временным правительством, которое установилось в результате государственного переворота [3]. Второе, явка избирателей была низкой (30%), и, наконец, проведение данного референдума не было одобрено международным сообществом. В декабре 2013 года Хери Раджаунаримампианина был избран первым президентом четвертой республики. Стоит отметить что параллельно с президентскими выборами были также проведены парламентские выборы, в частности выборы депутатов нижней палаты национальной ассамблеи. Несмотря на то, что новоизбранный президент, будучи кандидатом, позиционировался как независимый отдельный кандидат, он пользовался активной и всесторонней поддержкой тогдашнего временного правительства.

Характеризуя текущее политическое состояние Республики Мадагаскар, важно обратить внимание на следующие обстоятельства:

— *Низкая популярность и плачевная результативность действующей власти.*

Первое президентство четвертой республики оказалось весьма нестабильным. Частая смена премьер-министра (4 раза за 4 года), отсутствие явных результатов в решении проблем государства и народа, высокий уровень коррупции, nepотизм, плохие экономические показатели, отсутствие безопасности в городах и отдаленных районах [4], постоянные митинги и акции протеста против действий тех или иных органов власти, руководителей государственных компании [5], политические репрессии.

Назначение первого премьер-министра четвертой республики было сложным в политическом плане процессом, так как интерпретации статьи 54 были разные, но Высший Конституционный Суд во избежание нового кризиса негласно одобрил назначение Кулу Роже премьер-министром. Но этим не закончилась история с назначением премьер-министра, так как за 4 года сменились еще 3 премьер-министра, что является очень наглядным показателем уровня нестабильности новой власти.

Говоря о результатах президентства Хери Раджаунариампианина, формируется глубоко отрицательная картина, в первую очередь в реализации ключевых функций государства в обеспечении работоспособности администрации, оказании социальных услуг гражданам, электрификации всех регионов страны, строительстве новой инфраструктуры и ремонте уже существующей.

Если говорить об электрификации, то до сих пор страна живет за счет инфраструктуры, построенной в 1970—80 гг. Новые мощности были построены позже, но часто не работают либо являются слишком дорогими в обслуживании.

Коррупция на Мадагаскаре — весьма частое явление почти на всех уровнях государственной администрации. Почти каждый день говорится о борьбе с коррупцией, но на деле ничего не делается.

Коррупция наносит огромный вред государству, когда средства, которые должны быть направлены в казну, расхищаются, когда в процессе осуществления государственных закупок завышаются цены или делаются разные виды махинаций для освоения государственных средств. Чиновники и те, кто находится вокруг и около власти (политики и люди из бизнеса), обогащаются, а народ беднеет с каждым днем. В 2017 году Мадагаскар входил в число десяти самых слаборазвитых стран мира, при этом в этой стране не было войн или больших природных катастроф. Ежегодно в сезон циклонов по Мадагаскару проходит по 2—4 циклона в год, но тем не менее государство никогда не было готово к этим катаклизмам, каждый год жертвы исчисляются тысячами.

— *Плохие экономические показатели действующей власти — это рекорд даже для Мадагаскара.*

Явное неумение управлять и развивать экономику привело к тому, что курс национальной валюты ариари резко упал, экспорт не развивается и не диверсифицируется. С колониальных времен и до сих пор Мадагаскар экспортирует те же ваниль, кофе и другие экзотические продукты. Промышленности нет, все, что нужно стране, импортируется почти на 96%.

— *Еще один печальный рекорд действующей власти — это низкий уровень безопасности в стране.*

Почти каждый день происходят вооруженные ограбления в городах, в отдаленных районах страны угоняют скот. Беспомощность и неэффективность органов безопасности наглядно демонстрирует неспособность действующей власти к управлению страной [6].

ВОЗМОЖНЫЕ ПРЕТЕНДЕНТЫ

Уже несколько претендентов объявили о своем выдвижении на предстоящие президентские выборы, но главными соперниками будут действующий президент Хери Радзаунаримампианина, Марк Равалуманана — бывший президент, свергнутый в 2009 г., и Андри Раджуэлина — бывший председатель временного правительства.

Традиционно в выборах на Мадагаскаре принимают участие различные политические силы, большие и маленькие политические партии, общественные движения и самовыдвиженцы, но основная борьба развернется между двумя или тремя политическими силами. За период с 1960 года на Мадагаскаре было проведено около десяти президентских выборов. В большинстве случаев один кандидат выигрывает уже в первом туре, только 2 раза было проведен второй тур. Чаще всего президентские выборы становятся катализатором общественного недовольства, что приводит к массовым уличным беспорядкам и бунтам [7].

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ТЕКУЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ

К концу срока своего президентства у действующего президента нет твердой политической базы. Да, существует партия власти «Новая Сила для Мадагаскара» («Хери Ваувау Ху ан Мадагаскар»), формально она сильна и является ведущей партией в стране. Сила партии была доказана во время муниципальных выборов, где партия власти набирала около 80% всех муниципальных кресел. Тем не менее нужно отметить, что в больших городах и населенных пунктах партия власти практически безоговорочно проигрывала оппонентам. Мэры всех больших городов и административных центров в основном из оппозиции.

Данная ситуация, в которой власти грозит потеря контроля над крупными провинциальными административными центрами, подталкивает центральную власть резко ограничивать действия мэров посредством урезания бюджета, блокирования финансирования, блокирования всех муниципальных инициатив, сокращения штата сотрудников и т.п. Особенно явно и остро проявляется этот конфликт между центральной властью и властями местных органов самоуправления в двух главных городах страны: в столице Антананариву, где мэром является Лалау Равалуманана, — жена бывшего президента и претендента на пост главы государства, а также в Туамасина — главном порте страны и втором городе по значимости, где мэр также из оппозиции.

Отдельно следует рассмотреть острый политический конфликт между нынешним президентом и бывшим президентом Равалуманана. Напомним, что в октябре

2015 года Марк Равалуманана после шести лет вынужденного изгнания в Южной Африке внезапно появился в своей резиденции в Антананариву, затем его арестовали и спустя несколько месяцев отпустили. Политический статус Равалуманана в основном регулируется личными договоренностями между действующим президентом и самим Равалуманана, но в последнее время отношения между двумя политическими акторами резко ухудшились. Доказательством этого является тот факт, что завод, принадлежащий Равалуманана, был закрыт, в отношении него готовятся уголовные дела, и конфликт между муниципалитетом города Антананариву и центральной властью носит уже открытый характер вплоть до сноса построенных объектов инфраструктуры и блокирования работы города.

Отношения между Раджуэлина — бывшим председателем временного правительства и нынешним президентом — также не самые лучшие, если не сказать, что они находятся в плачевном состоянии. Личных контактов между двумя лидерами нет и не было с момента инаугурации нового президента в 2014 году.

Действующая власть всячески старается контролировать и нейтрализовать своих политических оппонентов путем применения административно-правового ресурса.

Безответственные действия центральной власти приводит к сбоям в работе органов местного самоуправления, что значительно усложняет повседневную жизнь граждан.

РЕКОМЕНДАЦИИ И ЖЕЛАНИЯ ВСЕХ СТОРОН И ПОЗИЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

Мнения по поводу предстоящих президентских выборов 2018 года весьма разнообразны, в одном все согласны: «выборы нужно проводить», а дальше как проводить, когда и по каким правилам — здесь идеи и предложения сильно различаются. Попытаемся сформулировать самые главные и важные предпосылки для проведения успешных и беспроблемных выборов в Республике Мадагаскар.

Стране нужна политическая и общественная стабильность, для чего важно прекратить всякие «политические атаки и интимидации». К первоочередным мерам можно отнести следующие:

- ◆ четко определить правила игры; внести нужные поправки в законы о выборах;
- ◆ прозрачно объявить об источниках финансирования выборов и органах, которые будут отвечать за проведение выборов от предвыборной компании до объявления официальных результатов;
- ◆ создать возможность, чтобы все желающие в соответствии с законом могли выдвигать свою кандидатуру (без тайных договоров, как было в 2013 г.);
- ◆ обеспечить нейтральность администрации;
- ◆ создать механизмы для быстрого подсчета голосов, что позволит быстро опубликовать результаты выборов [8].

Так называемое международное сообщество в принципе поддерживает проведение выборов при условии, что новые выборы не приведут к новому кризису в стране.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2018 г.

Вырисовываются два наиболее вероятных сценария проведения президентских выборов в Мадагаскаре: согласно первому сценарию действующая власть обратит необходимое внимание на рекомендации сторон (политических партий и общественных движений) и международного сообщества, что позволит политическому режиму провести выборы в соответствии с вышеперечисленными критериями, но в этом случае можно с уверенностью сказать, что действующий президент не будет переизбран. Второй сценарий: игнорируя все рекомендации, правящий режим проводит выборы в своих интересах, результаты которых скорее всего не будут признаны ни оппозицией, ни международным сообществом, что приведет к новому политическому кризису.

Президентские выборы — это особенное событие в жизни любого государства и общества, но они особо важны для республики Мадагаскар тем, что они являются либо точкой начала нового политического кризиса, либо точкой начала новой эры стабильности, которая так нужна стране для развития. На основе проведенного анализа можно сказать, что перед страной стоит необходимость проводить эти выборы, и проводить их правильно и законно, чтобы результаты привели к политической стабильности, а не к хаосу. Тем не менее, текущая политическая обстановка не вселяет оптимизм по поводу будущих выборов, так как на данный момент конкретных шагов к нормализации политической обстановки со стороны власти не наблюдается, скорее наоборот, ситуация накаляется. Негативная предвыборная обстановка плюс социальное напряжение из-за низкого уровня жизни и отсутствия безопасности могут привести к беспорядкам уже до начала выборов.

Таким образом, делать какие-либо прогнозы о политической жизни Мадагаскара — весьма нелегкая задача из-за постоянных перемен и нестабильности политической системы страны. Возможно даже, что эти долгожданные выборы не состоятся, пока неофициально говорится, что они будут проведены в октябре или ноябре 2018 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / Под ред. А.И. Костина. М.: Изд-во МГУ, 2016. С. 272—283.
2. Лафутский В.И. Тенденции развития избирательного законодательства в современном мире // Избирательное законодательство и практика. 2017. № 3. С. 8—10.
3. Randrianja S. Le coup d'État de mars 2009. Paris, Éditions Karthala, coll. «Hommes et Sociétés», 2012.
4. Rabenoro M. Insécurité publique et disfonctionnements de nos institutions // Tribune Madagascar. 2016.
5. Razadrafinkoto M. Wechsberger J. Roubaud F. L'énigme et le paradoxe: Economie politique de Madagascar, 2017.
6. Lachkar M.A. A un an de la présidentielle, Madagascar s'enfonce dans la crise politique // Liberation. 2017.
7. Ramambazafy J. Madagascar, L'instabilité politique y est permanente depuis 2014. Madagate, 2016.
8. Rahaga N.A. La CENI doit faire face a l opposition // Tribune-Madagascar. 2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-187-192

THE UPCOMING PRESIDENTIAL ELECTIONS OF 2018 IN THE REPUBLIC OF MADAGASCAR: POLITICAL ANALYSIS AND FORECASTS

Andriamaharinjaka

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the upcoming presidential elections in the Republic of Madagascar, the actions of the current ruling power are subjected to analysis. Special focus was made on the ongoing political situation before the elections. The possible legal field in which could be organized the upcoming elections and its possible reforms are analyzed. Forecasts about the evolution of the political situation in the Republic were given.

Key words: presidential elections, referendum, constitution, presidential republic, coup d etat, international community, parliamentary elections, national assembly, administration, national currency, nepotism, political conflict, administrative resource, municipality, political crisis, interim government, political forces, social movements, political and social stability

REFERENCES

1. *Krizis civilizacii v kontekste politicheskikh processov XXI veka.* Ed. by A.I. Kostin. Moscow: Izd-vo MGU; 2016. (In Russ.).
2. Lafitskij V.I. Tendencii razvitiya izbiratel'nogo zakonodatel'stva v sovremennom mire. *Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika.* 2017; 3. (In Russ.).
3. Randrianja S. *Le coup d'État de mars 2009.* Paris, Éditions Karthala, coll. «Hommes et Sociétés», 2012. (In Fr.).
4. Rabenoro M. *Insécurité publique et disfonctionnements de nos institutions.* Tribune Madagascar. 2016. (In Russ.).
5. Razadrafinkoto M. Wechsberger J. Roubaud F. *L'énigme et le paradoxe: Economie politique de Madagascar,* 2017. (In Fr.).
6. Lachkar M.A. A un an de la présidentielle, Madagascar s'enfoncé dans la crise politique. *Liberation.* 2017. (In Fr.).
7. Ramambazafy J. *Madagascar, L'instabilité politique y est permanente depuis 2014.* Madagate, 2016. (In Fr.).
8. Rahaga N.A. La CENI doit faire face à l'opposition. *Tribune Madagascar.* 2017 (In Fr.).

Сведения об авторе:

Андриамахаринжака — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Мадагаскар) (e-mail: kelifingo@gmail.com).

Information about the author:

Andriamaharinjaka — postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Madagascar) (e-mail: kelifingo@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 01.02.2018.

Received 01.02.2018.

© Андриамахаринжака, 2018.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-193-214

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

В.А. ГуторовСанкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7, Санкт-Петербург, Россия, 199134

Цель статьи заключается в суммировании различных аспектов научной дискуссии, вращающейся вокруг самого понятия и сложных вопросов современной теории модернизации. Один из наиболее важных моментов дискуссии определяется новой взаимосвязью между столь различными концепциями, как модернизация, демократизация и глобализация. Эти концепции оказались взаимосвязанными в конце XX века, и с этого времени они обычно обсуждаются в их взаимосвязи, нередко сохраняя гетерогенный смысл. В общественном дискурсе понятия «модернизация» и «глобализация» приобрели эмоциональный оттенок. Для одних они предполагают международное гражданское общество, ведущее в новой эре мира и демократизации. Для других они предполагают угрозу американской экономической и политической гегемонии с таким ее культурным следствием, как гомогенизированный мир. Тем не менее действительно существуют некоторые отчетливые характеристики, определяющие общие тенденции процесса модернизации. Главной тенденцией является изменяющееся значение современности, или возникновение «альтернативных современностей». Все большее значение приобретает также феномен альтернативных глобализаций, т.е. культурных движений, имеющих глобальное измерение, возникающих за пределами западного мира и оказывающих влияние на последний. Другая тенденция связана с кризисом легитимности традиции национального государства, вынуждающим пересмотреть проблему роли демократии в современном мире. Мнение С.М. Липсета, сформулированное впервые в 1959 г., согласно которому демократия соотносится с экономическим развитием, породило широкий спектр исследований и затронуло разнообразные аспекты политической науки. И все же имеются два ясно выраженных довода в пользу такой взаимосвязи: или демократии могут возникать по мере того, как страны развиваются экономически (С. Хантингтон, Р. Инглхарт), или они могут быть установлены независимо от уровня экономического развития, но более способны к выживанию в развитых странах. Базовое утверждение теории модернизации в любой из ее версий состоит в том, что существует единый общий процесс, завершающей стадией которого является демократизация. Модернизация состоит в постепенной дифференциации и специализации социальных структур и завершается отделением политических структур от всех остальных, что и делает демократию возможной. Однако в настоящее время превалирует точка зрения, в соответствии с которой возникновение демократии не является побочным продуктом экономического развития (Г. О'Доннелл). Странники этого подхода не верят, что судьба демократического правления детерминирована исключительно имеющимися в наличии уровнями экономического развития. Они утверждают, что несмотря на все сдерживающие моменты демократизация является прежде всего следствием человеческих действий, а не экономических условий или же наследия исторического прошлого (Э. Гидденс, Р.М. Унгер).

Ключевые слова: модернизация, развитие, государство, экономический рост, демократия, политические процессы, глобализация, политическая теория, публичный дискурс

В общенаучном смысле теория модернизации описывает и объясняет на междисциплинарном уровне процессы трансформации, развивающиеся в направлении от традиционных и недоразвитых обществ к обществам современным. В 1950-х гг. она становится наиболее перспективной в том направлении западной социологической науки, которое получило название «социологии национального развития». Наибольшее внимание теоретики модернизации уделяли «предсовременным» обществам (*premodern societies*), которые становятся современными («вестернизированными») посредством процессов экономического роста и изменения в социальных, политических и культурных структурах. Один из основоположников этой теории Ш. Эйзенштадт в 1966 г. следующим образом определял ее сущность: «Исторически модернизация — это процесс изменения в направлении от тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX столетия и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX вв. — на южноамериканский, африканский и азиатский континенты» [17. Р. 1]. Ученые изучали социальные, политические и культурные последствия экономического роста и условия, которые являются важными для индустриализации отсталых стран и регионов.

В современных общественных науках концепция модернизации до сих пор нередко рассматривается как один из важных парадигмальных подходов, раскрывающих особенности современного мирового развития, неизбежно порождающего зависимость одних стран и регионов от других. Страны «третьего мира», «Юга», «развивающиеся народы» находятся в неравноправном положении и значительно уступают в плане жизненных шансов странам «первого мира», «Севера», или развитым странам. Термин «третий мир» был введен в научный оборот в 1952 г. французским экономистом Альфредом Сови для того, чтобы отличать страны, находящиеся на низкой ступени экономического развития от развитых капиталистических стран и стран «второго мира», входивших в мировую социалистическую систему. В целом понятие «третий мир» указывает на общества, для которых характерны унаследованные от колониального периода аграрная экономика, прогрессирующая бедность, слабое развитие систем здравоохранения и образования, неконтролируемый уровень рождаемости, низкие темпы урбанизации и жилищного строительства, постоянная долговая кабала, крайне слабые ростки демократии и преобладание военных способов решения политических конфликтов.

Теорию модернизации (вернее, ее различные толкования) вовсе не обязательно следует рассматривать в категориях зависимости от философских дискуссий о природе «модерна» и «постмодерна». Понятие «модерн» в философском и эпистемологическом смысле ориентировалось на представление о существовании одной «истинной» объяснительной модели, в которой отражается современный мир. Сторонники концепции «постмодерна», напротив, отрицали существование единственной концепции мира, полагая, что знание, идеология и наука сами по себе основаны на субъективном понимании относительности природы мира и социальных отношений.

Тем не менее теория модернизации, отражая характерное для классиков социологии и политической науки (К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и многих др.) внимание к процессу движения различных обществ от традиционных к современным социальным порядкам, уделяла большое внимание ценностям, верованиям и нормам, которые рассматривались как важные аспекты прогрессивного социального изменения. Соответственно, Запад определялся одновременно как исходный пункт и цель глобального развития: в современных обществах традиционные формы жизни должны заменяться инновационными структурами, практиками и способами мышления. Важную роль в данном процессе будут играть рост урбанизации, развитие нуклеарной семьи, образования, средств массовой информации и систем рационального права.

Еще в начале 1960-х гг. американский экономист и социолог У. Ростоу в своей работе «Стадии экономического роста» (1960) выделил пять стадий экономического развития: традиционное общество, предпосылки для подъема (takeoff), подъем, продвижение к зрелости и эра высокого массового потребления. В отличие от сторонников концепции спонтанного развития, Ростоу подчеркивал важность политической воли для формирования «элитарного социального капитала» (social overhead capital), например, сферы образования, способствующего развитию и укреплению социальных связей [32]. Книга Ростоу не случайно имела подзаголовок «Некоммунистический манифест», поскольку ее автор стремился с либеральных позиций осмыслить следующий принципиально важный тезис Маркса, по существу, предвосхищавший теорию модернизации: «Страна промышленно более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [5. С. 9].

В 1959 г. американский политолог Сеймур Мартин Липсет, развивая казавшуюся тогда убедительной гипотезу, согласно которой развитие является причиной и порождает демократию, сформулировал принцип корреляции между уровнем социально-экономического развития и способностью общества к демократии. «Чем более богата нация, — отмечал он в своей, ставшей классической, работе „Политический человек“, — тем больше у нее шансов поддерживать демократию. От Аристотеля и до наших дней люди считали, что только в процветающем обществе, в котором относительно немного граждан живут за чертой бедности, возможна ситуация, при которой массы населения разумно участвуют в политике и развивают ту степень самоограничения, которая необходима для того, чтобы не поддаваться лозунгам безответственных демагогов» [27. Р. 31].

Таким образом, важнейшее условие успеха демократизации заключается прежде всего в преодолении бедности. Развитие представлялось линейным процессом, в рамках которого отдельные страны и народы преодолевают внутренние преграды на пути к модернизации и демократизации.

На протяжении более трех десятилетий установленная Липсетом корреляция неоднократно перепроверялась специалистами (путем выделения агрегированных индикаторов ВВП на душу населения и числа стран, определяемых по принципу «минимальных демократий») и оказалась крайне стабильной. Как отмечалось в одной из современных работ, «вследствие таких впечатляющих статистических

подтверждений, прочную связь экономического развития и способности общества к демократии больше нельзя игнорировать. Многочисленные исследования ясно показывают, что уровень экономического развития (измеренный по ВВП на душу населения) должен рассматриваться как важнейшая переменная для объяснения степени демократизации определенной страны или различий между демократией и диктатурой на глобальном уровне» [6. С. 59].

Позднее с привлечением нового исторического материала некоторые весомые аргументы в пользу взаимосвязи экономической модернизации и демократизации были выдвинуты С. Хантингтоном. Он доказывал, что экономический рост всегда способствует легитимации демократий, поскольку модернизация способствует росту образованного среднего класса, смягчающего классовые противоречия и заинтересованного в стабильности и упорядоченном способе политического участия и принятия решений (См.: [10]).

Тем не менее такого рода представления уже в 1960-е гг. стали подвергаться существенной коррекции, нередко сопровождаемой острой критикой. В результате влияние теории модернизации значительно уменьшилось. Главный контраргумент заключался в том, что сама схема, основанная на дихотомии «традиция—современность» и на ложной идее превосходства небольшой группы западных народов над всеми остальными, является слишком элементарной, чтобы отражать надлежащим образом все многообразие мирового социального опыта.

Другой важный аргумент акцентировал внимание на том, что модернизация вовсе не может означать упадок традиционных верований и практик, особенно в тех случаях, когда они могут оказаться в высшей степени функциональными в процессе изменения социальных порядков. Сторонники марксистского подхода убедительно доказывали, что теория модернизации игнорировала воздействие западного империализма и колониализма на формирующиеся в странах «третьего мира» порядки и является поэтому глубоко неисторичной.

Наиболее последовательная критика модернизации была выдвинута представителями латиноамериканской «школы зависимости», а также исследователями политики неоколониализма в странах, некогда входивших в западноевропейские колониальные империи. Историки Андре Гундер Франк и Уолтер Родни доказывали, что западноевропейские государства сделали недоразвитыми те ставшие независимыми страны, которыми они когда-то управляли. Именно Западная Европа и США способствовали недоразвитости и латиноамериканских стран, систематически делая их еще беднее по сравнению с эпохой имперского господства. Историк и социолог Иммануил Валлерстайн, начавший свою научную карьеру исследованиями проблем Африки, систематизировал в дальнейшем «теорию зависимости» в многотомном труде «Мир-система Модерна», в котором он поставил под сомнение излишнее акцентирование теоретиков модернизации на проблемах национального развития и доказывал, что с того момента, как мир начиная уже с XVI века становится единой мировой экономикой, стала необходимой и разработка на новом уровне принципов анализа экономического и политического развития. Сильные государства, составляющие «сердцевину» новой мир-системы (core states), эксплуатируют политически слабые периферийные общества как в форме

прямого колониального господства, так и в форме косвенной, неформальной зависимости (См.: [2. С. 3—37; 3. С. 1—13]).

На основе аргументации Валлерстайна сторонники мир-системного анализа доказывают, что такие «полу-периферийные» государства, создавая впечатление о возможности конвергенции для всех, на самом деле обеспечивают новые возможности для инвестиционной политики доминирующих государств. Конвергенция отсталых и передовых стран является в принципе недостижимой.

Политолог Гильермо О’Доннелл критиковал аргументы о близости, если не тождестве модернизации и демократизации. В частности, он отмечал, что даже в богатейших странах Южной Америки в 1960—1970-х гг. были установлены военные диктатуры, и предполагал, что особая фаза индустриализации, через которую они проходили, была обусловлена потребностью привлечения иностранного капитала и технологий. Он разделял позицию сторонников теории зависимости, согласно которой временные рамки являются критерием экономического развития, определяя характер и последствия модернизации: страны, позднее вступившие на этот путь, более нуждаются в сильном государстве как двигателе экономического развития и в меньшей степени должны зависеть от такого фактора, как активность и самодеятельность граждан [31. Р. 49—71].

Постмодернистски настроенные ученые вместе со сторонниками теории зависимости критиковали теоретиков модернизации за излишний этноцентризм. Предполагая, что развитие заключается в движении от традиции к современности и отождествляя модернизацию с индустриальным Западом, они утверждали, что теоретики модернизации совершают двойную ошибку: во-первых, они исходят из того, что Запад чем-то лучше по сравнению с другими цивилизациями; во-вторых, они утверждают, что все «несовременные» общества одновременно являются «традиционными». Тем самым они не в состоянии выявлять различия между обществами, поскольку многие из них отличаются друг от друга в гораздо большей степени, чем от Запада. Равным образом они не осознают масштабы стресса от попыток народов приспособиться к западным конструктам, которые сами являются продуктами теории модернизации и разрушают жизненно важные основы и культуру тех стран, которые модернизацию никогда не выбрали.

Следует отметить, что противники классической теории модернизации нередко сами увлекались и оставляли в стороне обсуждение принципиально важных проблем трансформации демократических институтов в современном мире, требовавшей новых интерпретаций теории демократии, включая анализ самого понятия «современная демократия».

Термин «демократия» в современном смысле стал распространяться в XIX в. для описания системы представительного правления, в рамках которой представители выбираются в различные органы власти на свободных конкурентных выборах и большая часть граждан мужского пола обладает правом голосовать. В США такое положение дел было достигнуто в 1820—1830-е гг. по мере распространения избирательного права в различных штатах. В 1848 г. во Франции произошел внезапный скачок в предоставлении права голоса взрослым мужчинам, но принцип парламентского правления был гарантированно установлен только

к 1871 г. В Британии парламентское правление было введено начиная с 1688 г., но большинство мужчин получило право голоса только к 1867 г. Следовательно, если не считать нескольких столетий развития демократии в древнегреческих полисах, в мировой истории демократия является сравнительно новым феноменом, который имеет тенденцию к быстрому распространению.

За последние несколько десятилетий демократические институты и практики твердо установлены примерно в 30 из 192 ныне существующих государств. В дополнение к ним существуют более молодые, но очевидно стабильные демократические режимы в Испании, Португалии и Южной Африке, неопределенное количество режимов, которые лучше всего могут быть описаны как частично демократические, такие как Кипр, Мексика и Малайзия. Большое число режимов (преимущественно в Восточной Европе и Латинской Америке) с 1990-х гг. получили право именоваться демократическими.

Одним из источников смутности и неопределенности в трактовке современного содержания понятия «демократия» заключается в том, что он используется для описания не только формы правления, но и системы общественных отношений. Так, американцы говорят, что их страна обладает не только демократической структурой политических институтов, но и является демократическим обществом. В начале XX в. некоторые британские социалисты (например, Сидней и Беатрис Уэббы) пропагандировали идею «промышленной демократии» как эффективного средства установления рабочего контроля над промышленными предприятиями. В послевоенный период в странах Центральной и Восточной Европы форма правления и характер общественной жизни определялись правящими коммунистическими партиями как «народная демократия».

Однако такого рода неопределенность не может создавать особо сложных теоретических проблем при условии, если термин «демократический» используется в соответствии с заложенным в нем семантическим смыслом. Тогда демократическое общество в американском смысле может восприниматься как общество без наследственных классовых различий, в котором существует тенденция к обеспечению равенства возможностей для всех граждан. Именно так характеризовал общество и стиль жизни в США Алексис де Токвиль, используя термин «равенство возможностей» для обозначения не столько формы правления, сколько достигнутого американцами уровня социального равенства. Точно так же мало кто как за пределами, так и внутри стран «народной демократии» мог обманываться относительно формы правления и образа жизни населения жестко контролируемого СССР региона.

Драматическое развитие в 1990-е гг. демократических практик по всему миру породило (преимущественно у американских теоретиков и их адептов в посткоммунистических странах) иллюзию о существовании жесткой взаимосвязи между ростом свободного предпринимательства, с одной стороны, и демократических институтов, — с другой. В работах наиболее амбициозных из них отражалась давняя утопическая вера в судьбоносное призвание США обеспечить конвергенцию всех обществ на основе «американского образа жизни». Такого рода теории были наглядным свидетельством крайне упрощенной универсалистской трактовки

модернизации как синонима демократизации. Когда Германия в период между 1871 и 1914 г. и Россия на рубеже XIX—XX вв. стали следовать примеру Великобритании и США, стремительно проводя индустриализацию своих экономик, они делали это в рамках автократической системы власти.

Несмотря на стремительный рост образованного класса и развития культуры (достаточно вспомнить культуру русского «серебряного века» и уровень, достигнутый немецкими университетами в этот период), который, по мысли некоторых теоретиков, является главным фактором, устанавливающим связь экономического прогресса с демократией, Германия не стала демократической (если, конечно, не считать короткого и отягощенного послевоенной разрухой и мировым экономическим кризисом периода Веймарской республики) до тех пор, пока американские, британские и французские оккупационные силы не «продвинули» ее в этом направлении. Переход России к «диктатуре пролетариата» и «социалистической демократии» (заставивший многих россиян, как ставших эмигрантами, так и переживших ГУЛАГ, вспоминать о Российской империи как об ушедшем в безвозвратное прошлое «золотом веке») не приостановил процесс экономической модернизации страны, но до начала 1990-х гг. ни на йоту не продвинул ее в сторону западной модели демократического общества. Точно так же индустриализация и экономический прогресс Японии вплоть до военной катастрофы 1945 г. никак не совпадали с западным демократическим пунктиром до тех пор, пока генерал Макартур и его советники резко не перевели эту страну на рельсы парламентской демократии.

Таким образом, хотя представление о том, что адекватной формой политической организации, соответствующей цивилизованным отношениям, является либерально-демократическое государство, выглядит идеологически и ценностно ориентированным, в историческом плане оно отражало широкое распространение либеральных идей и институтов в XIX — нач. XX вв., затронувших все без исключения европейские страны, включая традиционные монархии. С кризиса этих институтов после первой мировой войны начался процесс развития в тоталитарном направлении в России, Италии и Германии. В тех европейских странах, где было достигнуто наибольшее равновесие между организацией производства и политической системой, коммунизма и фашизма удалось избежать.

Однако исторический опыт показывает, что более глубокой причиной подобных резких изменений и переворотов является стремление к модернизации стран, отстающих в развитии, как ответ на вызов, брошенный техническим процессом.

В длинном ряду современных военных диктатур и авторитарных режимов тоталитарные государства могут рассматриваться как своеобразная аномалия. Тем не менее при всем различии тоталитарных и авторитарных режимов возможно их сопоставление как *современных государств*, идущих по пути модернизации. «...Коммунистические режимы — отмечает, например, — Т. Мак Даниэл, — в целом могут быть сгруппированы с некоторыми некоммунистическими государствами, такими как Турция Ататюрка, в качестве осуществляющих модернизацию однопартийных диктатур. Хотя вполне подходит называть таких правителей, как Сталин и Ататюрк, автократами, такая автократия имеет отличие: не стремясь

к личному правлению, основанному на традиционной легитимности, эти правители рвут с прошлым, пропагандируя идеологии обновления и обеспечивая массовое участие посредством развития массовых политических организаций... Такие авторитарные системы мобилизации ясно доказали способность создать основы современного индустриального общества. В определенном, самом крайнем случае, продемонстрированном сталинской системой, они действовали, фактически уничтожая отдельное существование гражданского общества — факт, указывающий на ту огромную цену, которую эти режимы были готовы платить за свою версию прогресса» (См.: [29. Р. 10; 1. С. 191, 193, 206, 255]).

Будучи антиподом цивилизации с ее неотъемлемым атрибутом — свободой, коммунистические режимы, уже для того, чтобы быть в состоянии бросить вызов, должны были пройти период модернизации с целью создания соответствующего технического потенциала. Этот период составил целую эпоху, в рамках которой возникла сложнейшая система международных связей, взаимоприятий и взаимоотношений. Вне ее невозможно понять ни причин возникновения фашистских режимов, ни объяснить, почему коммунистический режим возник в Китае, а не в Индии, находившейся примерно на той же стадии развития; или почему прокоммунистические революции произошли на Кубе и в Никарагуа, тогда как в других латиноамериканских странах развитие продолжалось в традиционном направлении медленного формирования системы, близкой к западной, через военные диктатуры и авторитарные режимы.

Сравнительно недавние примеры индустриализации восточной Азии во главе с Сингапуром, Южной Кореей и Тайванем демонстрируют возможность чрезвычайно быстрого экономического роста в рамках политических систем, которые далеко не во всем можно считать вполне демократическими. Напротив, азиатские страны с давними демократическими традициями, например Индия и Шри Ланка, долгое время оставались экономически отсталыми.

История свидетельствует о том, что гораздо легче декретировать демократические институты, чем развить политические условия и практику, необходимые для создания стабильной системы демократического правления. Для этого необходима не только система свободных выборов, но и свобода СМИ, политических партий, беспристрастное судопроизводство, готовность избирателей и политических элит принять результаты поражения на выборах и передать власть своим политическим соперникам, готовность военных и корпоративных экономических групп воздерживаться от соблазна использования своих возможностей для вмешательства в демократический процесс. В противном случае демократия неизбежно вырождается в ту или иную разновидность авторитарного режима. Наглядным примером подобного вырождения являются девять государств восточной и юго-восточной Европы, в которых после окончания Первой мировой войны были установлены демократические институты. Из них только Чехословакия оставалась демократической до 1939 г. В других восьми странах авторитарные режимы того или иного рода были установлены в следующей последовательности: Болгария — июнь 1923 г., Польша — май 1926 г., Литва — декабрь 1926 г., Югославия — январь 1929 г., Австрия — март 1933 г., Эстония — март 1934 г., Латвия — май

1934 г., Румыния — февраль 1938 г. Ни один из этих поворотов в сторону авторитаризма не был вызван этническими расколами в обществе, экономическим коллапсом, революцией или гражданской войной, но либо нежеланием военных воздерживаться от участия в политике, либо маневрами правящих элит, стремящихся удержать власть в своих руках и не дать вытеснить из нее своих «друзей».

Не менее обескураживающими были и результаты попыток ввести демократическое правление в странах Африки после завершения процесса деколонизации в 1945—1965 гг. В бывшем бельгийском Конго и португальской восточной Африке (Ангола и Мозамбик) с начала 1950-х гг. не прекращались беспорядки, этнические чистки, диктатуры и гражданская война. Аналогичные явления, отягощенные масштабной коррупцией и разворовыванием иностранных помощи и кредитов, наблюдались и в бывшей британской Африке. Вершиной этого процесса можно считать гражданскую войну в Нигерии, унесшую около миллиона жизней. Наиболее стабильные системы сложились в странах бывшей французской Африки, главным образом благодаря тому, что французская колониальная администрация изымала власть из рук племенных вождей и усиленно формировала слой франкоговорящей образованной элиты, которой впоследствии передавались бразды правления. В результате эти страны долгое время переживали период однопартийного правления, и их шансы на превращение в подлинно демократические остаются под вопросом.

В странах Латинской Америки демократические институты и практики оказались более укорененными, в том числе и вследствие притягательности примера стабильного президентского правления в США. Тем не менее демократические режимы были свергнуты в Бразилии в 1964 г., в Уругвае в 1973 г. и в Аргентине в 1976 г.

С 2003 г. новый фокус интереса к процессам модернизации и демократизации переместился на Средний Восток не без влияния неоднократно повторявшихся заявлений Дж. Буша-мл. о том, что он намерен продвигать демократию в этом регионе и не видит никаких оснований не верить, что мусульманские общества будут поддерживать демократические системы. Такого рода заявления тогдашнего политического лидера американских консерваторов шли вразрез, например, с концепцией С. Хантингтона, согласно которой исламская культура (как и конфуцианская) несовместимы с демократией и в этом смысле составляют противоположность западной культуре (либерализм, протестантизм), Латинской Америке, православной и даже индуистской и африканской культурам, которые в той или иной степени способны к восприятию и применения на практике демократических идей и принципов [9. С. 33—48]. Современные реалии свидетельствуют о том, что в заочном споре между маститым ученым и американским президентом победа пока остается за первым. Имеются многие соображения относительно того, чтобы сомневаться в самой возможности быстрого внедрения и развития демократических институтов в мусульманском мире.

Один из доводов, обычно называемый специалистами теологическим, выводится из следующего базового учения исламской религии: все законы, в которых нуждается человечество, могут быть найдены в Коране, а также в самом раннем

своде судебных уложений, развивающих установленные им юридические и моральные принципы. Демократическое представление о том, что парламент является суверенным законодательным органом, естественно, вступает в конфликт с приведенным выше фундаментальным исламским верованием. С ним соотносится, например, политическая практика в современном Иране, где совет невыборных религиозных лидеров («стражей») обладает правом отменять законы, принятые парламентом исламской республики, если они вступают в противоречие с Кораном (См.: [16]).

Разумеется, демократизация исламской страны является сложной, но не невозможной, о чем свидетельствует пример современной Турции, где с 1928 г. был введен в действие светский режим власти, на основе которого постепенно сформировалась парламентская система. В этом плане Турция может сравниваться с Индией, где приверженность правящей элиты демократическим принципам помогала преодолеть многие сложные проблемы, с которыми страна сталкивалась со времени обретения независимости в 1947 г. [15. Р. 128—132].

В целом общая тенденция может внушать аналитикам определенный оптимизм: со времени окончания Второй мировой войны почти все европейские страны, включая посткоммунистические, обладают более или менее стабильными, ориентированными на демократию политическими системами, в то время как в мире развивающихся стран влияние демократических идей и институтов также продолжает расширяться. Именно эта тенденция постоянно придает дополнительный импульс представлению о том, что и в будущем векторы модернизации и демократизации могут совпадать. В этом плане общие принципы, сформулированные еще в 1960-е гг. в рамках классической концепции соотношения модернизации и демократизации, также вряд ли могут быть до конца поставлены под сомнение. «Недавние исследования, — отмечает Б. Джеддис — автор главы „Что является причиной демократизации?“, написанной для „Оксфордского справочника по сравнительной политике“, — подтвердили то, что мы думали, что мы [уже] знали несколько десятилетий назад: более богатые страны, вероятно, являются и более демократичными. Дискуссия продолжается относительно того — увеличивает ли демократическое развитие вероятность перехода к демократии? Пшеворский и его соавторы настойчиво доказывали, что развитие не является причиной демократизации; скорее, развитие снижает вероятность поломки демократического механизма, тем самым увеличивая число богатых демократических стран, даже если это не связано с причинным воздействием на переход к демократии. Тем не менее другие образцы тщательного анализа смены режима продолжают обнаруживать взаимосвязь между развитием и переходом к демократии.

Некоторые другие регулярные наблюдения эмпирического характера добились статуса стилизованных фактов, хотя и им всем был брошен вызов. Опора на нефть и, возможно, другие виды минерального экспортного сырья уменьшает вероятность демократии. Страны с большим мусульманским населением, вероятно, являются еще менее демократичными...

Эксперты по Ближнему Востоку объясняют связь между нефтяным богатством и диктатурой следствием функционирования государства-рантье, которое

может использовать свою ренту от продажи природных ресурсов для распределения субсидий среди обширных частей населения и тем самым поддерживать уступчивость народа по отношению к режиму. В качестве параллельного аргумента Даннинг доказывает, что нефтяная рента при определенных обстоятельствах может быть использована для поддержки демократии» [34. Р. 317—318].

Конечно, и сегодня влияние постмодернистских идей порождает гораздо больший разброс мнений относительно того, какие страны и в каком смысле можно называть демократическими. К примеру, современный анализ итогов «бархатных революций» и перспектив демократизации политических систем в странах Центральной и Восточной Европы, а затем в посткоммунистической России и странах, некогда входивших в состав СССР, нередко сопровождается стремлением усилить аргументацию противников теории модернизации. В частности, эта тенденция проявляется и в упрощенном подходе к проблеме соотношения уровня экономического развития и стабильности демократических институтов и традиций. Сторонники такого подхода стремятся, как правило, «вынести за скобки» проблему взаимосвязи современной модели политической демократии с уровнем экономического прогресса, а заодно и с концепцией социального государства и социальных прав, ссылаясь на то, что на Западе данная модель представляет собой лишь «идеальный тип», а на деле она отнюдь не безупречна и к тому же в последние десятилетия именно в этом регионе самой идее социальных прав был нанесен значительный ущерб (См.: [23. Р. 2—4; 11. С. 14—15]).

Естественно, после того как проблема уровня доходов, формирования стабильного среднего класса и социальных гарантий оказывается теоретически «снятой», в распоряжении ученых остаются исключительно «политические» критерии, значение которых можно толковать как угодно. Например, можно объединить Молдову — одну из беднейших стран в Европе в одну «демократическую группу» с Болгарией и Румынией, противопоставив их автократиям в России и Республике Беларусь [30. Р. 108]. Или же, напротив, считать, что в современной России демократия, пришедшая на смену тоталитаризму, вполне сопоставима с демократией западной, одновременно не отрицая при этом и того факта, что в современном мире «глобальная зона нищеты значительно расширилась за счет большинства постсоветских республик, включая, с некоторыми оговорками, Российскую Федерацию» [7. С. 76, 80].

Такого рода концептуальные заключения не имеют большого распространения в современной политической теории. Преобладающей выглядит тенденция к появлению компромиссных версий теории модернизации на основе новых аргументов в пользу демократизации. В одной из них, разработанной Р. Инглхартом и его сотрудниками, явно просматривается попытка примирить многообразные противоборствующие точки зрения.

Отмечая решающую роль экономических и технологических изменений, Инглхарт утверждает, что изменения культурных ценностей и уровней политического участия следуют за экономическим развитием. Экономическое развитие способствует появлению предсказуемых изменений в ценностях и дальнейшей перспективе демократизации. Что касается так называемых традиционных обществ, то они могут сохранять свои характерные атрибуты культурной жизни в процессе

конвергенции с западной моделью общества и культуры. Более того, культурные различия продолжают определять характер ответа различных обществ на вызовы экономической модернизации. Изменения в материальных условиях могут служить причиной изменения позиций в отношении к власти, гендерным ролям, сексуальным практикам и политическому участию, но они возникают в контексте существовавших прежде культур. Экономические изменения будут трансформировать ценности западного иудео-христианского, конфуцианского и исламского обществ, но их результатом не станет единая мировая культура.

Инглхарт выделяет три измерения экономического развития, стимулирующего культурные и политические изменения: 1) рост экономической продуктивности и стремление государств «всеобщего благосостояния» увеличивать размеры потребления и снижать масштабы бедности будут способствовать возникновению такого уровня материальной безопасности, который позволят индивидам отдавать большее предпочтение ценностям, не имеющим отношения к элементарной заботе о деньгах на пищу и кров; 2) рост образовательного уровня, распространение средств массовой информации и работа в отраслях промышленности, основанных на знании, дают индивидам большую независимость и стремление к автономии; 3) увеличение социальной сложности является причиной большей социальной независимости индивидов. Инглхарт стремится доказать, что эти процессы имеют различные степени воздействия на то, что он называет индустриальными и постиндустриальными фазами экономического развития. В условиях индустриализации эти силы подрывают власть религии, но они часто заменяют религиозный авторитет авторитетом государства и индустрии. На постиндустриальной стадии доминирование светских властей подвергается эрозии в результате стремления к индивидуальной автономии во всех сферах жизни [25. P. 48 sq., 97 sq.].

Постепенно теория модернизации стала испытывать все большее влияние многообразных версий концепции глобализации, нередко с ними сливаясь. Как отмечают американские политологи Ч. Эль-Оджейли и П. Хэйден, сегодня «...оба подхода — модернизация и зависимость — продолжают функционировать в рамках обширного дискурса глобализации» [18. P. 40].

Концепция глобализации является сравнительно новой в современном политическом дискурсе и общественных науках. Первая социологическая статья, в которой появляется данное понятие, была опубликована в 1985 г. К февралю 1994 г. каталог библиотеки конгресса США включал только 34 названия работ, в которых упоминались либо само понятие, либо производные от него термины, причем все они не публиковались раньше 1987 г. К концу 1990-х гг. термин «глобализация» становится заметным, и только на рубеже тысячелетий количество книг и статей, где он постоянно встречается, стало исчисляться сотнями [15. P. 43].

Исследовать оттенки категориальных значений данного понятия не имеет смысла, поскольку оно не содержит в себе сколько-нибудь бросающихся в глаза противоречий. По справедливому замечанию А. Бэча, это «просто всеобщий термин, используемый свободно в качестве стенографического ярлыка для обозначения чего-либо или всего, или же, в наиболее общепринятом смысле, некоей комбинации пяти, скорее, различных тенденций в мировых делах, которые легко могут быть перечислены» [15. P. 43].

В перечислении А. Бэча в эту комбинацию входят: 1) возрастающая обеспокоенность и международные действия в сфере проблем окружающей среды, имеющих глобальное значение; 2) рост мирового рынка как следствие снижения транспортных расходов, всеобщего сокращения таможенных платежей в соединении с созданием Всемирной торговой организации (ВТО) с целью защиты торговых соглашений и снятия барьеров, препятствующих торговому обмену; 3) учреждение международных судов для защиты прав человека или в особых регионах, или в более широком масштабе; 4) новый взгляд, согласно которому либеральные правительства или их коалиции должны обладать правом (а возможно, его следует трактовать и как долг) вмешиваться во внутренние дела других государств, если последние являются виновными в грубых нарушениях прав человека на своих территориях; 5) чрезвычайно стремительное развитие на мировом уровне средств коммуникации, открывающее возможность глобализации культуры [15. Р. 43].

В данном ракурсе понятие «глобализации» терминологически выглядит даже более осмысленным по сравнению с понятием «модернизация», обладающим практически бесконечным количеством оттенков и применяемым для характеристики чрезвычайно многообразных процессов и действий самого различного уровня и направленности — от модернизации станков, стрелкового оружия, отраслевых министерств, школьного и университетского образования до модернизации экономик и политических систем стран и регионов.

На понятийном уровне модернизацию с глобализацией объединяет и еще одно примечательное свойство, а именно — способность встраиваться в любую политическую конъюнктуру. Например, английский политолог Р. Саква вполне сочувственно и без всякого оттенка критической иронии следующим образом комментирует действия Сергея Иванова, осуществлявшего на посту министра обороны обширный план перевооружения российской армии: «Представляя свой план Думе 7 февраля 2007 г., Иванов настаивал на том, что вопрос стоит о „модернизации, а не реформе армии“, поскольку слово „реформа“, заявлял он, „вызывает у нас аллергическую реакцию“» [33. Р. 408].

Хотя в современных дискуссиях о перспективах развития России речь, как правило, идет об ее модернизации в одном, самом широком смысле, Н.А. Симония совсем недавно отмечал в статье, посвященной реализации комплекса идей по ускорению и развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока: «К сожалению, развитие и практическая реализация этих идей началась в период, когда Путин был премьером и существовал „тандем“... Несомненно, *негативную тормозящую роль сыграли откровенные противоречия между двумя администрациями — президентской и правительственной*. Это обстоятельство еще более усугубило негативное действие механизма *межминистерского согласования* — одного из главнейших тормозов социально-экономического развития России, загубившего *десятки проектов модернизации* (курсив мой — В.Г.)» [8. С. 68].

Современные трактовки глобализации, первоначально тесно связанные с идеями постмодерна, обычно акцентируют внимание на общей тенденции к усилению интернационализации экономики, коренящейся в транснациональном характере

капитала, к массовому производству и формированию мощных коммуникационных сетей и технологий, неотделимых от глобальной структуры массового потребления. В идейном-психологическом плане, — отмечает П.Л. Бергер, — «термин „глобализация“ становится эмоционально нагруженным в общественном дискурсе. Для некоторых он представляет обещание международного гражданского общества, ведущего к новой эре мира и демократизации. Для других он предполагает угрозу американской экономической и политической гегемонии с ее такими культурными последствиями, как гомогенизированный мир, напоминающий разнообразность метастазного Диснейленда (которую один французский чиновник мило называл „культурным Чернобылем“)» [28. Р. 2].

Данный подход разделяет и О. Хёффе. Термин «глобализация», — утверждает он, — «нагружен противоречивыми эмоциями — отчасти надеждой, отчасти страхом — и используется настолько инфляционно и неточно, что его лучше избегать. И все же, когда он обретает более очерченный профиль, он имеет существенную диагностическую ценность для наших времен, поскольку он верно определяет вызов, не подталкивая к предубежденному ответу. Первое приближение к нему является непротиворечивым, но недостаточно четким: глобализация как возрастание и интенсификация социальных отношений в мировом масштабе. Только посредством четырех квалификаций этот феномен обретает более различимый профиль... Будь это внутренняя и внешняя безопасность, забота о благосостоянии, экономическое процветание или защита окружающей среды, все эти наибольшие виды ответственности, требующие человеческой самоорганизации, которая базируется на государственности и господстве права, теперь выходят за государственные рамки. И что более важно, дополнительные акторы приобретают постоянно увеличивающуюся власть и влияние на мировой арене: многонациональные корпорации, международные или транснациональные институты и неправительственные организации. Пока эти новые сущности еще не вытесняют существующие политические концепты, такие как либеральная демократия и ее социальные и экологические виды ответственности. Но они уже приобретают новое измерение, которое значительно трансформирует политику и теорию, лежащую в ее основании» [24. Р. 1].

В целом большинство специалистов и аналитиков, независимо от различных идеологических подходов, разделяют ту точку зрения, что глобализация является исключительно сложным, противоречивым, далеко не во всем предсказуемым историческим процессом, имеющим множество аспектов и уровней измерения. Глобализационные процессы включают в себя новое структурирование мирового пространства, главным вектором которого является формирование многоуровневых сетевых структур в сфере промышленности, финансов, торговли, новых технологий массовых коммуникаций, культурной индустрии и распространения идей. Они затрагивают не только межличностные отношения, но и активно вторгаются в политическое пространство, оказывая воздействие как на современные территориальные государства, так и на все без исключения элементы мировой политической системы.

Для современных теоретиков либерализма и неомарксизма глобализация имеет преимущественно экономическое измерение, поскольку оба данных направления мысли акцентируют внимание на экономических силах, действующих в мире, нередко оставляя в стороне вопрос о том, что в действительности даже экономические изменения не осуществляются исключительно с помощью экономических факторов: большое влияние на них оказывают технические достижения, политические решения и изменения публичных позиций социальных групп, которые также постоянно подвергаются трансформации. Ключевую роль в данном процессе играют современные мирные и военные технологии, как правило, преодолевающие пределы национальных государств и формирующие сетевое глобальное общество.

Наиболее примечательная черта глобализации заключается в том, что она «делает все более трудным для таких социальных акторов, как национальные государства, местные сообщества и индивиды, поддерживать свою идентичность без ссылки на всеохватывающие глобальные структуры и потоки. Взаимосвязи глобализируют мир вполне измеримым, возможно, даже “объективным” образом, но это происходит преимущественно потому, что все эти силы заново определяют опыт и восприятия все большего количества акторов. Поэтому глобальное является теперь когнитивной референтной рамкой для многих акторов, которые осознают глобальное давление, хотя это в гораздо меньшей степени ощущается на уровне культуры и морали» [35. Р. 243].

Приоритеты в этом плане до сих пор определяются соотношением политических страстей и борьбы, с одной стороны, и идеологически окрашенных интеллектуальных дискуссий, с другой. Например, уже в 1990-е гг. в Китае тема глобализации стала центральной в дискуссии между двумя противоборствующими группами интеллектуалов. По мнению либеральных идеологов и реформаторов, занимавших ключевые позиции в планировании китайской политики, глобализация является новой стадией в процессе модернизации и представляет собой такую возможность, упустить которую Китай не может себе позволить. При этом они подчеркивали, что глобализация способна обеспечить постоянный мир на планете, уничтожить неравенство между развитыми и развивающимися странами и привести к дальнейшему развитию и процветанию. Глобализация способствует распространению универсальных ценностей, таких как свобода, демократия и права человека, и поэтому является чрезвычайно полезной китайскому обществу. Поскольку глобализация представляет собой высшее состояние модернизации и человеческого развития, ее необходима всячески поощрять [14. Р. 37].

Напротив, представители новых левых и неомарксисты утверждали, что глобальный капитализм принесет Китаю гораздо больше вреда, чем блага, и что западная модель модернизации совсем не подходит для их страны. Они были более озабочены увеличивающимся социальным неравенством, вызванным быстрой аккумуляцией капитала, а также прогрессирующей деградацией социокультурной и окружающей среды, причиной которой была слепая приверженность партийного государства к модели экономического развития, основанного на притоке иностранного капитала [14. Р. 38].

Что касается позиции западноевропейских и американских левых, то большинство их идеологов не склонны считать, что процесс глобализации предопределяет исключительно однозначную конфигурацию экономики и политики, отвечающую интересам США, крупных корпораций и мировой олигархии. «Глобализация, — отмечает один из ведущих западных политических философов левого направления Роберто Мангабейра Унгер в работе „Что должны предложить левые?“, — теперь стала родовым алиби для капитуляции: каждая прогрессивная альтернатива высмеивается на том основании, что давление глобализации делает ее непрактичной. Истина, однако, заключается в том, что, как свидетельствует контрастный опыт современного Китая и Латинской Америки, даже настоящий глобальный экономический и политический порядок допускает широкий спектр эффективного ответа» [36. Р. 133].

Такого рода дискуссии и идейные конфликты не могли не отразиться и на теоретических подходах к проблеме модернизации. Она все больше начинает восприниматься как внутреннее свойство или тип исторического развития, свойственный глобализации. Модернизационные процессы рассматриваются уже не в рамках какой-либо цивилизационной парадигмы, например, вестернизации, но как особый тип развития и неотъемлемый атрибут современного общества, главной характеристикой которого является тенденция к постоянным изменениям, не поддающимся строгому структурированию и не укладывающимся в четко обозначенные исторические периоды, свойственные европейскому модерну. Более того, «появились даже утверждения, что современное состояние западного общества, которое еще недавно характеризовалось как постмодернити, на самом деле является зрелой формой модернити, а прежнее состояние, именовавшееся „модернити“, следует трактовать как „ограниченную модернити“» [4. С. 15].

Именно сторонники такого восприятия модерна разработали концепцию «рефлексивной модернизации». Наиболее известными ее создателями являются У. Бек и А. Гидденс (См.: [12; 13; 19; 20; 21; 22]). В соответствии с их аргументацией основные источники социальной и политической идентичности и конфликта, которыми были отмечены ранние фазы «модерна», находятся в процессе вытеснения в результате прогресса самой современности. Эти изменения делают устаревшими традиционные виды идеологии, разделений и конфликтов. Процесс радикализации модерна и «суб-политика» новых социальных движений открывают перспективу демократизированной и устойчивой «новой современности» [20. Р. 163—173; 26].

Сторонники данной версии модернизации заимствовали ряд социальных и политических идей у движения «зеленых», особенно в отношении перспективы экологического коллапса и ширококомасштабных угроз трансформации морального и политического порядков, а также физического ландшафта.

Для Гидденса «простая современность» (Запад, начиная с эпохи Просвещения) характеризуется четырьмя «институциональными измерениями»: политическая/административная власть (в такой ее типической форме, как представительная

демократия); экономический порядок с главным образом капиталистический по форме и с ныне угасшими коммунистическими режимами в качестве временного варианта; отношение к природе, определяемое современной наукой и промышленными технологиями; монополия государства на легитимное использование насилия. Консервативная, либеральная и социалистическая традиции в политике, по Гидденсу, отчетливо связаны с данной фазой модернизации, но в настоящее время исчерпали себя вследствие процессов, развивавшихся в послевоенный период. Эти процессы суммируются Гидденсом в понятиях «глобализация», «детрадиционализация» и «социальная рефлексивность». Английский социолог отвергает экономический подход к глобализации и фокусирует внимание на проблемах новых коммуникационных технологий и средств сообщения. В новых условиях «культурного космополитизма», характерных для эпохи глобализации, традиции, укоренившиеся в период «простого модерна», уже не могут легитимизироваться традиционными способами. Они должны подтверждать себя перед лицом новых альтернатив. Это предполагает, что жизнь индивидов больше не определяется случайными условиями их рождения, но постоянно сталкивается с различного рода выбором относительно того как жить: иметь ли детей, как одеваться, во что верить и т.д. Иными словами, формирование идентичности постоянно становится жизненным проектом «рефлексивных» субъектов (См.: [22. P. 216—219]).

Возникновение новых условий рефлексивной модернизации делают устаревшими унаследованные политические традиции. Традиционные формы классовой идентичности распадаются. Изменения на рынке труда, в сфере гендерных и семейных отношений делают институты государства всеобщего благосостояния неустойчивыми и неподходящими. Глобализация и рефлексивность в сфере выбора стиля жизни и потребления делают неработоспособными централизованные формы экономического контроля, в то время как стабильные политические партии и институты утрачивают свою легитимность. Тем не менее это еще не конец политики даже в радикальных ее формах. Схематично рассматривая новые социальные движения как форму противодействия любому из институциональных измерений модерна, Гидденс постулирует возникновение радикальной «генеративной» или «жизненной» политики, преодолевающей старые полярности Правого и Левого.

В качестве ответа на политико-административную систему возникают новые социальные движения, стремящиеся к радикализации демократии и выступающие против надзора и авторитаризма. Рефлексивная модернизация включает в себя также демократизацию личной жизни, когда отношения между любовниками, друзьями, родителями и детьми и т. д. более не регулируются традиционными представлениями и ожиданиями. В сфере капиталистических экономических отношений поляризация и фрагментация продолжают характеризовать рефлексивно модернизирующиеся общества, но предполагаемая «кончина» классовой политики и централизованного экономического контроля приводит Гидденса к предположению (впрочем, довольно неясному), что эти проблемы могут быть

скорректированы с помощью «пост-дефицитного» порядка, который столь же многим обязан экологии и консерватизму, сколь и социализму. В области науки и индустриальных технологий претензия простого модерна контролировать силы природы породила новый порядок риска — «фабрикуемый риск», на который движение «зеленых» ответило утопическим призывом вернуться к аутентичной природе. В плане институционального насилия сторонники движения борьбы за мир указывают на возрастающую роль диалогических форм разрешения конфликтов в пост-традиционном, рефлексивном мире.

Следует отметить, что в методологическом плане концепция «рефлексивной модернизации» А. Гидденса является творческой попыткой развития классической модернизационной парадигмы, разработанной Т. Парсонсом: поскольку развитие носит универсальный характер, любое общество, в том числе и современное, должно стремиться обеспечить себе достаточный уровень адаптации к окружающей среде путем осознанного признания ценностей, в основе которых лежат определенные «эволюционные универсалии». Чем более функционально дифференцированными становятся современные цивилизованные общества, тем более они нуждаются в создании эффективного политического порядка на основе универсальных принципов права и демократической самоорганизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
2. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Предисл. Г.М. Дерлугьяна; пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко, А. Черняева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.
3. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600—1750 гг. / Пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
4. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: НОФМО, 2008. 363 с.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955—1981 гг. Т. 23. 907 с.
6. Меркель В. Теория трансформации. Структура или актор, система или действие? // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы / Ред.-сост. Петра Штыков, Симона Шваниц. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2003. С. 55—88.
7. Оганисьян Ю.С. Новая Россия в изменяющемся мире: социально-политический ракурс // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. С. 76—90.
8. Симония Н.А. Новые стратегические факторы в борьбе за модернизацию России // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. С. 67—75.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33—48.
10. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.

11. Хёффе О. Есть ли будущее у демократии? О современной политике. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 328 с.
12. Beck U. *Living Your Own Life in a Runaway World: Individualization, Globalization and Politics // Global Capitalism*. Ed. by Will Hutton and Antony Giddens. New York: The New York Press, 2000. P. 163—173.
13. Beck U. *What is Globalization?* Cambridge: Polity Press, 1991. 192 p.
14. Berger P.L. *The Cultural Dynamics of Globalization // Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World*. Ed. By Peter L. Berger and Samuel P. Huntington. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. P. 1—16.
15. Birch A. H. *The Concepts and Theories of Modern Democracy*. 3rd Edition. London and New York: Routledge, 2007. 315 p.
16. Dahlen A. P. *Islamic Law, Epistemology and Modernity. Legal Philosophy in Contemporary Iran*. New York & London: Routledge, 2003. 392 p.
17. Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966. 166 p.
18. El-Ojeili Ch., Hayden P. *Critical Theories of Globalization*. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 241 p.
19. Giddens A. *Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics*. Stanford: Stanford University Press, 1994. 284 p.
20. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1991. 200 p.
21. Giddens A. *The Third Way and Its Critics*. Cambridge: Polity Press. 2000. 190 p.
22. Giddens A., Hutton W. *Fighting Back // Global Capitalism*. Ed. by Will Hutton and Antony Giddens. New York: The New York Press, 2000. P. 213—224.
23. Gill G. *Democracy and Post-Communism. Political Change in the Post-Communist World*. London and New York: Routledge, 2002. 272 p.
24. Höffe O. *Democracy in the Age of Globalization*. Dordrecht: Springer, 2007. 350 p.
25. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997. 464 p.
26. Inglehart R., Welzel Chr. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 333 p.
27. Lipset S.M. *Political Man. The Social Basis of Politics*. Expanded Edition. Baltimore: Johns Hopkins University Press., 1981. 586 p.
28. *Many Globalizations. Diversity in the Contemporary World*. Ed. by Peter L. Berger and Samuel P. Huntington. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. 374 p.
29. McDaniel T. *Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991. 239 p.
30. Moeller J. *Post-Communist Regime Change*. London and New York: Routledge, 2009. 177 p.
31. O' Donnell G. *Poverty and Inequality in Latin America: Some Reflections // Latin America: Issues and New Challenges*. Edited by Victor E. Tokman and Guillermo O'Donnell Chicago: University of Chicago Press, 1999. P. 49—71.
32. Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press. 1960. 179 p.
33. Sakwa R. *Russian Politics and Society*. Fourth Edition. London and New York: Routledge, 2008. 585 p.
34. *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Ed. by Carles Boix and Susan C. Stokes. Oxford: Oxford University Press, 2007. 1021p.
35. *Understanding Contemporary Society: Theories of the Present*. Ed. by Gary Browning, Abigail Halcli and Frank Webster. London: Sage Publications, 2000. 502 p.
36. Unger R.M. *What Should the Left Propose?* London; New York: Verso, 2005. 179 p.

ON SOME ACTUAL ASPECTS OF INTERPRETATION OF THE THEORY OF MODERNIZATION

V.A. Gutorov

Saint Petersburg State University
University Naberejnaya, 7, Saint Petersburg, Russia, 199134

Abstract. The purpose of this article is to summarize the diverse aspects of scientific discussion revolving around the notion itself and complicated questions of the modern theory of modernization. One of the main point of discussion is the new relationship between once so dissimilar conceptions like modernization, democratization and globalization. These conceptions have been brought together in the end of the XXth century and since that time usually discussed interconnected, often maintaining a heterogeneous sense. The terms “modernization” and “globalization” have come to be emotionally charged in public discourse. For some, they imply the promise of an international civil society, conducive to a new era of peace and democratization. For others, they imply the threat of an American economic and political hegemony, with its cultural consequence being a homogenized world. Nevertheless, some distinct characteristics defining the general tendencies of the modernization process really exist. The main tendency is the changing meaning of modernity, or the emergence of “alternative modernities”. There is also the increasingly significant phenomenon of *alternative globalizations* that is, cultural movements with a global outreach originating outside the Western world and indeed impacting on the latter. The second trend is related to a crisis in the legitimacy of the nation-state tradition forcing to review the problem of the role of democracy in the modern world. S.M. Lipset's observation that democracy is related to economic development, first advanced in 1959, has generated the largest body of research on any topic in political science. Yet there are two distinct reasons this relation may hold: either democracies may be more likely to emerge as countries develop economically (S.P. Huntington, R. Inglehart), or they may be established independently of economic development but may be more likely to survive in developed countries. The basic assumption of the theory of modernization, in any of its versions, is that there is one general process of which democratization is but the final stage. Modernization consists of a gradual differentiation and specialization of social structures that culminates in a separation of political structures from other structures and makes democracy possible. But now a prevailing view, according to which the emergence of democracy is not a by-product of economic development (G. O' Donnell). The protagonists of this approach do not believe that the fate of democratic rule would be determined exclusively by current levels of economic development. They maintained that, albeit within constraints, democratization was an outcome of actions, not just of economic conditions as like as historical past (A. Giddens, R.M. Unger).

Key words: modernization, development, state, economic growth, democracy, political processes, globalization, political theory, public discourse

REFERENCES

1. Aron R. *Demokratiya i totalitarizm*. Moscow: Tekst; 1993. 303 p. (In Russ.).
2. Vallerstajn I. *Mir-sistema Moderna. Tom I. Kapitalisticheskoe sel'skoe hozyajstvo i istoki evropejskogo mira-ehkonomiki v XVI veke*. Predisl. G.M. Derlug'yana, per. s angl., liter. redakt., komm. N. Procenko, A. CHernyaeva. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke; 2015. 552 p. (In Russ.).
3. Vallerstajn I. *Mir-sistema Moderna. Tom II. Merkantilizm i konsolidaciya evropejskogo mira-ehkonomiki, 1600—1750 gg*. Per. s angl., liter. redakt., komm. N. Procenko. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke; 2015. 528 p. (In Russ.).
4. Vinogradov A.V. *Kitajskaya model' modernizacii. Poiski novej identichnosti. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe*. Moscow: NOFMO; 2008. 363 p. (In Russ.).

5. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ehkonomii. T. 1. *Marks K., EHngel's F. Soch., 2-e izd.* Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury; 1955—1981. 907 p. (In Russ.).
6. Merkel' V. Teoriya transformacii. Struktura ili aktor, sistema ili dejstvie? *Povoroty istorii. Postsocialisticheskie transformacii glazami nemeckih issledovatelej. Tom 1. Postsocialisticheskie transformacii: teoreticheskie podhody.* Red.-sost. Petra SHtykov, Simona SHvanic. SPb.: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge: Letnij sad; 2003: 55—88. (In Russ.).
7. Oganis'yan YU.S. Novaya Rossiya v izmenyayushchemsya mire: social'no-politicheskij rakurs. *Polis. Politicheskie issledovaniya.* 2014; 3: 76—90. (In Russ.).
8. Simoniya N.A. Novye strategicheskie faktory v bor'be za modernizaciyu Rossii. *Polis. Politicheskie issledovaniya.* 2014; 3: 67—75. (In Russ.).
9. Hantington S. Stolknovenie civilizacij? *Polis. Politicheskie issledovaniya.* 1994; 1: 33—48. (In Russ.).
10. Hantington S. *Tret'ya volna. Demokratizaciya v konce HKH veka.* Moscow: "Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya" (ROSSPEHN); 2003. 368 p. (In Russ.).
11. Hyoffe O. *Est' li budushchee u demokratii? O sovremennoj politike.* Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS; 2015. 328 p. (In Russ.).
12. Beck U. Living Your Own Life in a Runaway World: Individualization, Globalization and Politics. *Global Capitalism.* Ed. by Will Hutton and Antony Giddens. New York: The New York Press; 2000: 163—173.
13. Beck U. *What is Globalization?* Cambridge: Polity Press; 1991. 192 p.
14. Berger P.L. The Cultural Dynamics of Globalization. *Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World.* Ed. By Peter L. Berger and Samuel P. Huntington. Oxford; New York: Oxford University Press; 2002: 1—16.
15. Birch A.H. *The Concepts and Theories of Modern Democracy. 3rd Edition.* London and New York: Routledge; 2007. 315 p.
16. Dahlen A.P. *Islamic Law, Epistemology and Modernity. Legal Philosophy in Contemporary Iran.* New York & London: Routledge; 2003. 392 p.
17. Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change.* Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall; 1966. 166 p.
18. El-Ojeili Ch., Hayden P. *Critical Theories of Globalization.* New York: Palgrave Macmillan; 2006. 241 p.
19. Giddens A. *Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics.* Stanford: Stanford University Press; 1994. 284 p.
20. Giddens A. *The Consequences of Modernity.* Cambridge: Polity Press; 1991. 200 p.
21. Giddens A. *The Third Way and Its Critics.* Cambridge: Polity Press; 2000. 190 p.
22. Giddens A., Hutton W. Fighting Back. *Global Capitalism.* Ed. by Will Hutton and Antony Giddens. New York: The New York Press; 2000: 213—224.
23. Gill G. *Democracy and Post-Communism. Political Change in the Post-Communist World.* London and New York: Routledge; 2002. 272 p.
24. Höffe O. *Democracy in the Age of Globalization.* Dordrecht: Springer; 2007. 350 p.
25. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies.* Princeton, N.J.: Princeton University Press; 1997. 464 p.
26. Inglehart R., Welzel Chr. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence.* Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 333 p.
27. Lipset S.M. *Political Man. The Social Basis of Politics. Expanded Edition.* Baltimore: Johns Hopkins University Press.; 1981. 586 p.
28. *Many Globalizations. Diversity in the Contemporary World.* Ed. by Peter L. Berger and Samuel P. Huntington. Oxford; New York: Oxford University Press; 2002. 374 p.
29. McDaniel T. *Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran.* Princeton, New Jersey: Princeton University Press; 1991. 239 p.

30. Moeller J. *Post-Communist Regime Change*. London and New York: Routledge; 2009. 177 p.
31. O'Donnell G. Poverty and Inequality in Latin America: Some Reflections. *Latin America: Issues and New Challenges*. Edited by Victor E. Tokman and Guillermo O'Donnell Chicago: University of Chicago Press; 1999: 49—71.
32. Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press; 1960. 179 p.
33. Sakwa R. *Russian Politics and Society. Fourth Edition*. London and New York: Routledge; 2008. 585 p.
34. *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Ed. by Carles Boix and Susan C. Stokes. Oxford: Oxford University Press; 2007. 1021 p.
35. *Understanding Contemporary Society: Theories of the Present*. Ed. by Gary Browning, Abigail Halcli and Frank Webster. London: Sage Publications; 2000. 502 p.
36. Unger R.M. *What Should the Left Propose?* London; New York: Verso; 2005. 179 p.

Сведения об авторе:

Гуторов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: teor@politology.pu.ru).

Information about the author:

Gutorov Vladimir Alexandrovich — PhD, full professor and head of the Department of Theory and Philosophy of Politics of St. Petersburg State University (e-mail: teor@politology.pu.ru).

Статья поступила в редакцию 26.03.2018.

Received 26.03.2018.

© Гуторов В.А., 2018.



DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-215-236

КОНЦЕПТ АУТЕНТИЧНОГО РАЗВИТИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ИДЕОЛОГИЯ

С.Г. Ильинская

Сектор истории политической философии
ФГБУН «Институт философии Российской академии наук»
ул. Гончарная, 12, стр. 1, Москва, Россия, 109240

Статья сконцентрирована на ключевых аспектах сформулированного автором концепта аутентичного развития, который, выступая в роли глобально-локальной идеологии, в перспективе дает основания самым различным участникам международных отношений для общего поиска самостоятельного для каждого пути развития, альтернативного навязанному доминирующими на глобальном уровне силами. Автор формулирует данный проект переустройства эколого-экономической, политической и социальной сфер российского общества с опорой на традиционные, семейные и аграрные ценности, консервативную стратегию и альтернативную рациональность. Исследование осуществлено в рамках критической теории (критика общества потребления), с использованием методов политической концептологии. Это — философия жизни, интегрированная в проект социально-политического переустройства.

Прекращение всемирного идеологического противостояния после окончания «холодной войны», вопреки ожиданиям, лишь умножило и усугубило ряд глобальных рисков, а установка на развитие общественных наук в общемировом масштабе в рамках западоцентричной парадигмы породила такой идеологический диктат, который ранее было невозможно даже вообразить. Несмотря на глобальность мировых угроз, для возрождения подлинного дискуссионного пространства по поиску путей выхода из кризиса назрела необходимость найти на них локальные ответы, укорененные в традициях и культуре различных цивилизаций. А для России поиск аутентичного пути является еще и единственным условием самосохранения.

Ключевые слова: аутентичное развитие, традиция, подлинные ценности, аграрная сфера, консервативные стратегии, альтернативная рациональность, общество потребления

Мы живем в эпоху, когда «старые» идеологии: либерализм, консерватизм, социализм, коммунизм, национализм, — практически повсеместно утратили свое значение. Либерализм и его исторические оппоненты консерватизм и социализм настолько переплелись, подверглись диффузному взаимопроникновению, временами сливаясь или даже превращаясь в свою противоположность, что почти полностью утратили идентификационную сущность и мобилизационный ресурс. Коммунизм в качестве глобальной идеологической оппозиции либеральной демократии понес настолько сокрушительные потери после распада СССР, что даже в период своего могущества был (в качестве антикапитализма) квалифицирован как часть мировой капиталистической системы [29]. Что касается идеологии национализма, то ее позиции, после бурного всплеска конца XX века, также неуклонно утрачивают свое значение ввиду повсеместного утверждения «новых идеологий»: глобализма, исламского фундаментализма. Движения, позициониру-

ющие себя в качестве оппозиционных — альтерглобализм, эко-движение зеленых и др., по существу являются частью глобальной либеральной идеологии, к тому же им не хватает мощи и ресурсов национальных государств для реального противостояния.

Сущность предлагаемого концепта аутентичного развития в том, что он дает основания для объединения усилий на глобальном уровне самых различных национально-государственных участников в их противостоянии идеологии глобализма, оставляя при этом для них возможность самостоятельно искать пути развития, давать аутентичные ответы на вопрос о том, каким должно быть это развитие. Эта идеология на внутри- и внешнеполитическом уровне дает почву для преодоления подавленной идентичности, вторичности, неполноценности, догоняющего развития, следования чужой логике. Термин имеет некоторые преимущества в сравнении с ранее предложенными («динамический консерватизм», «суверенная демократия» и др.), т.к. включает в себя четко очерченную перспективу.

Осмысление и политологическое теоретизирование по любому вопросу, естественно, включает в себя апологетику собственного прошлого и настоящего. Вот почему, заимствуя западные теоретические наработки как «истинное», «беспристрастное», объективное и внеидеологическое знание, в действительности, отечественная политология заимствовала и ряд идеологем, совершенно разрушительных для сознания советских, а затем и российских людей, приведших к комплексу неполноценности в теоретическом мышлении, а в плоскости практической политики к множеству серьезных последствий, включая пересмотр итогов ВОВ.

Принимая зарубежных ученых за безусловный авторитет, а западные демократии за образец политического устройства, отечественные политологи в своем анализе российской политической реальности вынужденно убеждались в том, что отечественный опыт и наличная практика не соответствуют тем идеальным моделям, которые предложены нам западной политологией. (Впрочем, как не соответствует им сегодня и западная действительность.) В то время как для научных исследований в социогуманитарной сфере необходима ориентация на ценностно-нейтральное и всесторонне-объективное осмысление отечественного и мирового опыта (как западного, так и восточного) [19], безусловный отказ от идеализации западной модели развития, в которой мы констатируем ориентацию на удовлетворение все возрастающих потребностей, отсутствие трудовой этики и в целом смысла жизни.

Любое государство, а тем более такого масштаба, как наше, не может в социогуманитарной сфере обойтись без известной доли почвенничества. В настоящее время назрела необходимость переориентации от парадигмы модернизации в пользу парадигмы аутентичного развития, понимаемого как стремление к такой гармонии экологической, социальной, экономической и политической сфер, которая опиралась бы на собственный историко-культурный опыт и традиционные ценности. Этот проект в своей эколого-социо-экономической составляющей имеет

существенные пересечения с так называемым устойчивым развитием, принципы которого задолго до Римского клуба были сформулированы академиком В.И. Вернадским. В ценностно-социо-политической составляющей он созвучен динамическому консерватизму Михаила Ремизова и Виталия Аверьянова (восходя к трудам В.Н. Лосского).

Предложенный термин представляется мне более адекватным, поскольку парадигма устойчивого развития слишком сильно заражена мальтузианством и не имеет никакого отношения к России. Озабоченность ограниченностью планетарных ресурсов и предлагаемые для решения данной проблемы рецепты этой доктрины слишком часто были сконцентрированы на регулировании численности населения планеты с целью сбережения ресурсного потенциала (в том числе и российского) для сохранения высокого уровня потребления «золотого миллиарда».

Глобализация несколько изменила подход «сильных государств в их стремлении к мировому господству. Если раньше они делали ставку на завоевание государства, то в настоящее время используют в основном невоенные средства для достижения господства». Прежде всего, через формирование «компрадорской мафиозно-бюрократической элиты, которая способствует получению „договорного“ доступа к природным богатствам слаборазвитых стран», обеспечивает «сокращение населения... за счет скрытого геноцида: дорогое медицинское обслуживание и лекарства, навязывание зависимости от потребления алкоголя, табака, наркотиков, разрушение семьи, провоцирование военных вооруженных конфликтов, духовно-нравственное порабощение через СМИ и массовую псевдокультуру и т.п.» [25. С. 158].

Либеральная демократия не столько предоставляет рядовому обывателю свободу ответственного выбора, сколько свободу вести «частную жизнь», сосредоточенную вокруг «индивидуальных интересов», дарит людям свободу от бремени самостоятельного принятия ответственных решений [25. С. 168]. «Мощное наступление сторонников неоллиберализма или рыночного фундаментализма, предпринятое с конца 80-х гг. прошлого века, привело к тому, что институт рынка стал захватывать все новые и новые сферы общественной жизни во всех сравнительно развитых странах мира» [31. С. 102]. Однако «государство не может рассматриваться как корпорация по предоставлению услуг населению, а ее президент всего лишь как руководитель корпорации», поскольку в этом случае «ее высоколиквидные активы могут быть проданы с большой выгодой для руководителей... вплоть до суверенных прав на территорию, сырьевые ресурсы и т.д.» [31. С. 102—103].

В связи с этим особенно актуально звучат ключевые принципы динамического консерватизма: цивилизационный антиглобализм/континентализм (в том числе геополитический суверенитет); экономический солидаризм нации (протекционизм, социальная справедливость и госсобственность на недра и инфраструктурные монополии); демографический национализм (приоритет репатриации, а не иммиграции, сохранение традиционных демографических структур идентичности); государственный легитимизм (неделимость страны) и религиозный тра-

диционализм (приоритет традиционных религий как способ возрождения некоей этикоцентристской парадигмы) [1], которые мною большей частью разделяются и некоторым образом дополняются.

Авторов, разрабатывающих программы реформирования отечественной экономики и финансовой сферы, альтернативные ныне действующим либеральным, на сегодня немало, в их числе: С. Глазьев [2], М. Делягин, М. Хазин, С. Батчиков. Все они — наследники тех принципов, которые ранее сформулировал в своих трудах ныне покойный академик Дмитрий Львов [14].

Рецепты предлагаемых (в чем-то между собой различных) вариантов комплекса мер в данной сфере включают в себя отказ от игры по международным финансовым правилам, выход на новый технологический уровень и развитие различных производств на этом уровне, уход от урбанизации, в значительной степени самообеспечение продовольственными и потребительскими товарами, снижение социальной напряженности и гармонизацию общественных отношений благодаря занятости отечественного населения на небольших рассредоточенных высокоэкологичных предприятиях, решение жилищной проблемы посредством выкупа государством по неспекулятивным ценам пустующего инвестиционного жилья и многое другое. К сожалению, на уровне практической политики данные разработки пока остаются не востребованными.

Патриотично ориентированные экономисты считают отказ от международных финансовых «правил игры» и выход России на новый технологический уровень, превосходящий западные инновационные достижения, единственным шансом, сохраняющим за нашей страной перспективу выживания в геополитическом соперничестве.

В чем я вижу проблемы?

1. Что касается финансовой стороны вопроса, то главным препятствием является сохранение существующей политической системы при почвенническо-патриотических декларациях. Китай и ему подобные государства, договариваясь с нами о взаиморасчетах в национальных валютах, пока выжидают, не переходя к практической стороне дела. Нам просто не верят, не видя реально альтернативного проекта.

2. Существующая капиталистическая экономика является главным препятствием для технологического рывка. Даже при точечном внедрении тех открытий, что были сделаны отечественной наукой еще в XX веке, можно существенно удешевить производство многих товаров и сделать их более экологичными. Собственнику в рыночной экономике это крайне невыгодно. Существуют налаженные технологические цепочки, вырваться из которых — нецелесообразно. К таким масштабным изменениям может приступить только государство.

3. Как показал опыт Сколково и ему подобных проектов, даже на государственном уровне в условиях ценностного кризиса они невозможны в принципе. Сколько денег не выделяй на строительство, проведение исследований и их внедрение, скорее всего, эти средства будут украдены.

«Неизменность „вотчинного“ характера российской власти порождает ошибочное отношение к государству со стороны революционеров — инициаторов

„взрыва“ системы... В России и реакционеры, и революционеры путают „государство“ с конкретными физическими лицами, в данный момент отправляющими властные функции... Традиционным противовесом произволу власти является противопоставление ей другой власти. История выработала такой противовес — это развитие независимой судебной власти при одновременном укоренении в общественном сознании ценности правового начала и закона. Однако именно эти условия получили крайне слабое развитие в российской действительности» [26. С. 49].

Отечественным способом ограничения самодовлеющего государства на протяжении многих веков была идеократия. Причем помимо великодержавности, ключевой приметой регулятивной идеи в СССР было стремление к справедливости. Реформы последних 30 лет привели к тому, что впервые российской «религией» стала имманентно не присущая нам страсть к наживе, к тому же не ограниченная (как во многом пока еще на Западе) правовой ответственностью. И все чаще в качестве меры борьбы с сегодняшним всевластием коррумпированной бюрократии называют репрессии или опричнину, актуализируя образы Иосифа Сталина или Ивана Грозного в положительном ключе [3; 8]. Общественности очевидно, что без жестких репрессивных мер в этой сфере скорее всего положительных сдвигов добиться не удастся.

Многие рассуждения и предложения по поводу очередного мобилизационного проекта, которые мы слышим сегодня, лишены одной важной составляющей, придающей и веру в собственные силы обществу, и смысл любому проекту, — сакральной. Реиндустриализация на новых основаниях, технологический рывок и т.п. вещи станут возможны тогда, когда мы поймем зачем, ради чего они нам нужны. И когда мы сегодня отвечаем на этот вопрос: для того, чтобы быть, остаться, сохраниться, — этого уже недостаточно. Потому что среди «русской» интеллектуальной «элиты» довольно много людей, для которых не так уж важно сохранение России в ее нынешних границах, сохранение русской культуры и т.д. [18]. Главное, чего лишилось российское общество в ходе реформ — это смысла жизни, который не может быть в неумеренном потреблении, влекущем за собой исключительно пресыщенность. Такой смысл дает человеку религиозная жизнь (жить по заповедям и готовиться к загробной жизни). Но значимую долю россиян на сегодня составляют граждане, не принадлежащие ни к одной из религий. Такой смысл давала, кстати, жизнь советская. О необходимости возвращения в ценностный каркас российской жизни «Общего Блага» и нерелигиозной сакральности заявляют сегодня Римма Соколова и Валерия Спиридонова [24]. Пока же недостаток содержательного измерения российской жизни приводит к ностальгии по СССР. Современная российская власть открыто паразитирует на советском наследии не только в материальном, но и в символическом плане, вплоть до перепевания старых песен, переименования лозунгов и т.п.

Проект аутентичного развития предполагает наличие такого смысла. Естественно, он не может быть заранее дан в готовом виде. Общество смысла должно сформулировать его на базе подлинных ценностей силами своих граждан, поскольку его устройство несет в себе некоторые предпосылки к этому. Итак, в какой форме общество смысла могло бы состояться в России?

Мы сегодня живем в мире с устаревшими структурами повседневности. Эти формы организации жизни обладали целесообразностью в индустриальном обществе, ключевыми характеристиками которого являлись: «иерархическая организация производства, апология науки и техники, акцент на потребительстве и материальных ценностях, унификация, проникшая в быт населения (школа, армия, больница)» [21. С. 4]. Не рискну утверждать, что в настоящее время российское общество входит в ситуацию постиндустриального общества. Александр Дугин определяет ее как «археомодерн» [5]. Однако тех условий и потребностей индустриального общества, ради которых осуществлялась повсеместная урбанизация, на сегодня нет.

Массовое проживание людей в городах, таким образом, сохраняется совершенно неоправданно. Мало того, оно крайне вредно с различных точек зрения. Современный город — бессмысленное скопление людей, занятых непродуцирующим трудом и ведущих крайне нездоровый образ жизни. Их работа — офисное сидение. К месту работы и обратно сотрудники добираются, находясь за рулем автомобиля или же в вагонах метро, электричек, салонах общественного транспорта, зачастую простаивая в пробках. Все они, как правило, «перерабатывают» ради денег, которые приносит подобный «труд», пересидев на рабочем месте сверх положенного времени. Занятия фитнесом вопроса не решают, даже, напротив, нередко влекут за собой еще больший урон здоровью. Опыт кавказских пастухов-долгожителей давно доказал, что для здоровья человеку нужно не «кидать железо» в спортивном зале, а гулять по пересеченной местности и вести созерцательный образ жизни.

Горожане не бывают на свежем воздухе, крайне мало двигаются, питаются вредной пищей. Как правило, не воспитывают своих детей, перекладывая эту обязанность на нянь и детские учреждения. По выходным развлекаются, посещая рестораны и торгово-развлекательные центры, где стремятся потратить «заработанные» деньги. У них очень плохо со здоровьем. Даже довольно молодые люди страдают болезнями опорно-двигательного аппарата ввиду атрофии мышечного каркаса спины, варикозным расширением вен вследствие слабости икроножных мышц, ожирением из-за переедания и гиподинамии и многими другими последствиями сидячего образа жизни. Их досуг — псевдообщение в Интернете, компьютерные игры и прочая виртуальная жизнь, в которой нет подлинных страстей, чувств и напряжения. Их стрессы непродуктивны, т.к. не предполагают активных действий по преодолению сложившейся ситуации. Они гедонистически нежат и тешат свое тело, а интеллект занимают бессодержательными развлечениями. Единственный доступный для них вид творчества — приготовление пищи, поедание которой усугубляет существующие проблемы. Эти люди практически ничего не делают сами, постоянно нуждаясь в гигантском обслуживающем персонале: уборщики и дворники, различного рода сотрудники салонов индустрии сервиса, досуга, здоровья и красоты. В их числе дизайнеры и художники, визажисты и массажисты, бухгалтеры и юристы, повара и официанты, всевозможные мастера по ремонту (от строительных рабочих до компьютерных гениев). Современный человек безнадежно зависим от специалистов, которые таковыми, как

правило, не являются и добросовестностью не отличаются. В связи с этим ему, с одной стороны, необходимо постоянно делегировать им задачи по решению своих проблем, с другой, довериться полностью им все-таки невозможно, а необходимо постоянно контролировать.

Особенно вредно вышеизложенные обстоятельства сказываются на детях, которые так же, как и взрослые, включены в бездуховную потребительскую гонку и проводят практически круглые сутки в замкнутом пространстве: транспорт, школа (детский сад), кружки (секции), дом. И тоже, в основном, глядя в экран ТВ, компьютера, различных гаджетов. Содержание кислорода в помещениях даже при регулярных проветриваниях крайне низкое, а поскольку огромное количество транспорта приводит к предельной загазованности городской атмосферы и смог не пропускает ультрафиолет, то прогулки в урбанизированной среде превращаются в условность.

Городской житель не только лишен солнца и свежего воздуха, но и никогда не употребляет свежей пищи, тогда как Россия — одна из немногих в мире стран, где земельные и водные ресурсы позволяют осуществить реальное рассредоточение населения. Единственное препятствие этому — сложившаяся структура экономики. К сожалению, в политике сегодня принимаются прямо противоположные, нередко — абсурдные решения. Огромные средства тратятся не на развитие регионов, а на строительство транспортных развязок, новых линий и станций метро в связи с планомерным расширением Московского мегаполиса, мусор из которого ныне вывозится уже в Калужскую область...

Критика индустриального, а затем и постиндустриального общества звучала в трудах многих постиндустриальных левых, которые формулировали свои идеалы с помощью таких слов, как: «счастье», победа «логики жизни» над «логикой прибыли», «Мир не товар», «Человек не товар» [21. С. 206—207, 244]. В их работах также присутствовали: констатация того, что вытеснение традиционных ценностей привело к гедонизму, утрате морали и смысла жизни (Фурастье); требование сведения роста к нулевому уровню, желание отвоевать у существующего общества, основанного на продуктивистской и торговой рациональности, некие пространства автономии (Горц); стремление преодолеть безграничный рост искусственных потребностей (Гэлбрейт) и неравенство в удовлетворении естественных потребностей в чистом воздухе и воде, зелени, тишине (Бодрийяр); желание остановить все большее порабощение техникой человека и общества в целом (Элюль) и установить новые формы социальной жизни, свободные от безудержного рационализма и иллюзии мнимого превосходства экономического расчета (Касториадис); тяга к тому, чтобы строить политические отношения на основе многочисленных ассоциаций, связанных с землей, и прямой демократии, основанной на различии и качественном своеобразии (Лефевр) [21. С. 180, 189, 193—194, 200, 203, 213—214].

По утверждению Ирины Мюрберг, «аграрная сфера всегда демонстрировала... новому укладу свое нежелание расставаться с определенным набором прежних ценностей». Она развила тезис теоретика «третьего пути» для России Ю.М. Борода о преодолении индивидом отчуждения посредством аграрной сферы, которая

в силу присущей земледельческому труду специфики служит «опорной точкой» для самоидентификации, «твердой почвой» не для традиционалистских, а для динамичных консервативных сил, действующих по принципу «сохраняя, изменяй» [17. С. 11, 14—15, 127].

И. Мюрберг подчеркивает, что еще у Маркса возникает мысль о «собственной рациональности» земледелия, несводимой к инструментальной рациональности, именно поэтому предмет аграрного труда — живая природа с каждым циклом индустриально организованного производства становится все менее живой, катастрофически удаляясь от своего первоначального плодородия [17. С. 29, 73].

Цитируя американского профессора Роберта Паарлберга, который почти дословно повторяет наблюдения Маркса о самоэксплуатации крестьянского хозяйства семейного типа и обращает внимание на инициативность, готовность фермера и его семьи к ненормируемой работе и способность довольствоваться минимальным доходом от своей деятельности, она объясняет данный феномен внеэкономическими основаниями их деятельности. Этика заботы о живых организмах не имеет ничего общего с утилитарной этикой [17. С. 74, 82].

«Крестьянское мирозерцание ориентировано на некую желанную середину, на уход от крайностей. Поэтому нравственные устремления состоят в том, чтобы соблюдать в действиях разумную меру, или умеренность между крайностями. Это требование, как правило, соблюдается людьми неохотно» [23. С. 145]. Необходимость подобной умеренности настойчиво подчеркивалась основателем крестьяноведения Александром Чаяновым, равно как и ценность труда, который он полагал ключевым условием нравственности и человеческого достоинства [30], много усилий затратившим на разработку теории некапиталистических форм хозяйствования [10].

Крестьяне, находясь в уникальном биосоциальном и природном комплексе, вынуждены приспосабливаться к законам воспроизводства живой природы и вырабатывать особый тип рациональности, психологии и поведения в естественно-природной среде, благодаря которому органичное аграрное общество лишено крайностей индустриальной цивилизации и способно уравниваться традиционными ценностями — почитанием земли, растительного и животного мира.

Проживание в сельской местности позволяет вести активный и здоровый образ жизни, видеть результаты своей деятельности, растить подрастающее поколение не в искусственном мире, а на свежем воздухе, в общении с природой и животными, приучать его к труду, созидательному творчеству. Подобный образ жизни позволяет практиковать реальное самообеспечение продуктами питания, иметь обширное жизненное пространство. Единственное условие — возможность трудовой занятости хотя бы одного члена семьи за пределами домохозяйства, что достигается в случае развития диверсифицированной экономики, рассредоточения занятости, возрождения реального сектора. Тем более что современные средства связи позволяют дистанционно выполнять многие виды интеллектуального труда.

Вот почему подобное переустройство российской жизни — благодатная почва для развития гражданского общества и низовой (прямой и непосредственной)

демократии, которая постепенно сможет «отвоевывать» пространство у бюрократического сектора. Деиндустриализация страны после распада СССР в данном случае — позитивный фактор, т.к. позволяет не иметь балласта устаревших производств, налаживать новый технологический уклад «с чистого листа».

Однако для подобной пасторальной идиллии нужны рамочные условия, многие из которых прописаны идеологами динамического консерватизма. Главное из них — это сильное и обороноспособное государство, чей реальный суверенитет позволит гражданам беспрепятственно наслаждаться буколической жизнью. Кроме того, «российское государство должно обладать высшими трансцендентными целями», а высшая власть иметь политическую волю для их реализации, тогда и «средством их достижения будет выступать административно-управленческий аппарат, чиновничество, которое было и остается стеновым хребтом российского государства. Как только высшая власть теряет свой динамизм, свою политическую волю, бюрократия начинает активно вторгаться в политическое пространство высшей власти и обращать свою деятельность при отсутствии высших целей себе во благо» [31. С. 144].

Крестьянское соседство, где каждый знает друг друга, является благодатной почвой для возрождения отношений доверия, даже если их суть на первых порах будет сводиться к простому обмену сельскохозяйственной продукцией между соседями. На уровне сельских общин легко решаются многие неразрешимые на сегодня в городских условиях проблемы. Например, сортировка и утилизация бытовых отходов, так как каждое домохозяйство заинтересовано занимается этим самостоятельно, да и переработку организовать гораздо легче, поскольку часть их (пищевые отходы) сразу же компостируется или скормливается животным, часть (картон, бумага) уходит на растопку печей. В то время как в анонимных городских условиях для внедрения практик раздельного сбора бытового мусора необходимо существенное увеличение репрессивного аппарата.

Отдаленность местоположения и немногочисленность населения способствуют созданию и поддержанию местных институтов самоуправления, которые становятся очагом альтернативного жизненного уклада. Крестьянство «стремится жить свободно на своей земле в составе гражданских сообществ, устроенных на справедливых началах» [23. С. 148], тогда как городское общество — не столько открытое, сколько анонимное и абстрактное общество [17. С. 92, 100].

Земледелие проявляет себя как сфера неотчужденного труда вследствие вовлеченности в него субъекта деятельности, в то время как горожанин максимально дистанцируется от результатов своего профессионального труда [17. С. 98—99]. «Аграрная сфера оказывается культурно самодостаточной — не в изоляционистском понимании, а в плане сохранения собственного ресурса политической субъектности. Эта самодостаточность позволяет ей политически интегрироваться в современное общество не в качестве традиционалистской, но в качестве консервативной силы» [17. С. 126—127].

Урбанизированная среда — напротив, является благодатной почвой для забюрократизированности всех сфер российской жизни (сегодня жесткой регламентации подвержены многие виды профессий, которые прежде входили

в разряд творческих: учитель, врач, преподаватель, ученый). В этом отношении положение дел даже в Советском Союзе был намного лучше вследствие смешения двух видов власти (политической и административной), тогда как современная российская бюрократия способна в лучшем случае формально выполнять далеко не совершенные законы. На сельском уровне до сих пор административная власть есть в то же время власть политическая.

Административный тип власти в чистом виде «не только автономен и устойчив, он носит экспансионистский характер. Это означает, что бюрократическая модель властвования... способна захватить ту часть государственной власти, которая должна жить по законам политической логики... В отличие от административной, политическая власть призвана выработать проект существования общества, и потому вовлечена в трудный процесс генерации идей о целях, смысле, задачах и стратегии развития общества... Сегодня, когда мы переживаем очередной “кризис идентичности”, необходимость выработки целостного и прочного самопонимания, ...осмысления культурных особенностей российского общества вкупе с разработкой нового проекта развития и новой идеологии существования становятся в ближайшем будущем нашей главной задачей» [26. С. 43, 60].

Городская среда также является благодатной почвой для бунтов и революций, народных возмущений, которые легко могут вспыхнуть, поскольку городской житель полностью зависим от поставок продуктов питания. Выступления рабочих в Петрограде в начале 1917 года были спровоцированы саботажем булочников, переставших выпекать хлеб из имеющейся в наличие муки. Распаду СССР предшествовали массовые митинги в столице и других крупных городах, причем недовольство граждан во многом подогревалось искусственно созданным дефицитом продовольствия. В этом отношении земледельческая среда гораздо менее питательна для подобных проявлений (за исключением случаев наступления на исконные права и прочего «удушения жизненных сред»), т.к. крестьянин занят реальным делом, перед ним ежедневно стоят практические задачи, не терпящие отлагательства.

Надо понимать, что на самом деле в описываемом проекте речь идет о жизни и смерти, вообще о сохранении человека как вида. Сегодня человечество столкнулось с такими явлениями, как резкий рост и «омоложение» онкологических заболеваний, существенное снижение репродуктивного здоровья у каждого последующего поколения. Эти проблемы, а также некоторые другие явления медицинского характера (например, резистентность к антибиотикам, подавление иммунитета) тесно связаны с промышленным производством продуктов питания. Повсеместное использование гормонов роста и антибиотиков в производстве мяса, стимуляторов роста, гербицидов и пестицидов в производстве злаков, фруктов и овощей не может не сказаться на здоровье конечного потребителя.

Гормоны роста, попадая в организм взрослого человека, провоцируют появление опухолей, консерванты и антибиотики подавляют благотворную микрофлору в кишечнике и снижают иммунитет. Однако мясомолочной индустрии невозможно отказаться от подобной практики, поскольку это означает снизить эффективность, допустить падение рентабельности и в конечном итоге проиграть

конкурентам. Экологичное земледелие и животноводство возможно только в хозяйствах семейного типа, в небольших объемах и только в случае резкого увеличения числа занятых в отрасли. Однако в настоящее время в полном соответствии с мировыми трендами в России принимаются законы, существенно увеличивающие число санитарных и бюрократических требований к производителям сельхозпродукции, которые помогают агропромышленным холдингам окончательно решить вопрос с конкуренцией со стороны мелкого фермерства.

Как показали опыты Ирины Ермаковой, рост числа невыношенных и замерших беременностей, различного рода новообразований тесно связан с внедрением в пищу ГМО-продуктов, создаваемых с помощью опухолевых бактерий. Поскольку ГМО-растения не дают семенного материала, а процесс переопыления с традиционными культурами приводит к гибели семян и у последних, то вопрос возврата к экологически безопасному земледелию — ключевой для продовольственной безопасности страны. Массовое засеивание площадей ГМО-культурами также влечет за собой гибель пчел, и обычные растения остаются без насекомых-опылителей [6].

Недобросовестные производители в массовом порядке нарушают общественный договор, не оставляя потребителям другого выбора кроме как разорвать его, перейдя на самообеспечение, что неминуемо влечет за собой процессы, обратные урбанизации населения. В условиях, когда доверять нельзя никому, остается надеяться только на себя. Особенно показательна здесь молочная отрасль, в продукции которой на сегодня крайне высок процент содержания маститного молока и антибиотиков [22].

Для здоровья человека (усвоения кальция, подавления патогенной флоры в кишечнике и повышения иммунитета) ему необходимо пить свежее (желательно парное) молоко. Это возможно только в том случае, если он самостоятельно содержит здоровое животное, снабжает его отборными кормами, осуществляет процесс доения с соблюдением всех гигиенических норм, после чего употребляет в пищу свежее молоко. С относительной пищевой полезностью можно употреблять традиционные молочные продукты, имеющие небольшой срок хранения. Производителю выгодно превратить свежее молоко в сухое вещество, из которого по мере необходимости он будет изготавливать молокообразные продукты. Даже в том случае, если этого не происходит, по утверждению японского гастроэнтеролога Хироми Шинья, при пастеризации молока изменяется структура белков и уничтожаются энзимы (ферменты, предназначенные для его усвоения), при его гомогенизации (равномерном распределении жировых частиц) происходит окисление молочных жиров и свободные радикалы начинают вредить здоровью человека [32].

Загрязнение окружающей среды — ключевой фактор трансформации иммунной системы человека. Первые случаи «сенной лихорадки» появились вместе с промышленной революцией в Англии. Пыльца растений становится аллергеном, смешиваясь с загрязняющими ее частицами промышленных отходов, угольной пыли, позднее — транспортного смога. Другой фактор — повышение жизненного комфорта, проживание в искусственной городской среде. Рост бытовой чистоты

и тщательной гигиены является позитивным для здоровья человека только до какого-то разумного предела. Широко известен факт, что перед разрушением Берлинской стены численность астматиков в ГДР была в три раза ниже, нежели в ФРГ. Третий значимый фактор — технология производства продуктов питания. Яйца и молоко стали на сегодня одними из самых аллергенных продуктов не по своей природе, а вследствие использования промышленных кормов, скармливаемых в птицеводстве и молочном животноводстве крупных агрохолдингов.

Современный уровень развития бытовой и сельскохозяйственной техники существенно облегчил земледельцу многие виды наиболее изнуряющего труда, оставляя время для досуга и творческого развития. Для предлагаемого в данной статье проекта имеется и немалая социальная база. Так называемое «фермерство неполного времени» [17. С. 84—86] оказалось поразительно живучим в нашей стране в форме дачного образа жизни. Вот почему я вслед за Венделлом Берри уверена, что «избери мы этот путь, нам удалось бы либо вовсе избежать, либо сократить нынешний дефицит энергетических ресурсов и рабочих мест. Города были бы не настолько переполнены; резко сократился бы уровень преступности и количество клиентов системы социального обеспечения; вероятно, что повысилось бы и качество промышленного производства» [17. С. 150].

Цитата защитника американского фермерства как образа жизни привносит в данный проект некий универсализм и подчеркивает тот факт, что предлагаемый путь развития подходит не только для России, но и для США, Канады, других государств, обладающих в достаточном количестве земельными ресурсами и сохранившим в менталитете семейные ценности [4]. И то, что на пути его реализации были и будут существовать серьезные препятствия, объясняется тем, что в таком развитии абсолютно не заинтересованы «транснациональные элиты» [7], осуществившие окончательный разрыв с традицией и активно стремящиеся к сокращению избыточной человеческой массы [28].

Как отмечает Лидия Кривых, «традиция представляет собой область „неиндивидуальных решений“. Она превосходит индивидуальный опыт и выходит за его границы. По существу, в традиции есть диспропорция личного, индивидуального и какого-то общего, надиндивидуального, всеобщего. Отношение единичной неповторимой личности и неличного набора ценностей, и способов их реализации в виде закреплённых стереотипов поведения (всего, что включается в традицию) очень непросто. Часть западных исследователей упор в этом двойственном значении традиции определенно делают на ее негативной, ограничивающей личность стороне. Как правило, интерес таких исследователей сосредоточен на проблемах модернизации, и поэтому традиционные институты, обычаи и способ мышления рассматривались ими препятствия к развитию общества. Однако и они в последнее время стали рассматривать традицию как возможный фундамент инновационных изменений» [11. С. 85].

Сегодня все больше не только отечественных, но и западных авторов приходят к мысли о том, что «в наше время принцип рационального выбора фактически утратил свое значение в качестве важного института свободы и, в его нынешнем виде, больше похож на институт угнетения индивидуумов». В то же время

«обрести спасение от „тирании рационального выбора“ людям удастся в той или иной разновидности „иррационального выбора“. Успешность подобных попыток часто зависит от возможности „найти прибежище“ под сенью традиционного ритуализма и вообще любого института культуры, поддерживающего иррациональный (точнее, альтернативный, не подпадающий под господствующий стереотип рациональности) способ поведения», под который «задним числом» подводится рационалистическая подоплека [9. С. 267—268].

Когда-то фундаментальными символами русского традиционного сознания являлись понятия «Мир» и «земля», первый из которых представлял собой административное образование, а второй — хозяйственное. Кроме того, для «глубинных архетипических структур подсознания Земля являлась символом общности, объединяющим всю нацию. Она не могла кому-либо принадлежать, так как принадлежала „Миру“ в целом. В глазах русского народа земля была Божья или государственная, что, в конечном счете, для него было тождественным. Право на землю появлялось тогда, когда в нее вложен труд. Так как основной формой хозяйствования была община, то и обрабатывалась земля „всем миром“. Соответственно и принадлежала она — „миру“. Благодаря труду предков земля становилась достоянием потомков. Общество при этом по традиции оставалось недостаточно автономным и независимым, а граждане были оставлены на милость или немилость государства» [12. С. 135—136].

Реформы Петра I были первой попыткой осуществить замену типа мышления русского народа: на смену образно-символическому должно было прийти рационально-логическое. Второй попыткой явилось столыпинское внедрение индивидуалистического сознания в саму крестьянскую общину, мешавшую развитию капиталистических отношений. В ходе ее реализации стремились на западный манер превратить общинного крестьянина в хуторского собственника. При этом происходило разрушение традиционно сложившегося в русском сознании образа «матушки», «кормилицы» земли и низведение ее до уровня обычного товара. Такое отношение к земле было не характерно для русского сознания. «Вероятно, поэтому так велико было сопротивление этой реформе со стороны крестьянства. Действия крестьян можно рассматривать как попытку защиты целостности существующей картины мира, как желание восстановить должную иерархию мироздания. То, что для западной культуры может быть капиталом, для русской — духовное достояние нации» [12. С. 140].

Есть и рациональные причины такого сопротивления: крестьянская община была своеобразным демократическим институтом принятия решений и средством социальной защиты в условиях рискованного земледелия. Именно поэтому в условиях капитализма общину необходимо было разрушить. С «миром» и его решениями ничего нельзя было поделать, с отдельным индивидуумом — можно было сделать все, что угодно.

В российской истории есть значительный исторический опыт самоуправления. В дореволюционный период «активно работали такие сугубо демократические структуры, как казацкие круги, вече, Земские соборы, крестьянские сходы, земское самоуправление... Саморазвитие и самоорганизация русской экономики

на селе осуществлялись в рамках самоуправления общины, создававшей условия для проявления хозяйственной инициативы и предприимчивости каждого отдельного крестьянина» [25. С. 169]. «Одна или несколько деревень составляли мир, сельское общество со своим демократическим собранием — сходом — и своим выборным управлением — старостой, десятским, сотским... На сходах обсуждались дела по общинному владению землей, ее разделу и перераспределению, раскладу податей, переселению новых членов общины, проведению выборов, вопросы пользования лесом, строительство плотин, сдача в аренду рыболовных угодий и общественных мельниц и т. д. На сходах отдельных селений (чаще составлявших только часть общины) регулировались все стороны трудовой жизни села — сроки начала и окончания сельских работ, починка дорог, наем пастухов и сторожей, штрафы за самопроизвольные порубки, неявка на сход, конфликты между членами общины и т.д.» [25. С. 170]. В советский период на новом витке развития практики сельского самоуправления и коллективные структуры собственности на землю были некоторым образом возрождены и получили развитие на уровне колхозов [13], как бы сегодня не стремились обогатить их историю.

К реформам 1990-х стало казаться, что принцип «все вокруг — колхозное, все вокруг — ничье» сдерживает частную инициативу и является тормозом для хозяйственного развития. Однако переход к фермерству сразу же повлек за собой хищническое отношение к земле. В период работы экономистом в Калмыцком предприятии «ЮжНИИгипрозем» мне приходилось сталкиваться с таким явлением, как нерациональное использование плодородных почв. Если в колхозах работали агрономы и соблюдался севооборот, то фермеры стали засеивать свои участки в течение ряда лет монокультурой, от которой ожидали получения наибольшего дохода, без учета того факта, что она выносит большое количество питательных веществ. А затем, когда урожай падали, поля забрасывали, а кредиты, получаемые на развитие фермерского хозяйства, направляли в коммерцию, где было меньше рисков, короче окупаемость и выше рентабельность. Коллектив института тогда выдвигал ряд предложений, так и не принятых, в том числе по повышению земельного налога до размеров дифференциальной ренты I (обусловленной природным плодородием почвы), с целью побуждения частника к получению дифференциальной ренты II (обусловленной развитием агрокультуры), остающейся в его распоряжении.

Сегодня китайские арендаторы российских земель, подходя к ним утилитарно-прагматически, нередко загрязняют почвы таким количеством удобрений и сельскохозяйственной химии, что надолго превращают их в «мертвые», непригодные для возделывания. Сам принцип частной собственности на землю предполагает, что собственник может поступать с ней по своему усмотрению, тогда как сельскохозяйственные земли находятся в уникальном биогеоценозе с окружающей природой, а их произвольное использование легко может привести к нарушению экологического баланса в регионе.

Традиционно высокое почитание земли было характерно не только для русских. Так, Сергей Маркедонов, более 10 лет назад анализируя принципиальную неразрешимость многих кавказских конфликтов, сформулировал концепцию

«своей земли», которая не позволяет подойти к урегулированию рационалистически. Если бы все сводилось к ресурсам и финансам (с их последующим правовым закреплением), то в том же Нагорном Карабахе было бы легко реализовать план американского ученого Пола Гобла по обмену территориями, в результате чего между Нахичеванью (анклавной территорией под азербайджанской юрисдикцией) и остальным Азербайджаном образовался бы коридор. Это было бы достигнуто путем передачи Азербайджану части армянской территории, а взамен Армения получила бы часть Нагорного Карабаха, населенную армянами. «Но план Гобла остался на бумаге, так как натолкнулся на совершенно иррациональный, с точки зрения западного человека, аргумент: передавать „свою землю“ противнику нельзя... Проблема в том, что за период многовекового исторического развития у всех народов Кавказа сложилось свое понимание этнической идентичности, существенно отличающееся и от „немецкой“ концепции нации (по крови), и от „французской“ (по гражданству). Основное в „кавказской“ идентичности — „своя“ земля. Родная земля здесь рассматривается как святыня, как нечто совершенно независимое от ее экономической или геополитической ценности» [15].

Если говорить о «русских» регионах Кавказа (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края), то их жители, как правило, тоже «воспринимают эту территорию как „свою землю“, как российский форпост, то есть как завоеванную у враждебного окружения, а затем освоенную и интегрированную в состав России» [15].

Сегодня ценность леса, воды, земли — наших природных богатств совсем иная, а мы обратились к институтам хозяйствования, сложившимся в Западной Европе, где: во-первых, земли исторически было мало, вследствие чего каждый клочок ее был поделен между собственниками; во-вторых, сложилась индивидуалистическая (в отличие от российской неиндивидуалистической) ментальность; в-третьих, все это происходило в иной исторической реальности, когда утилитарно-прагматическое мышление и реалии глобализации еще не разрушили традиционное отношение к земле.

Ключевое значение многого из произошедшего в России в последние 20—30 лет состоит в извлечении уроков из полученного опыта. Это не значит, что западную модель развития необходимо полностью игнорировать. Западный опыт необходимо знать и учитывать, но отнюдь не абсолютизировать. Капиталистические реформы в России затевались по универсальной модели [20], без учета того, что в нашем государстве всегда превалировала не протестантская этика индивидуального спасения (в том числе через достижение успеха), а этика соборности, коллективизма и служения. Надо строить свой проект с опорой именно на эти ценности. Ибо российский человек не может обрести счастье в возрастающем потреблении, подлинность его существованию придают только наличие Общего Дела и Высокого Смысла.

Однако аутентичное развитие, ориентированное на самозанятость, самообеспечение и, в конечном итоге, на самодостаточность, предполагает аутентичную политико-философскую мысль. Как только мы начинаем говорить о модернизации, демократизации, догоняющем развитии, мы погружаемся в заранее обрекающую

нас на поражение логику. Как только мы называем СССР тоталитарным — мы совершаем предательство собственного прошлого. Усилия десталинизаторов на сегодня привели к тому, что в обществе активно протекают процессы формирования протестной идентичности, включая ресталинизацию, возвышение и оправдание тех моментов российской истории, которые прежде подверглись злостному очернительству. К сожалению, один из этапов российской истории — социализм советского типа — некапиталистический опыт развития, который пока еще не дождался справедливой и объективной оценки, без которой невозможно нащупать аутентичный путь.

В то же время, как ни удивительно, многие советские репрессивные меры сегодня возрождаются на Западе. Израиль в борьбе с террористическими атаками палестинцев давно (и успешно) применяет практику коллективной ответственности, заклеянную нами в сталинском СССР. Расследование трагедии на набережной Ниццы в июле 2016 г. и множества других аналогичных случаев доказывает, что террористы-смертники нередко рассматривают свою деятельность как способ обеспечить семьи. Феномен коллективной ответственности (репрессии против близких, не позволяющие им распорядиться средствами, полученными от террористической деятельности) обесмысливает подобную жертву. Борьба с терроризмом невозможна без всеобщей бдительности, возведенной ныне в ранг гражданского долга, тогда как аналогичные практики в тяжелейших условиях становления молодого советского государства были нами единодушно отнесены в разряд «стукачества».

Либеральная общественность сегодня нередко сосредоточена на осуждении прошлого, не обращая внимания на несправедливости настоящего, особенно в сфере трудовых отношений: чрезмерную эксплуатацию, отсутствие социальных гарантий, повсеместную практику грубых нарушений трудового законодательства со стороны работодателя, фиктивность деятельности профсоюзов и т.д. Тогда как у каждой общественной модели есть свои достоинства и недостатки. В ходе трансформации советской системы наше общество хотело обменять недостатки собственной модели на достоинства западной. В итоге потеряло завоевания советского периода и приобрело многие издержки рыночного либерализма, которые теперь еще только предстоит преодолеть.

Отказ государства от контролирующих функций с целью свободного развития частнособственнической инициативы повлек за собой выброс на рынок огромного количества фальсификата и просто некачественной продукции, чему ранее успешно препятствовали СЭС, ОТК, народный контроль и т.п. институты. Предприниматели уклонялись от уплаты налогов любыми способами, в том числе путем выплаты зарплат «в конвертах», с которых не начисляли взносы в Пенсионный фонд и фонды социального страхования. Это повлекло за собой переход к накопительной схеме пенсий. Таким образом людей пытались побудить самих позаботиться о своей старости, как будто легальное начисление зарплаты — это сфера ответственности работника, а не работодателя. Сегодня вопрос встал уже о повышении пенсионного возраста, до которого граждане и так частенько не доживают. Выходит, что патерналистское советское государство не только репрессировало население, но и вносило немалую лепту в его гуманитарную и социальную защиту.

Заимствуя основные наработки зарубежной политологии, которая, будучи наукой молодой, на начальном этапе своего становления развивалась в основном на Западе, в антагонистической системе «капиталистического лагеря» и преследовала, прежде всего, цель разрушения «социалистического содружества» как альтернативной геополитической системы, отечественная политическая наука и система заимствовала в качестве идеала и образца для внедрения: демократию — в политической сфере, рынок — в сфере экономической, общество потребления — в сфере ценностной.

Постсоветская история убедительно доказала, что представительная парламентская демократия нередко находится еще дальше от народовластия, нежели демократия народная. Российский опыт также подтвердил тот факт, что рынок сам по себе не является ценностью. Более того, он словно ржавчина разъедает любую нерыночную сферу, в которую внедряется, превращая ее в профанацию. Особенно если это глобальный рынок. То же касается и научного прогресса. Слишком большая эффективность и интенсивность порождает иные проблемы (новые болезни или «лишних» людей), что ведет к внедрению различных способов депопуляции населения (в Африке — с помощью войн и бактериологического оружия, в Европе — путем пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений). Ориентация на ценности потребления обесмысливает человеческое существование, истощает планетарные ресурсы и ведет к загрязнению экологии.

Сутью аутентичного проекта, о котором я говорю, является свобода трудиться вместо свободы потреблять, а также смещение вектора развития от «демократии по форме» к «демократии по содержанию». Подобная смена парадигмы развития позволила бы нашему государству получить опору в лице реальных тружеников, неразрывно связанных с отеческой землей, людей, умеющих принимать решения и претворять их в жизнь, чье существование наполнено подлинным смыслом.

В мире неустойчивых институтов, больших рисков и высокой степени неопределенности консервативные стратегии — единственный способ принятия решений, ибо больше просто не на что опереться. Поэтому нужно беречь и хранить свою традицию. Тот, кто придерживается консервативной стратегии, всегда выигрывает. Еще недавно казалось, что современный человек может обеспечить себе безбедную старость при помощи инвестиций в частные пенсионные фонды. Финансовые кризисы последних десятилетий развеяли иллюзию о том, что можно прожить, не утруждая себя рождением и воспитанием детей (желательно нескольких), которые в традиционном обществе являются социальной гарантией старости. Угроза СПИДа и др. ЗППП положила предел половой распушенности и доказала, что консервативная традиция сохранения целомудрия до брака и верности в браке — отнюдь не религиозный предрассудок.

Еще недавно медицина и микробиология придерживались простой и ясной линии рассуждений: у каждой болезни есть своя причина или возбудитель. Сегодня большинство недугов имеют комплексный характер и неясную этиологию. Консервативная стратегия подсказывает растить детей на свежем воздухе и поить козьим молоком. А позднейшие современные научные исследования подтверждают, что у многих часто болеющих детей существуют особенности

нервных реакций [27], обусловленные нехваткой кальция из-за дефицита витамина Д и аллергии на белок коровьего молока.

Наблюдения за российской деревней последних лет позволили мне сделать вывод о том, что данный сегмент российского общества в наименьшей степени подвержен влиянию экономических кризисов. Народ разводит свиней, овец, птицу, имеет собственные молочные продукты, распахивает землю и нимало не печалится относительно санкций Евросоюза. Отказ от парадигмы модернизации в пользу аутентичного развития предполагает отказ от западной модели, которая отучает работать, ориентирует на труд мигрантов, предполагает, что новые поколения будут расти на свежем воздухе и потреблять продукты питания, произведенные в близлежащем хозяйстве.

Мы три десятилетия живем в состоянии перманентного реформирования, тогда как реформы — лучший способ парализовать деятельность любой структуры, не говоря о государстве в целом. Пора перестать пытаться соответствовать установленным извне критериям. Процессы глобализации требуют надежных оснований сохранения и развития культурной идентичности. Одним из таких оснований является историческая память как закреплённый в индивидуальном и общественном сознании опыт исторического прошлого, необходимое условие сохранения и развития государственного и культурного суверенитета и основа формирования зрелых качеств гражданственности и патриотизма [16]. Надо строить государство по собственному проекту с учетом уже имеющегося опыта, из которого пока еще не поздно сделать верные выводы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аверьянов В.В.* Традиция и динамический консерватизм. М.: Институт динамического консерватизма, Центральный издательский дом, 2012. 696 с.
2. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 254 с.
3. *Деягин М.* Путь России: Новая опрочина, или почему не нужно «валить из Рашки». М.: Эксмо, 2011. 416 с.
4. *ДуФрейн Д.* Американская семья сегодня: парадокс трансформации семьи на фоне сохранения прежних семейных ценностей // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 73—87. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17827>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-73-87>.
5. *Дугин А.* Археомодерн // Философский портал Арктогея, 2008. Режим доступа: <http://arcto.ru/article/1472>. Дата обращения: 16.03.2018.
6. Запрет ГМО в России: за и против // Аргументы и факты, 06.07.2016. Режим доступа: http://www.aif.ru/food/products/zapret_gmo_v_rossii_za_i_protiv. Дата обращения: 08.07.2016).
7. *Иванов В.Г.* Транснациональные элиты: кто они? Концептуальное поле исследования. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2007. 254 с.
8. *Калашиников М.* Новая опрочина, или Модернизация по-русски. М.: ФОЛИО, 2011. 448 с.
9. *Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М.* Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. М.: Аквилон, 2015. 288 с.
10. *Крамар А.А.* А.В. Чаянов на пути к созданию теории некапиталистических форм хозяйства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 33—43. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17824>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-33-43>.

11. *Кривых Л.В.* Русская ментальность: соотношение традиционного и вариативного // Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала. Материалы 4-й Всероссийской конференции 27—29 мая 2009 г. Москва—Белгород. М.: ИФРАН, 2010. С. 79—85.
12. *Кривых Л.В.* Символический мир как основа самоидентификации // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2009. С. 130—141.
13. *Кукушкин Ю.С.* Традиции общинной демократии в формировании и деятельности сельских Советов в 1920-е гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2012. № 4. С. 70—79. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/russian-history/article/view/3786>.
14. *Львов Д. С.* Свободная экономика России: взгляд в XXI век. М., 2000. 54 с.
15. *Маркедонов С.* Кавказ в поисках «своей земли». Проблемы легитимности и безопасности в регионе, 2006. Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-02/06.marrus.shtml. Дата обращения: 16.03.2018.
16. *Мысливец Н.Л., Романов О.А.* Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18 № 1. С. 9—19. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17822>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19>.
17. *Мюрберг И.И.* Аграрная сфера и политика трансформации. М.: ИФ РАН, 2006. 174 с.
18. *Панарин А.С.* Народ без элиты. М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. 352 с.
19. *Радкевич К.В., Шаблага А.В.* Оппозиция «запад—незапад» в социальной мысли: pro et contra // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 20—32. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17823>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-20-32>.
20. *Сакс Дж.* Рыночная экономика и Россия: Пер. с англ. М.: Экономика, 1994. 331 с.
21. *Самарская Е.А.* Подъем и упадок индустриального социализма. М.: ИФ РАН, 2007. 253 с.
22. *Серегин И.Г., Никитченко Д.В., Королева Л.Г., Сноз Г.В.* Совершенствование ветеринарно-санитарного контроля молока на крупных перерабатывающих предприятиях // Вестник РУДН. Серия: Агрономия и животноводство. 2017. Т. 12. № 1. С. 86—92. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/agronomy/article/view/15669>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-797X-2017-12-1-86-92>.
23. *Симуш П.А.* Судьба традиционных ценностей: изжитие или долговечность? // Духовные основания деятельности / Отв. ред. С.А. Никольский. М.: ИФ РАН, 2008. С. 130—150.
24. Современные проблемы Российского государства. Философские очерки / Коллектив авторов. Под общей ред. В.Н. Шевченко. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 464 с.
25. *Соколова Р.И.* Генезис российской бюрократии // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2008. С. 150—172.
26. *Спиридонова В.И.* Западные теории бюрократии и российская действительность // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2008. С. 7—62.
27. *Усейнова Н.Н., Колмакова Т.С., Шовкун В.А., Мизерницкий Ю.Л.* Особенности формирования нейровегетативных реакций в онтогенезе у часто болеющих детей // Вестник РУДН. Серия: Медицина. 2009. № 3. С. 87—92. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/medicine/article/view/13599>.
28. *Фурсов А.* Водораздел. Необуржуазия или всадники капиталистического апокалипсиса, 14.03.2018. Режим доступа: <http://andreyfurov.ru/news/>. Дата обращения: 19.03.2018.
29. *Фурсов А.И.* Колокола истории. М.: ИНИОН РАН, 1997. 488 с.
30. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: избранные труды. М.: Экономика, 1989. 492 с.
31. *Шевченко В.Н.* Российское государство и российская бюрократия: ретроспектива и перспектива // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2008. С. 101—149.
32. *Шинья Х.* Пить молоко, купленное в магазине, вредно. Режим доступа: <http://www.medikforum.ru>. Дата обращения: 30.01.2016.

THE CONCEPT OF AUTHENTIC DEVELOPMENT AS AN ALTERNATIVE IDEOLOGY OF MODERNIZATION

S.G. Ilinskaya

The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Goncharnaya str., 12, Moscow, Russia, 109240

Abstract. This article is devoted to Russian identity and “Russian way” in ecology, economy, politics and social relations. It also can be considered as presentation of the new concept of development. The author formulates the concept of authentic development as a global and local ideology which key aspects are tradition, family and agriculture values, conservative strategy and alternative rationality.

After the Soviet system’s transformation, one of the problems of contemporary Russia is non-critical attitude to Western political and social theory that leads to the deformation of the social relations and ideological crisis. Also, the subject of the article is critical analysis of postmodern consumer society. The author uses methods of political conceptology. The author proposes “philosophy of life”, integrated in the project of socio-political transformation.

One of main conclusions of the study consists in assertion that the global liberal democracy concept has exhausted itself because it was made in the framework of repressive logic. Russia today does not need modernization or democratization. It needs its own authentic development project. Moreover, the project of authentic development can be universally alternative ideology for the most various participants of international relations.

Key words: authentic development, tradition, true values, agrarian sphere, conservative strategy, alternative rationality, consumer society

REFERENCES

1. Aver'yanov V.V. *Tradiciya i dinamicheskij konservatizm*. Moscow: Institut dinamicheskogo konservatizma, Central'nyj izdatel'skij dom; 2012. 696 p. (In Russ.).
2. Glaz'ev S. YU. *Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyah global'nogo krizisa*. Moscow: EHkonomika; 2010. 254 p. (In Russ.).
3. Delyagin M. *Put' Rossii: Novaya oprichnina, ili pochemu ne nuzhno "valit' iz Rashki"*. Moscow: EHkmo; 2011. 416 p. (In Russ.).
4. DiFrejn D. Amerikanskaya sem'ya segodnya: paradoks transformacii sem'i na fone sohraneniya prezhnih semejnyh cennostej. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2018; Vol. 18; 1: 73—87. Available from: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17827>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-73-87>. (In Russ.).
5. Dugin A. Arheomodern. *Filosofskij portal Arktogeya*. 2008. Available from: <http://arcto.ru/article/1472>. (In Russ.).
6. Zapret GMO v Rossii: za i protiv. *Argumenty i fakty*. 06.07.2016. Available from: http://www.aif.ru/food/products/zapret_gmo_v_rossii_za_i_protiv. (In Russ.).
7. Ivanov V.G. *Transnacional'nye ehlity: kto oni? Konceptual'noe pole issledovaniya*. Moscow: Rossijskij un-t druzhby narodov; 2007. 254 p. (In Russ.).
8. Kalashnikov M. *Novaya oprichnina, ili Modernizaciya po-russki*. Moscow: FOLIO; 2011. 448 p. (In Russ.).
9. Kapustin B.G., Myurberg I.I., Fedorova M.M. *Ehtyudy o svobode. Ponyatie svobody v evropejskoj obshchestvennoj mysli*. Moscow: Akvilon; 2015. 288 p. (In Russ.).
10. Kramar A.A. A.V. CHayanov na puti k sozdaniyu teorii nekapitalisticheskikh form hozyajstva. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2018; Vol. 18; 1: 33—43. Available from: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17824>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-33-43>. (In Russ.).

11. Krivyyh L.V. Russkaya mental'nost': sootnoshenie tradicionnogo i variativnogo. *Problemy rossijskogo samosoznaniya: arhaicheskoe, tradicionnoe i innovacionnoe nachala. Materialy 4-j Vserossijskoj konferencii 27—29 maya 2009 g. Moskva-Belgorod*. Moscow: IFRAN; 2010: 79—85. (In Russ.).
12. Krivyyh L.V. Simvolicheskij mir kak osnova samoidentifikacii. *Politiko-filosofskij ezhegodnik. Vyp. 2*. Moscow: IF RAN; 2009: 130—141. (In Russ.).
13. Kukushkin YU.S. Tradicii obshchinnoj demokratii v formirovanii i deyatel'nosti sel'skikh Sovetov v 1920-e gg. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. 2012; 4: 70—79. Available from: <http://journals.rudn.ru/russian-history/article/view/3786>. (In Russ.).
14. L'vov D.S. *Svobodnaya ehkonomika Rossii: vzglyad v XXI vek*. Moscow; 2000. 54 p. (In Russ.).
15. Markedonov S. *Kavkaz v poiskah "svoej zemli"*. *Problemy legitimnosti i bezopasnosti v regione, 2006*. Available from: http://www.ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-02/06.marrus.shtml. (In Russ.).
16. Myslivec N.L., Romanov O.A. Istoricheskaya pamyat' kak sociokul'turnyj fenomen: opyt sociologicheskoy rekonstrukcii. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2018; Vol. 18; 1: 9—19. Available from: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17822>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19>. (In Russ.).
17. Myurberg I.I. *Agrarnaya sfera i politika transformacii*. Moscow: IF RAN; 2006. 174 p. (In Russ.).
18. Panarin A.S. *Narod bez ehliny*. Moscow: Algoritm, EHksmo; 2005. 352 p. (In Russ.).
19. Radkevich K.V., SHabaga A.V. Opoziciya "zapad-nezapad" v social'noj mysli: pro et contra. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2018; Vol. 18; 1: 20—32. Available from: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17823>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-20-32>. (In Russ.).
20. Saks Dzh. *Rynoch'naya ehkonomika i Rossiya*. Moscow: EHkonomika; 1994. 331 p. (In Russ.).
21. Samarskaya E.A. *Pod'em i upadok industrial'nogo socializma*. Moscow: IF RAN; 2007. 253 p. (In Russ.).
22. Seregin I.G., Nikitchenko D.V., Koroleva L.G., Snoz G.V. Sovershenstvovanie veterinarno-sanitarnogo kontrolya moloka na krupnyh pererabatyvayushchih predpriyatiyah. *Vestnik RUDN. Seriya: Agronomiya i zhivotnovodstvo*. 2017; Vol. 12; 1: 86—92. Available from: <http://journals.rudn.ru/agronomy/article/view/15669>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-797X-2017-12-1-86-92>. (In Russ.).
23. Simush P. A. Sud'ba tradicionnyh cennostej: izzhitie ili dolgovechnost'? *Duhovnye osnovaniya deyatel'nosti*. Otv. red. S.A. Nikol'skij. Moscow: IF RAN; 2008: 130—150. (In Russ.).
24. *Sovremennye problemy Rossijskogo gosudarstva. Filosofskie ocherki*. Kollektiv avtorov. Pod obshchej red. V.N. SHEvchenko. Moscow: Progress-Tradiciya; 2015. 464 p. (In Russ.).
25. Sokolova R.I. Genezis rossijskoj byurokratii. *Byurokратиya v sovremennom mire: teoriya i realii zhizni*. Otv. red. V.N. SHEvchenko. Moscow: IF RAN; 2008: 150—172. (In Russ.).
26. Spiridonova V.I. Zapadnye teorii byurokratii i rossijskaya dejstvitel'nost'. *Byurokратиya v sovremennom mire: teoriya i realii zhizni*. Otv. red. V.N. SHEvchenko. Moscow: IF RAN; 2008: 7—62. (In Russ.).
27. Usejnova N.N., Kolmakova T.S., SHovkun V.A., Mizernickij YU.L. Osobennosti formirovaniya nejrovegetativnyh reakcij v ontogeneze u chasto boleyushchih detej. *Vestnik RUDN. Seriya: Medicina*. 2009; 3: 87—92. Available from: <http://journals.rudn.ru/medicine/article/view/13599>. (In Russ.).
28. Fursov A. Vodorazdel. *Neoburzhuaziya ili vsadniki kapitalisticheskogo apokalipsisa*. 14.03.2018. Available from: <http://andreyfursov.ru/news/>. (In Russ.).
29. Fursov A.I. *Kolokola istorii*. Moscow: INION RAN; 1997. 488 p. (In Russ.).
30. CHayanov A.V. *Krest'yanskoe hozyajstvo: izbrannye trudy*. Moscow: EHkonomika; 1989. 492 p. (In Russ.).

31. Shevchenko V.N. Rossijskoe gosudarstvo i rossijskaya byurokratiya: retrospektiva i perspektiva. *Byurokratiya v sovremennom mire: teoriya i realii zhizni*. Otv. red. V.N. Shevchenko. Moscow: IF RAN; 2008: 101—149. (In Russ.).
32. SHin'ya H. *Pit' moloko, kuplennoe v magazine, vredno*. Available from: <http://www.medikforum.ru>. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ильинская Светлана Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории политической философии ФГБУН «Институт философии Российской академии наук» (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

Information about the author:

Ilinskaya Svetlana Gennadievna — PhD, senior research fellow of the Department of History of Political Philosophy at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 22.03.2018.

Received 22.03.2018.

© Ильинская С.Г., 2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-237-245

РАДИКАЛЬНЫЕ МАССОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА И ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ

Э.Э. Шульц

Центр Политических и Социальных Технологий
ул. Филёвская Б., 55/1, Москва, Россия, 121433

Статья посвящена проблемам легитимности антиправительственных выступлений и новой власти, приходящей на волне радикальных массовых форм социального протеста, как с точки зрения легитимизации протеста, так и с точки зрения постоянного поиска легитимных оснований для новой власти. Затрагивается история формирования принципов легитимности власти в науке, а также переноса этих положений в поле радикальных массовых форм социального протеста, свержения власти и формирования новой. Автор рассматривает принцип эвгемеров и эвгемеризации, выдвинутых в психологии, как важные категории и для политической науки, особенно в сфере проблем легитимизации и обеспечивающей ее идеологии.

Ключевые слова: социальный протест, легитимизация протеста, легитимизация власти, эвгемер, эвгемеризация, легитимность и цветные революции

Представления о легитимности власти являются одним из важнейших компонентов стабильности политической системы. Однако кроме легитимности власти существует и легитимность протеста против власти, вплоть до ее свержения и замены. Цветные революции и события т.н. «арабской весны» с новым импульсом подняли проблемы как легитимности власти, так и легитимности протеста против этой власти и новой власти, пришедшей на протестной волне.

Проблема легитимности власти и ее дефицита в случае смены системы и правителей рассматривалась Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, Д. Юмом, Ф. Гизо, М. Вебером [2. С. 636; 4. С. 66, 68—69; 5. С. 159; 9. С. 133; 12. С. 664]. Как отмечал один из основателей конфликтологии Льюис Козер, «легитимность — это важнейшая промежуточная переменная, без учета которой невозможно предсказать, выльются ли в реальный конфликт чувства враждебности, порожденные неравным распределением прав и привилегий» [8. С. 57].

Одним из первых обратил внимание на обеспечение легитимности Макиавелли. «Вообще, — писал итальянский мыслитель, — нельзя назвать ни одного учредителя чрезвычайных законов, который не ссылался бы на Бога, потому что в противном случае эти законы не были бы приняты народом» [9. С. 133]. Очевидность блага не является залогом успеха, так как «многие блага, представляющиеся таковыми благоразумному человеку, не столь очевидны, чтобы можно было убедить в этом других» [9. С. 133]. Макиавелли приводит яркий пример создания веры и, соответственно, легитимности: «Граждане Флоренции думают, что их

нельзя отнести к числу невежественных или диких, тем не менее, брат Джироламо Савонарола убедил их, что он беседовал с Богом. Я не стану обсуждать, правда то была или нет, потому что о таких людях должно говорить с уважением, скажу одно, что поверивших в это было бесконечное множество и для подкрепления веры ничего необыкновенного не потребовалось. Образ его жизни, учение и предмет, избранный им, обладали достаточной силой убеждения, чтобы они уверовали» [9. С. 134].

Томас Гоббс указывал на зависимость легитимности распоряжений (т.е. власти) от объема прав «приказывающего». Распоряжения законных правителей «делают все приказываемое ими справедливым, а запреты их, все запрещаемое ими — несправедливым» [5. С. 159]. Дэвид Юм высказал мысль, что время устраняет проблемы нелегитимности власти, захваченной силовым путем, оно «приучает народ уважать в качестве своих законных или прирожденных государей то семейство, членов которого он сначала считал узурпаторами или чужеземными завоевателями» [12. С. 664].

Эта идея получила развитие у Франсуа Гизо: «Политическая законность есть право, основанное на давности, продолжительности; первенство во времени признается источником права, доказательством законности власти» [4. С. 66]. Если не существует «давности», если что-то вводится впервые, то, по мнению Ф. Гизо, основанием «политической законности» служит «нравственная законность, справедливость, разумность, истина» [4. С. 68]. Установив новые «учреждения» и «идеи» таким образом, в дальнейшем они утверждаются временем и приобретают легитимность на основании уже указанных давности и продолжительности. Принципы эти, если следовать Гизо, не являются безупречными, так как «ложь» с помощью силы и времени тоже становится политически законной, однако «право и истина завоевывают себе место в цивилизации» [4. С. 69].

Томас Джефферсон оставил интересное замечание, что деятелям Американской революции не пришлось «рыться в устарелых документах, отыскивать королевские рукописи на пергаменте или заниматься исследованием законов и учреждений полуварварских предков», они «обратились к тому, что было дано природой, и нашли эти законы отпечатанными в своих сердцах» [7. С. 142]. Т.е. он рисует ситуацию, при которой не существовало освященных временем законов и принципов для нового государства, поэтому их пришлось соотносить только с собственными понятиями целесообразности. Спустя более чем два века мы наблюдаем, как эти положения приобрели силу «давности» и освященности — полной легитимности. В государствах, где на момент политического переворота в результате массового радикального протеста существование этого общества имело достаточно длительную историю и традиции, любые нововведения придется «узаконить» в массовом сознании либо привязкой к устоявшимся традициям и правилам, либо необходимостью «ломки старого» и создания принципиально нового (реальность этих традиций и новшеств не играет роли).

Главенствующую роль в легитимизации протеста, особенно в его радикальных и массовых формах, способных привести к смене власти, играет идеология, лежащая в основе этого протеста.

Идеологией ранних буржуазных революций — в Нидерландах и Англии — служил протестантизм. Именно религия обеспечивала легитимность свержения существующей власти и установление новой. Начиная с Французской революции эта легитимность обеспечивалась «естественным правом» человека на равноправие и свободу, правом на счастье (что заключалось в философских учениях, взятых в качестве идеологии — философия Просвещения, марксизм и т.д.).

Бунтовщики совершают запрещенные законом действия — бунт, но совершают его для утверждения «порядка» и во имя «справедливости». Эта дихотомия вызывает определенные проблемы для стабильности будущей власти. Исследователь революций Л. Эдвардс точно заметил, что революции являются незаконными, пока они не победили [13. Р. 108]. Как отметил Арно Майер, «революционные деятели прибегали к идеологии, чтобы придать законность и оправдывать действия и политику так же, как чтобы критиковать и признавать недействительными (лишать законной силы) своих противников» [15. Р. 9]. Предыдущий курс объявлялся неверным, выбирался новый, оппозиция становилась вне закона.

Проблема заключается в том, что успешные примеры давления «улицы» на правительство всегда ведут к новым попыткам, успешные перевороты и революции вдохновляют новые. Каждое новое правительство тут же ставит перевороты вне закона, объявляет мятежи недопустимой формой, а революции — злом.

Показательный пример — Английская революция 1640 г. и события 1688 г., получившие в английской историографии наименование «Славной революции»: попытка представить смену династии в 1688 г. настоящей революцией — правильной и бескровной — в противовес кровавым и безумным событиям 1640—60 гг. Так, «в сознании англичан переворот 1688 г. надолго был окружен ореолом, как наиболее светлый, лучезарный факт английской истории, и закрепил за собой имя „славной“ революции, которую было бы преступно сопоставлять с мрачными событиями недоброй памяти 40-х и 50-х годов» [11. С. 12]. «Долгое время 40-е и 50-е годы были вычеркнуты из официальных версий английской истории. Карл II вступил на престол сейчас же после мученической кончины своего отца. В правительственном издании парламентских статутов, появившемся в начале XIX в., вы не найдете актов гражданской войны, республики и протектората» [11. С. 5]. Реабилитация «великого мятежа» — революции 1640—60 гг. — произошла только в XIX в. [11. С. 5].

Это защитный рефлекс общества и нового правительства (т.е. всех правительств, ведущих свою «родословную» от тех, что получили власть благодаря революционным (или контрреволюционным) событиям) против смут, создание легитимности существующей власти и нелегитимности попыток борьбы с ней.

Легитимность — это вопрос массовой психологии, а не законодательных актов и точности их соблюдения, поэтому легитимность определяется не столько законностью, сколько представлением о законности и справедливости. О законности и справедливости здесь и сейчас, а не в абстрактных понятиях. «Таков закон социальной жизни: истинный авторитет власти создается сочетанием веры масс в то, что эта власть осуществляет идеи, соответствующие желаниям этих масс, и веры в то, что эта власть обладает реальной силой» [6. С. 228]. Население должно

верить, что это правительство приведет к решению насущных проблем, обладает достаточной силой, чтобы их решить и не допустить своего свержения.

Когда Макиавелли говорит о ссылках на Бога как высшую инстанцию в узаконивании новых положений, он указывает на проблемы легитимности и один из способов их решения. Здесь может идти речь об использовании высшего авторитета или о том, что Макс Вебер назвал авторитетом «„вечно вчерашнего“»: авторитет нравов у освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение...» [3. С. 646—647]. Этот авторитет Бога и Великих предков может сочетаться в фигурах вождей.

Здесь мы подходим к достаточно интересному феномену, который после выдвижения на понятийном уровне в психологии не получил серьезного дальнейшего развития в политической науке.

Американский психолог Эрик Берн предложил ввести термин «эвгемеризация» для обозначения феномена сакрализации лидеров.

«Этот процесс, в ходе которого древние короли и герои приобретают в общественном сознании мифические атрибуты и становятся подобными богам, впервые в западном мире рассмотрел греческий философ Эвгемер, хотя идея была известна и на Востоке. В честь него индивиды, прошедшие процесс эвгемеризации, могут быть названы эвгемерами» [1. С. 91].

«Каждая группа нуждается в героях и старается увековечить своих первичных лидеров после их смерти с помощью эвгемеризации», — справедливо замечает Берн [1. С. 101]. Таким образом, эвгемеризация — это мистические свойства, которые приписываются лидеру после смерти [1. С. 101]. «Эвгемер служит объединяющим началом для сил сплоченности группы и увеличивает эффективность группы, придавая авторитет канону» [1. С. 94].

«Эвгемер группы — это покойный, чей портрет скорее всего будет висеть на стене как в помещении для встреч, так и в домах членов группы. В случае с Буддой и католическими святыми таким зримым изображением героя служит не картина, а статуя. В религиях, в которых подобные изображения запрещены, их заменяют цитаты из эвгемеров, как, например, в случае Магомета или Моисея» [1. С. 94].

Берн говорит о таких Первичных лидерах, как Христос, Магомет, Будда или «великие короли прошлого» и др. Но таких же Первичных лидеров создает каждая революция, каждый крутой поворот в истории общества. Более того, в качестве эвгемеров начинают выступать не только великие предки, но и значимые для данного социума исторические персоны (которые со временем попадают в разряд «великих предков» — Карл I, Жанна Д'Арк, Вильям Уоллес, Иван Сусанин и др.).

Эвгемер — сакрализованный образ — выполняет множество психологических функций.

Функция «покровителя вождя»: у вождя есть образ, который в нем «переродился».

«Ученики Пифагора представляли его похожим на шамана Гермотима, позже в Сталине находили Ленина. Римляне сделали из этого механизма политическую

формулу. В каждом императоре воскресала личность основателя. Он и носил титул *redivivus*. Октавиан Ромул *redivivus* (воскресший, обновленный — Э.Ш.). С той поры эта практика не прекращалась. Когда советские люди объявляли: „Сталин — это сегодняшней Ленин“, они делали это под давлением все той же социальной и психологической необходимости. Все вожди поддерживают свою власть, взывая к имаго прошлого...» [10. С. 277].

В последние столетия этот процесс обычно представляется словосочетаниями «настоящий последователь», «Ученик», «Преемник». Ленин выступал учеником и последователем Маркса, Сталин — самым последовательным представителем «ленинской гвардии», все американские президенты — продолжателями дела отцов-основателей. В более частых жизненных примерах мы слышим сравнения лидеров с Цезарем, Наполеоном, Петром I, Бисмарком, Че Геварой, Ганди, де Голлем и др.

Эвгемеры играют большую роль в легитимизации: законность тех или иных действий определяется представлением об отношении к ним эвгемеров. Наиболее яркие примеры — это религиозные или национальные войны, когда происходит противостояние с иной религией, культурой, государством. Но подобный подход характерен и для гражданских войн, когда противостояние происходит на уровне одного народа или близких друг другу, одной религии, сходных или одной культуры. Причем происходят ссылки на одних и тех же эвгемеров в прямо противоположных случаях и одинаково со всех противостоящих сторон: отношение Христа к бедности и церковнослужению в борьбе католиков и протестантов, ссылки на Магомета и Коран в противостоянии сунитов и шиитов, высказывания «отцов-основателей» американской нации в войне Севера и Юга, ссылки на Маркса в борьбе социалистических партий в XX в. и др. Отсюда склонность даже в повседневной жизни употреблять во всех «воззваниях» и текстах идеологического характера ссылки на таких эвгемеров: богов, пророков, святых, значимых исторических деятелей, «классиков марксизма» и т.п.

Макс Вебер выдвигал три принципа формирования оснований легитимности: 1) авторитет «вечно вчерашнего» (авторитет, освященный Историей), 2) авторитет личного дара вождя (*Gnadengabe*, харизма), 3) господство в силу «легальности» (вера в обязательность легального установления и компетентности, обоснованной рационально созданными правилами) [3. С. 646—647]. Эвгемеры обеспечивают два из трех этих принципов.

Не менее значимую роль эвгемеры играют в мобилизации. Э. Берн подчеркивал, что особую роль эвгемеры начинают играть «во времена стресса» социума: «если кто-то опасно нападает на групповую структуру — снаружи или изнутри, так что обычными методами не удастся справиться с неприятностями, — призывают на помощь эвгемеров...» [1. С. 95]. Это находит подтверждение на протяжении всего исторического процесса. Во все времена беспорядков, больших войн народ собирается под знаменами религиозных либо исторических канонизированных фигур. Они играют объединяющую и вдохновляющую роль, а также служат в качестве примера. Что касается примера для подражания, то здесь языческие боги давали образец храбрости и стойкости в сражениях; пример христианских

святых призывает к терпению и полаганию на волю божью и т.д. Ленина представляли как образец стойкого, лишенного радостей жизни революционера, каким и должен быть настоящий советский человек. В годы Великой Отечественной войны образа революционеров стало мало и были возвращены другие исторические герои: Суворов, Кутузов, Ушаков, Петр I и др., начали даже вспоминать о победах над немцами царских генералов — напр., Брусиловский прорыв, — что шло вразрез с революционной риторикой 20-х и 30-х гг. в России, но было необходимо в новых политических реалиях.

Совершенное общество для многих участников Нидерландской, Английской и Американской революций было заложено принципами Библии — т.е. давало легитимность свержения действующей власти и новой власти, призванной начать это общество строить. Деятели Просвещения были уверены, что общественные идеалы, которые они проповедают, проистекают из общественного договора, первобытного коммунизма, здравого смысла и т.д. Исламская революция видела эти принципы в Коране, а ливийские революционеры считали, что социализм проистекает из Корана. Для легитимизации здесь пользуются религиозными или освященными историей эвгемерами.

Среди участников событий и исследователей нет сомнений, что «жасминовая революция» в Тунисе стала «спусковым крючком» всей «арабской весны», события, которые подстегнули выступления во всех арабских странах и которые выступили своеобразным шаблоном.

«Тунисская и Египетская революция — это не два разных восстания, это одна революция. Один мир, одна революция» [14. Р. хiii]. Эти слова тунисского министра по делам молодежи и спорта Слима Амамоу четко демонстрируют идеологический подход. Связь всех арабских событий, ориентир на братьев по вере стали легитимизационной основой для бунта в каждой следующей стране «арабской весны». При этом, естественно, обе стороны — и власть, и протестующие — ссылались на Коран и общепризнанные истины, первые, чтобы утихомирить протест, вторые — чтобы продолжить его и добиться от власти серьезных уступок или вообще ее сменить.

Переноса тематику легитимности радикальных массовых форм социального протеста, его направленности на изменение политики или смещения власти, легитимности новых правительств, пришедших на волне протеста, эвгемеров и легитимизации на современные события, хотелось бы заострить внимание на нескольких фактах и соображениях.

У всех «постцветных режимов» (как «революционных», так и тех, что их сменили) существовал (и существует) дефицит легитимности. Это проблема массовой психологии, которая связана, с одной стороны, с тем, что только признаваемая законной большинством населения власть сможет обеспечить мир и порядок, с другой — если переворот законен, то новая власть не застрахована от того, что так же не окажется свергнутой, поэтому ее задача — с первых же дней существования убеждать население в том, что она — единственно законная, свержение бывшей власти обосновано высшей справедливостью и всеобщим благом и должно стать единственным исключением, новые бунты и попытки переворотов будут являться противозаконными.

События 2014 г. в Киеве, во-первых, подорвали основы легитимности власти на Украине, вне зависимости от того, кто к этой власти придет, а во-вторых, ни одна группа у власти не будет иметь достаточной социальной поддержки. Выборы в такой ситуации не решают проблем дефицита легитимности и дефицита социальной поддержки.

Схожий принцип рассуждений привел большинство отечественных экспертов к выводам о высокой скоротечности новой власти на Украине. Однако прогнозы не оправдались. Проблема, на наш взгляд, здесь заключается в том, что не был серьезно учтен фактор «национализма» (в самом широком понимании, в том числе включающий проблемы самоидентификации, культурной самобытности, ущемленной гордости и т.д.). Этот фактор играет самую существенную роль в устойчивости действующего режима: 1) внешний враг, 2) признание собственной неправоты на индивидуальном и национальном уровне в случае протеста. Здесь потребуется время и законная смена власти, как случилось в истории с Оранжевой революцией и президентством Ющенко, которого избиратель провалил на следующих выборах.

Учитывая все высказанные заключения: 1) «национализм», 2) дефицит легитимности, 3) повторение истории с Ющенко, — становится понятным и эвгемеризация деятелей ОУН-УПА. Прежние эвгемеры не «работают» (или недостаточно работают) в связи с тем, что: а) связаны с пропагандируемым врагом в лице России и общей историей, от которой необходимо дистанцироваться; б) недостаточно отражают идеологическую потребность с точки зрения «национализма» (повторюсь: речь идет о широком контексте понятия). Новые эвгемеры лучше справляются с пунктами 1 и 3: «национализм» и предотвращение «истории Ющенко» — приход других персоналий к власти, допустим, но только в ходе выборов и только с сохранением политического вектора.

Проблема с выбранными эвгемерами заключается в том, что они создают препятствия для поиска потенциальных союзников на международной арене, так как вызывают стойкое неприятие. Ближайший исторический аналог с подобной изоляцией видится в примере СССР 20—40-х гг. XX в., где выдвигаемые революционные эвгемеры: Маркс, Энгельс, Ленин и др., — не могли быть приняты вне страны, и сама страна оказалась в изоляции. Однако у СССР оказалось достаточно ресурсов и возможностей для развития в состоянии изоляции, а затем и для ее преодоления, а вот в украинском случае такой вариант невозможен: здесь центром притяжения в обозримом будущем может быть либо Россия, либо ЕС, но ни к тем, ни к другим с новой идеологией не пойдешь. В связи с изложенным напрашиваются выводы, что выбранные эвгемеры для легитимизации дают краткосрочный эффект, но являются ошибочным выбором в среднесрочной и долгосрочной перспективе. «Национализм» (в широком понимании) и эвгемеризация деятелей ОУН-УПА дает сегодняшнюю легитимизацию и позволяет сохранять необходимую социальную поддержку сегодня, но обязательно сыграют эффект маятника, и выход окажется не столь простым и безболезненным для Украины, как в 2010 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берн Э. Лидер и группа. М.: ЭКСМО, 2009. 288 с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602—643.

3. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644—706.
4. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.
5. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 304 с.
6. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. В 2-х т. Т. 1. М.: Айрис-Пресс, 2011. 558 с.
7. Джефферсон Т. Письмо Д. Картрайту, 5 июня 1824 г. // Американские просветители. Избранные произведения в двух томах / Сост. Н.М. Гольдберг. Т. 2. М.: Мысль, 1969. С. 140—145.
8. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.
9. Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макьявелли Н. Государь. М.: АСТ, 2012. С. 93—462.
10. Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, КСП+, 1998. 395 с.
11. Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. Изд. 2-е. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 388 с.
12. Юм Д. О первоначальном договоре // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 656—675.
13. Edwards L.P. The Natural History of Revolution. 2-nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 229 p.
14. Filii J.-P. The Arab Revolution. Ten Lessons from the Democratic Uprising. Oxford University Press, 2011. 195 p.
15. Mayer A.J. The Furies. Violence and Terror in the French and Russian Revolutions. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2000. 716 p.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-237-245

RADICAL MASS FORMS OF SOCIAL PROTEST AND LEGITIMACY PROBLEMS

E.E. Shults

Center for Political and Social Technologies
B. Filevskaya str., 55/1, 121433, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the problems of legitimacy of anti-government protests and the new power coming on a wave of radical mass forms of social protest both from the point of view of legitimization of a protest, and from the point of view of constant search of the legitimate bases for the new power. History of formation of the principles of legitimacy of the power in science, and also transfer of these principles to the field of radical mass forms of social protest, overthrow of the power and formation new is observed. The author considers the principle of the Euhemerus and an euhemerization which is put forward in psychology as important categories and for political science, especially in the sphere of problems of legitimization and the ideology providing it.

Key words: social protest, legitimization of a protest, legitimization of power, Euhemerus, euhemerization, legitimacy and color revolutions

REFERENCES

1. Bern ЕН. *Lider i grupa*. Moscow: ЕHKSMO; 2009. 288 p. (In Russ.).
2. Weber М. Osnovnye sociologicheskie ponyatiya. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress; 1990: 602—643. (In Russ.).

3. Weber M. Politika kak prizvanie i professiya. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress; 1990: 644—706. (In Russ.).
4. Gizo F. *Istoriya civilizacii v Evrope*. Moscow: Territoriya budushchego; 2007. 336 p. (In Russ.).
5. Gobbs T. *Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine*. Moscow: AST; Minsk: Harvest; 2001. 304 p. (In Russ.).
6. Golovin N.N. *Rossiyskaya kontrrevolyuciya v 1917—1918 gg. V 2-h t. T. 1*. Moscow: Ajris-Press; 2011. 558 p. (In Russ.).
7. Dzhefferson T. Pis'mo D. Kartrajtu, 5 iyunya 1824 g. *Amerikanske prosvetiteli. Izbrannye proizvedeniya v dvuh tomah*. Sost. N.M. Gol'dberg. T. 2. Moscow: Mysl'; 1969: 140—145. (In Russ.).
8. Kozer L. *Funkcii social'nogo konflikta*. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi; 2000. 208 p. (In Russ.).
9. Mak'yavelli N. Rassuzhdeniya o pervoj deкаде Tita Liviya. *Gosudar'*. Moscow: AST; 2012: 93—462. (In Russ.).
10. Moskovichi S. *Vek tolpa*. Moscow: Centr psihologii i psihoterapii, KSP+; 1998. 395 p. (In Russ.).
11. Savin A.N. *Lekcii po istorii anglijskoj revolyucii. Izd. 2-e*. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-ehkonomicheskoe izdatel'stvo; 1937. 388 p. (In Russ.).
12. YUm D. O pervonachal'nom dogovore. *Sochineniya v 2 t. T. 2*. Moscow: Mysl'; 1996: 656—675. (In Russ.).
13. Edwards L.P. *The Natural History of Revolution. 2-nd ed*. Chicago: University of Chicago Press; 1970. 229 p.
14. Filiu J.-P. *The Arab Revolution. Ten Lessons from the Democratic Uprising*. Oxford University Press; 2011. 195 p.
15. Mayer A.J. *The Furies. Violence and Terror in the French and Russian Revolutions*. N.J.: Princeton University Press; 2000. 716 p.

Сведения об авторе:

Шульц Эдуард Эдуардович — кандидат исторических наук, директор Центра политических и социальных технологий (e-mail: nuap1@yandex.ru).

Information about the author:

Shults Eduard Eduardovich — PhD, director of the Center for Political and Social Technologies (e-mail: nuap1@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 07.07.2017.

Received 07.07.2017.



DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-246-254

THE GRAND PARIS AND THE NEW MOSCOW: COMPARED PERSPECTIVES

Ch. Vaudelin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article has the objective of comparing the modernization initiatives conducted in Paris and in Moscow and showing how the political choices shape the urban universe. Here, we discuss the restructuring projects both in terms of institutional policies and transport in the two European metropolises: Moscow and Paris.

Key words: Grand Paris, New Moscow, metropolis, institutions, transport, ecology

This article aims to revisit the two capitals in line with Fernand Braudel and Immanuel Wallerstein: A space which concentrates power, riches and a land of individual and collective opportunity. Paris and Moscow are more than simple capitals, they are European metropolises, that is to say, important conurbations which bring together a large population, political responsibilities and economic, financial and cultural activities, and they have a strong influence on their national space and beyond.

Firstly, it is necessary to understand the main administrative difference which separates the functioning of Paris and Moscow. These are two cities that are based on different administrative and political models. Actually, if the New Moscow is built on a self-centered and common model it could be otherwise said that the New Moscow devours the nearby cities, which then become a part of Moscow and are placed under the authority of the Muscovite central government. Paris, on the other hand, follows a different system. The Grand Paris could be considered to be polycentric. The Grand Paris project includes not only central Paris but also the suburban towns that remain outside of the Parisian territory, each of which have their own City Hall.

In France, Paris is the center of everything: Powerful and rich, Paris is the heart of our Jacobin state. But Paris is also a world metropolis. So, Paris often occupies a prominent place in the power and attractiveness rankings among global metropolises: 4th in the Global Network Connectivity Index 2010 classification, 3rd in the Global Power City Index 2011, 3rd in the World City Survey 2010. Meanwhile, this image as well as Paris' attractivity is beginning to show signs of decline [3].

The Grand Paris has not acquired new territory, it is composed of Paris intramuros and existing surrounding territories.

Paris is one of the oldest modern European capitals. It's above all a Global City which since its creation relies on a distinct model. Paris is deeply imprinted in world politics and lays down a model of democratic city since 1789 and the storming of the

Bastille which symbolizes it. Paris is the heart of the French revolution and as stated by Pierre Rosenthalon “Creating a society of equals” requires going through the management of territories and therefore their democratization. During the Enlightenment, Paris chose a social and urban model for the well-being of its citizens with the invention of the open city and the establishment of urban hygiene guidelines [12]. Then, in the second half of the nineteenth century, Paris renews itself and above all goes through a modernization period with the Haussmann Plan. Paris relentlessly democratizes itself: At times in the political domain (neighborhood councils ...) but also in the field of transportation (accessibility policy ...). The equality of territories and particularly in Paris (the center and its suburbs) is integrated into social and political models. And this is how during the 1960s the first major development works around Paris arise, the city folds out with the creation of “new towns” and the capital finds itself surrounded by a suburban area in need of a connection to its city center prompting the construction of the RER [12]. In Paris then emerges an urban region and an urban middle class with it.

However, in the 90s, Paris’ innovative approach to change begins to wane resulting even in talks of a decline and the perception of it as a city museum [12]. The city, unlike London, struggles to reorganize and the new plan for the city (SDRIF) in 1994 is a reiteration of the one from 1965. The transformations seen in Paris should be based on 3 main principles: the changes in economical, social and geographical organization; changes in the way the metropolis is built; accounting for changes in political and democratic landscape. It was not until 2007 that Paris seemed to be reborn when then president Nicolas Sarkozy announced the launch of a project for the Grand Paris. The first laws passed in June of 2010 pertained to the development methods and then in December 2013, laws were passed which pertained to institutional organization. The aspiration of the Grand Paris is to create a metropolis that is democratic, sustainable and whose territories are equal, interdependent and supportive of one another. On March 6, 2013, Jean-Marc Hérault, former Prime Minister under François Hollande, presented the draft of the Grand Paris.

The project of the Grand Paris has several components: administrative, institutional, transportation ... Anne Hidalgo, the mayor of Paris, also uses the Greater Paris project to change the status of the city of Paris [16]. Paris has always had a special administrative status which places it under the tutelage of the state. In fact, while in France, mayors are elected since 1887, Paris sees its first mayor elected in 1977. Having always had a complex relationship between the state and the city, Paris has had many conflicts with the state (the Parisian insurrection of 1832, the Paris Commune in 1871 ...). Christophe Charle even talks of a “forced marriage” between the city and the French Nation [4]. Moreover, the police are not managed by the city but by the national government. The districts of Paris could be regrouped in order to rebalance Paris *Intramuros*. Indeed, it may seem surprising that the 1st district has 15 times more inhabitants than the 15th but that each of them counts with an independent administration of an equivalent weight. Even though Paris only counts with one Town Hall, each district has the power of decision over local facilities and delivers an assessment on city planning issues. Finally, Paris is both a city and a department (75), requiring it, for example to vote its budget

twice. So, in the Grand Paris: there should be a merger of the city and the department, which in any way refers to the same thing (same area, same people ...). The Grand Paris project also aims to create a governance structure involving Paris Intramuros and its suburbs (the Petite Couronne, that is to say, the Hauts-de-Seine, Seine-Saint-Denis and Val-de-Marne) [27]. The law on the modernization of public action and affirmation of metropolises (MAPTAM) created the metropolis of Grand Paris on 27 January 2014. It is the law of 7 August 2015 on the new territorial organization of the Republic which determined the functions and prerogatives of the metropolis. Under article L5219-1 the metropolis of Grand Paris exercises legislation over 4 domains: the development of the metropolitan area, the local housing policy, economic development, social and cultural development and the protection of air and the environment [18]. Its territory can be expanded and other skills can be transferred to it.

Regarding transport, the Grand Paris is a very ambitious project valued at 26 billion Euros. This modernization of the Parisian transit system is essential given that 10% of its network sees 40% of national traffic and that in a decade it has seen a traffic increase of 21% [26]. This project covers several issues: quality of life- which aims to reduce commuting time (today 1h 20m per day, in contrast to 10 minutes 60 years ago) [15]. The objective of the Grand Paris is that 90% of Parisians (Ile de France) should find themselves located within two kilometers of a station. There are also challenges in terms of employment (works will employ between 10,000 to 15,000 people), solidarity (open up the territories) and attractiveness (to appeal to businesses).

This particular component of transport has two aspects: modernization and extension as well as aspects relating to construction. Part of the budget was allocated to the modernization and extension of the existing network. The RER will be modernized and the RER line E will be extended to the west. Line 14 will also be extended in order to connect the center of Saint-Denis Pleyel business center and Orly airport. Line 11 will be extended until Noisy-Champs, a total of 10 km of additional coverage.

Meanwhile, new lines will be created, prenamed the Grand Paris Express, they will be automated and will travel a total distance of 205 km and contain 72 stations [14]. Line 15 will form a ring road around Paris, such as the circular line in Moscow in order to decongest the network. The other additional lines will aim to serve the developing territories. Line 16 will connect Noisy-Champs in Saint-Denis Pleyel through the Bourget. Line 17 will link Saint-Denis Pleyel in Mesnil-Amelot through Roissy Charles de Gaulle Airport. Line 18 will provide service to the west, from Orly Airport to Versailles' train station. In addition, a fast train (Charles de Gaulle Express) between the airport in Roissy and the city center will be built in the image of the Aeroexpress in Moscow.

Finally, the Grand Paris project also has an ecological component [13]. Unlike Moscow, which tends to expand; Paris tries to limit the urban sprawl and favors the recycling of already urbanized areas that have been forgotten (old malls, empty office spaces ...). The goal is to preserve farmland and forests around Paris. In addition, the project aims to reduce the emission of greenhouse gases by opting for public transit at the expense of personal vehicles.

Moscow followed suit on January 13, 2012 by launching an international campaign to ensure that it would become a world city and establish itself as a center for culture, education, tourism and finance. It was Dmitry Medvedev, then president, who in 2011 stated that the capital agglomeration should become “a pleasant city to live in” and launched the project. In March 2013, a Russian delegation even went to Cannes at MIPIM (conference of real-estate professionals in Cannes). More ambitious than the Grand Paris in financial terms, since Moscow’s project has a budget of €35 billion, the path chosen by the Russian city is quite different [8]. Indeed, the city was further enlarged on July 1, 2012 as its territory more than doubled. Moscow has, in fact, annexed 21 communes, the equivalent of 148,000 hectares. If Paris is trying to revisit its borders, Moscow’s approach is to revise its own. The territories that have been absorbed by the capital were generally quite lowly populated (about 250,000 people) and not well established: A few university towns and shopping malls could be seen but above all dachas (country houses).

The diagram of the Grand Moscow is completely different than the Grand Paris since everything remains to be done. An underdeveloped territory (in terms of housing, work, transport) has been integrated into the borders of Moscow and which is enough to make it attractive.

Behind this project is a real political will, including that of creating a polycentric city (not in terms of political and institutional choices but in economic terms). The goal is to create business centers to increase the attractiveness of the city but also to ease congestion in Moscow which had within its borders more than 12 million inhabitants in 2012. Finally, there is a social purpose in this New Moscow since the state wants to build 250,000 social housing apartments.

Moscow opts for a mixed solution which ultimately leads to a poorly defined plan, between individual and collective transport. However, discussing the New Moscow separately from the old one is, in my opinion, a mistake. Surely the Russian government is not completely opting for a collective solution for the New Moscow, which seems understandable considering its territory. To understand Moscow as a whole, one must analyze both its current districts as well as the historical ones. From this perspective, the government’s choice is clear and they are more in favor of collective transport. There are plans to extend the metro to most areas of the city and a new circular line was opened in 2016. The new line did not dramatically change the situation because the government did not build a line according to the population needs but decided, instead, to use an old freight line. Still, the line somewhat improved the transport situation in the city. Moreover, a lot of projects are being developed with the end user in mind. A third circular line will be constructed, connecting the suburbs- thus eliminating the need to come all the way into the center in order to reach another neighborhood (also outside of the center). We could also talk about the *maya ulitsa* (my street) project, which aims to highlight the importance of pedestrians and subsequently public transport in the city center. There would be an effort to reorganize the streets while inserting the idea of comfort into this megalopolis. Then, it is easier to understand that Moscow, a world-city, which is composed of a historic part and the New Moscow couldn’t be studied separately for it would lead to mistakes such as believing

Moscow is not favoring public transport. Of course, it cannot be done everywhere because of the surface area of the New Moscow but in the historical part as well as in the near the New Moscow, the city's representatives really opted in favor of a collective transport solution. The first steps have already been taken in 2016 with the opening of two metro stations, Rumyantsevo and Salarevo, located in the southwest part of the city. The opening of these stations has not only helped decongest the "Yugo Zapadnaya" station but also reduce the traffic at the belt road (MKAD), KievskyShaussée and Leninsky Prospekt. In addition, the line will be extended from "Salarevo" to "Kommunarka", an area of modest housing [6]. Line 8 was extended in the New Moscow with the construction of three new stations by 2017. A total of 45 km of metro were added as well as land transport lines (bus, tram, trolleybus ...) [22]. However, these stations will serve only a minuscule part of the territory of New Moscow, which is extremely extensive. But unlike the Grand Paris, the Grand Moscow provides road construction for the sorely lacking road infrastructure and parking space in the New Moscow region. Thus about 90 parking areas will be built including an enormous one at the level of "Rumyantsevo" to encourage travelers to continue their journey in public transportation. The construction of 700 km of new road is planned, including a highway with 10 lanes and 12 smaller roads [5]. But this choice marks not only the desire to create infrastructure but also the difficulty Moscow is having to choose its priority. Moscow opts for a mixed solution which ultimately leads to a poorly defined plan, between collective transport and individual.

In addition to institutional projects aiming to improve the life of residents in European cities, such as Grand Paris and New Moscow; there are also projects to make the areas more accessible, innovative and sustainable. It seems interesting to study the mechanisms established by the citizens and the city government to pursue the same objectives. The citizen initiatives are geared towards finding alternative modes of transportation to then settle problems that remain unsolved, such as traffic jams and pollution. Then several other initiatives should be addressed, that are not necessarily supported by the governments of Paris and Moscow: the bicycle sharing system, carpooling and the availability of electric cars in self-service.

In the case of Paris and its suburbs, it is interesting to analyze the trends of 2014 in terms of transport [1]. In 2014, vehicle circulation in the capital fell by 4%, particularly due to traffic congestion, which is constantly decreasing the circulation speed (at least 30% in 2014). On the other hand, the use of public transport (bus, tram, metro) is increasing. The largest increase is for the cyclists (+ 8% in 2014). In 2013, bicycles accounted for 3% of traffic in Paris, against 4% in 2014. To ensure this general craze, the city of Paris voted in April 2015 a bicycle plan to create new bike paths (the "Vélo Paris Express") and create two bicycle parking lots under the Gare de Lyon and Montparnasse (with a capacity of 2,000—3,000 bikes) to dwindle the current shortage of sites. Christophe Najdovski, the deputy mayor of Paris, says that the choice of public transport and cycling is not only the result of problems that come with private transport but a change in general mentality, shifting towards more ecological solutions, as to prefer carpooling, car sharing, bicycle transport... As for example, the bike self-

service (vélib) was established in 2007 by the city of Paris and counts with 23,600 bicycles, spread over 1800 bicycle stations available every 300 meters [22]. With this service, since 2007, 614 million kilometers have been traveled in Paris and it counts with 274,000 users per year [18]. In Moscow, bike self-service made its first appearance in 2013, with 2,700 bikes spread over 300 stations [21]. However, unlike Paris, where one can subscribe for a year of service but also take a bicycle without being registered, Moscow requires users to register online in advance in order to rent a bike. At the present day, 900,000 people are registered, an increase of 50% compared to 2013, but this remains limited because of the need of registration. In addition, bicycle traffic in Moscow has more to do with tourism. Very few home to work routes are seen, or people using the service to continue a journey started by metro. There are several reasons for this: the first being that Moscow lacks bike lanes, except in touristic or recreational areas (for example, a nice bike path was built by the docks and in Park Kultury but its use is purely recreational). This makes bike traffic dangerous on axes with often more than 4 lanes. The second reason is more simple and can't be resolved through investment: the climate problem. During the winter, bikes are removed from the stations making it impossible to travel in Moscow by bike during half of the year.

After the Vélib, Autolib appeared in Paris in 2009. It is the largest car-sharing network in the world. We cannot really talk about car sharing in the case of Paris and Moscow, as car sharing is to rent a car and bring it back to where it was taken, while in the case of Autolib, it is possible to park at any station. This distinction allows one to differentiate between two types of consumers: The first type of customer (which brings his car at point A) has a "luxury" pattern of usage of the service while the second type was driven by a need. Despite all, we use the term carsharing but putting aside the need to bring the car back to point A. In 2015, the number of people using this car self-service (which uses electric cars in its fleet) exceeded five million [19]. 57% of users frequently use Autolib (2 to 3 times a week) and 62% have used it to go to work [25]. Also, not only is the fleet fully electric, but a hundred percent of the electricity used by Autolib is certified renewable since 2012. The fleet now has 2,500 vehicles spread over 880 stations throughout Ile de France, that being Paris and its suburbs. Also, if Paris has served as a model, the company Bolloré, creator of the project, is now exporting its Autolib, which will soon be circulating in London. Choosing Autolib is based on a combination of factors: the price (cheaper than having a car in Paris for occasional trips), ecological (clean cars) and comfort (reserved parking spaces ...). Also, offered car sharing services are increasing in Paris (eg Zipcar). In addition, an electric scooter is being tested on the streets of Paris since October which could prove to be competition for Autolib. The Cityscoot is a clean option in between Velib and Autolib, combining the advantages of both modes [2]. In Moscow, car sharing has begun to emerge during the summer of 2015. The company Delimobil, supported by the city government began installing its cars throughout Moscow. Meanwhile, in this case, the ecological criterion is not taken into account, since all cars are gas cars but this solution has the advantage of being cheaper than owning their own cars for the Muscovites. The fleet has about 550 cars and a parking lot has recently been opened in Sheremetyevo Airport [9; 24]. It is still too early to take stock of the bike and car-sharing in Moscow but a first remark

can already be made: the registration process is quite complex and requires a courier to come and give you a key, which tends to limit the use of the service. Finally, to continue developing the Parisian beloved electric means of transportation, on January 12, the Parisian City Hall launched the Belib project: 60 charging terminals of 22 kW for electric cars will be installed in Paris (four have already been installed) [10]. Moscow, for its part also installs terminals for electric cars since the central government has adopted a policy of support, albeit marginally, to electric vehicles. On November 1, 2015, the first electric charging terminals were installed in gas stations.

Carpooling occupies a central position in the considerations of big metropolises. In June 2014, the Commission of French Sustainable Development published the following report: “Carpooling for commuting: What is the potential?”, aiming to define carpooling and the possibility of its use [7]. In France, three million people have adopted carpooling as a means of transportation, of which, 75% are between 18 and 34 years old [7]. To meet this demand, there are 200 carpool services linking individuals. But the figures for its use in Paris are lacking, as well as the necessary infrastructure since carpooling is still primarily used for long distances. Also, while several regions have set up carpooling areas, Paris has not yet adopted the system. Some motorway management companies, encouraged by the state, have also set up such areas to encourage carpooling doing so prioritizing safety. One can even speak of a beginning of an institutionalization of carpooling matters. Especially since the pollution peaks and application of alternating license plate traffic (even number, odd number) tend to increase usage of carpooling, as seen in March 2014 when the ads on “BlaBlaCar” increased by 17% and the ones on “Carpooling” 42% [25]. In Russia, carpooling between major cities is on the rise. BlaBlaCar entered the market in February of 2014 and in the first 10 months, one million people had already registered on the site [11]. However, in Moscow, carpooling remains underdeveloped. There are websites to make commuting like “Dovezu” but the municipality does not support these initiatives and carpooling has not yet been institutionalized.

Finally, if Paris and Moscow have the same objective, that is to say, to modernize the city while making its territory available and attractive, they have certainly chosen to take different paths. The Grand Paris seeks to restructure what already exists, while the New Moscow has engulfed some poorly developed territories to recreate the city. Although, their priorities in terms of transport differ: Paris, with its chasing out of cars and gas vehicles while opting for a policy in favor of public transport, prioritizes public transit while Moscow is far more uncertain, oscillating between public (extension of metro lines ...) and private transport (construction of new roads ...). The New Moscow has not defined a clear priority. It should also be noted that although sharing initiatives (carpooling), exist in both countries, they are far more institutionalized in France than in Russia where they remain quite insignificant. Finally, if Moscow and Paris both have adopted self-service cycling and car sharing their motivations, use and choices are deeply different. Paris defends the ecological aspect (use of Vélib, electric cars in car sharing) they are not found in Moscow, or very little (gas cars used in car-sharing, bike system directed towards tourism ...).

Modernization is now one of the main goals of megapolises. As an emerging political and economic actor, they have to appear as developed, innovative and attractive cities. However, modernization plans are also a way to cope with the new political challenge of our era, which is climate change and so how to combine big cities and ecology. The third question around city modernization is a democratic one. The city has to be thought for townspeople, for their comfort. How to involve the townspeople and how to put them in the center of the city? In reality, public transport is the one of keys to everything because it is collective, democratic, and ecological.

REFERENCES

1. B.H. Déplacements à Paris, les vélos dépassent (presque) les autos. *Le Parisien*. 14.01.2016. Available from: <http://m.leparisien.fr/paris-75/deplacements-a-paris-les-velos-depassent-presque-les-autos-14-01-2016-5451447.php>. (In Fr.).
2. Bouleau C. Un autolib' version 2 roues à Paris dès 2016? *Challenges*. 03.12.2015. Available from: <http://www.challenges.fr/club-entrepreneurs/20151202.CHA2246/comment-cityscoot-veut-imposer-un-autolib-version-2-roues-a-paris.html>. (In Fr.).
3. Bourdeau-Lepage L. Introduction. Grand Paris : projet pour une métropole globale. *Revue d'Économie Régionale & Urbaine*. 2013; 3 (août). (In Fr.).
4. Charle Ch. *Paris fin de siècle, culture et politique*. Paris: Seuil; 1998. (In Fr.).
5. Chibanov A. Novaya Moskva stoit na svoem. *Moskovskaya Perspektiva*. 29.02.2016. Available from: <http://www.mperspektiva.ru/topics/9022>. (In Russ.).
6. Chmelyova E. Metro oboshlo skorostnoy tramway. *Moskovskaya Perspektiva*. 29.02.2016. Available from: <http://www.mperspektiva.ru/topics/9808>. (In Russ.).
7. Commissariat du développement durable. *Le covoiturage pour les déplacements domicile-travail: quel potentiel?* Juin 2014; 107. (In Fr.).
8. De Rouchebouet Béatrice. Le grand pari de Moscou. *Le Figaro*. 23.07.2012. Available from: <http://www.lefigaro.fr/culture/2012/07/22/03004-20120722ARTFIG00154-le-grand-pari-de-moscou.php>. (In Fr.).
9. Parkovka v aeroportu Sheremetyevo, Terminal F. *Delimobil*. 02.03.2016. Available from: <https://delimobil.ru/news/parkovka-v-aeroportu-sheremet-evo-terminal-f>. (In Russ.).
10. Doche A. Paris: après Velib et Autolib, voici Belic, réseau de bornes de recharge. *Caradisiac*. 13.01.2016. Available from: <http://www.caradisiac.com/Paris-apres-Velib-et-Autolib-voici-Belib-reseau-de-bornes-de-recharge-106237.htm>. (In Fr.).
11. Dufay C. Blablacar ne connaît pas le crise en Russie. *Russie info*. 03.1.2015. Available from: <http://www.russieinfo.com/blablacar-ne-connaît-pas-la-crise-en-russie-2015-10-03>. (In Fr.).
12. Gili F. *Grand Paris: l'émergence d'une métropole*. Paris: Sciences Po Les presses; 2014. (In Fr.).
13. Le Grand Paris: l'environnement. *Territoires.gouv.fr*. 12 août 2013. Available from: <http://www.territoires.gouv.fr/le-grand-paris-l-environnement>. (In Fr.).
14. Le Grand Paris: les transports. *Territoires.gouv.fr*. 03.10.2013. Available from: <http://www.territoires.gouv.fr/le-grand-paris-les-transports>. (In Fr.).
15. Le Grand Paris: un projet par et pour les franciliens. *Territoires.gouv.fr*. 9 août 2013. Available from: <http://www.territoires.gouv.fr/Le-Nouveau-Grand-Paris-un-projet>. (In Fr.).
16. Le rêve d'Hidalgo pour le Grand Paris. *Libération*. 14 février 2016. Available from: http://www.liberation.fr/france/2016/02/14/le-reve-d-hidalgo-pour-le-grand-paris_1433327. (In Fr.).
17. *Loi 2015-991 du 7 août 2015 portant sur la nouvelle organisation territoriale de la République*. Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000030985460&categorieLien=id>. (In Fr.).

18. *Mairie de Paris. 7 ans de Vélib: des records de fréquentation et d'abonnement.* 15.07.2014. Available from: <http://blog.velib.paris.fr/blog/2014/07/15/7-ans-de-velib-des-records-de-frequentation-et-dabonnements/>. (In Fr.).
19. *Official Site of car sharing in Paris.* Available from: <http://www.autolibmetropole.fr/le-service-autolib/les-chiffres-en-1-clic/>. (In Fr.).
20. *Official site of Moscow Metro.* Available from: <http://stroj.mos.ru/razvitie-metro/>. (In Russ.).
21. *Official Site of public bikes in Moscow.* Available from: <http://velobike.ru/about/news1/>. (In Russ.).
22. *Official Site of public bikes in Paris.* Available from: <http://en.velib.paris.fr/>. (In Fr.).
23. Razemon O. *A quoi sert vraiment une autolib?* 10.12.2014. Available from: <http://transports.blog.lemonde.fr/2014/12/10/a-quoi-sert-vraiment-une-autolib/>. (In Fr.).
24. Poriadka 550 machin mozhno arendovat v Moskve s fevralya. *Riamo.* 15.02.2016. Available from: http://riamo.ru/happen_news_moscow/20160215/619999132.html. (In Russ.).
25. Russel G. Le pic de pollution dope le covoiturage. *Le Figaro.* 17.03.2014. Available from: <http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2014/03/17/20002-20140317ARTFIG00112-le-pic-de-pollution-dope-le-covoiturage.php>. (In Fr.).
26. Un réseau de transport moderne et étendu. *Société du Grand Paris.* 9 avril 2014. Available from: <https://www.societedugrandparis.fr/projet/le-grand-paris/reseau-transport-moderne-etendu>. (In Fr.).
27. Paris. Collectivité territoriale spécifique. *Vie publique.* 15.01.2016. Available from: <http://www.vie-publique.fr/decouverte-institutions/institutions/approfondissements/paris-collectivite-territoriale-specifique.html>. (In Fr.).

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-246-254

БОЛЬШОЙ ПАРИЖ И НОВАЯ МОСКВА: СРАВНЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВ

Х. Водэлен

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Целью данной статьи является сравнение программ и инициатив городской модернизации, осуществляемых в Париже и Москве. Автором показано, что политические решения играют ключевую роль в формировании городской среды. В статье рассматриваются проекты реструктуризации транспорта как примеры институциональной политики в двух европейских столицах: Москве и Париже.

Ключевые слова: Большой Париж, Новая Москва, столица, институты, транспорт, экология

Сведения об авторе:

Водэлен Хлоэ — аспирантка кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Франция) (e-mail: chloe.vaudelin@hotmail.fr).

Information about the author:

Vaudelin Chloe — postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (France) (e-mail: chloe.vaudelin@hotmail.fr).

Статья поступила в редакцию 21.02.2018.

Received 21.02.2018.

© Водэлен Х., 2018.



DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-255-268

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: В ПОИСКЕ ОБЪЕКТИВНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ИЗМЕРЕНИЯ

В.Р. Камоликова, Ю.Е. Шулика

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

В статье авторы критически анализируют некоторые подходы к пониманию эффективности государственного управления, ее операционализации и количественного измерения. Авторы ставят под вопрос точность и объективность некоторых концепций и методологий, используемых эмпирическими базами данных по оценке эффективности государства. В статье авторы ставят перед собой цель — выявить существование объективной эффективности, которая отвечала бы принципам ценностной нейтральности (отсутствие нормативности), и всеобщности. В частности, во главу угла ставится релевантность оценки эффективности государственного управления вне зависимости от политического режима, формы правления и государственного устройства. В качестве одного из возможных решений данной проблемы предлагается акцентирование внимания исследователей на способности государства преобразовывать имеющиеся у него ресурсы в общественно-значимые результаты с минимальными издержками — подход, в основе которого для количественного измерения используется «оболочечный анализ», или Data Envelopment Analysis.

Ключевые слова: эффективность государства, качество государственного управления, нормативность, оболочечный анализ

НАСКОЛЬКО ТОЧНЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ?

Идея о построении концепции объективной эффективности государственного управления может по праву считаться нетривиальной задачей — в проблемное поле попадают различные подходы исследователей к понятийно-категориальному аппарату, операционализации, количественному измерению. При этом предлагаемое, в том числе авторами данной статьи, решение проблемы объективной оценки эффективности государства есть и останется субъективной точкой зрения ее авторов. В этом смысле ключевой вопрос заключается в том, почему несмотря на существование множества теоретических подходов к качеству государственного управления и наличие эмпирических баз по его оценке, которые в той или иной степени используются научным сообществом, поиск альтернативного подхода к концептуализации эффективности государства представляется нам необходимым. В данном случае речь идет именно о конвенциональном переосмотре принципов к построению данного концепта.

Цель настоящей статьи заключается в предложении подхода к построению концепта эффективности государственного управления с учетом редукции фактора

субъективности, выраженного в нормативности, политической ангажированности, несоответствии принципам ценностной нейтральности.

Мы предполагаем, что поиск «более объективного» понимания и измерения эффективности качества управления обусловлен следующими причинами:

а) необходимость разрешения проблемы идеологической ангажированности и нормативности некоторых подходов при составлении концепций и показателей качества государственного управления;

б) проблема использования метода экспертных оценок при формировании количественного показателя;

в) необходимость учета внешних условий и минимизации идеализированного понимания государства как института, обязанного реализовывать заявленную политику в любых условиях.

Важно подчеркнуть, что первые два аргумента исходят из того, что различные концепции качества государственного управления и индикаторы *отражают эффективность* государства в той или иной степени, но при этом являются порождением определенных «представлений» об эффективности.

Прежде чем мы более подробно раскроем истоки возникновения вышеуказанных аргументов за пересмотр оценки государственной эффективности, следует обозначить ряд допущений, которые мы накладываем в рамках данной статьи, а также ограничений рамок исследования.

Касательно использования понятийно-категориального аппарата мы говорим об эффективности государственного управления и качестве государственного управления в единых терминах. Качество государственного управления (государства), эффективность государственного управления (государства) представляются нам близкими по значению категориями на том основании, что во главу угла поставлено общественное благо (*public goods*) в качестве абсолютной ценности.

Говоря об объективном измерении эффективности, следует отметить, что самой по себе объективной эффективности как нечто «абсолютного» не существует. Основная причина заключается в том, что такое понятие, как «эффективность», связанное с деятельностью индивидов (самих по себе или в рамках общности), не может быть оценено объективно этими же индивидами. Иными словами, в политической науке исследователь не может быть отделен от объекта исследования. Несмотря на это ограничение, мы можем «приблизиться» к объективному измерению эффективности. В идеальном виде это означает, что мы искореним из операционализации такие факторы, в основе которых лежит субъективная составляющая (например, связанные с методом экспертных оценок, или показатели, заточенные под конкретный политический курс), таким образом, что в сухом остатке должно остаться субъективное мнение самих авторов данной статьи, заключенное в предложении подобного рода подхода к решению проблемы объективности.

Рассмотрим некоторые подходы к пониманию эффективности государства и качества государственного управления на предмет возможного приближения к более «объективному» пониманию этих категорий.

а) Качество государственного управления без привязки к политическому режиму

Различия между демократиями и автократиями размываются, когда речь идет в первую очередь об особенностях всякого государства в отношении легитимности, эффективности, стабильности и консенсуса, поэтому, как писал в 1968 году С. Хантингтон, «самое важное политическое различие между странами касается не их формы правления, а степени (уровня) их правления (degree of government) [10. Р. 1]. Идею о «минималистском» подходе к пониманию качества государственного управления можно проследить в работах, посвященных потенциалу государства (state capacity) — многосоставному концепту, также вбирающим в себя проблему эффективности государственного управления. Ч. Тилли, писавший о том, что ключевые функции государства — возможность извлекать ресурсы и создавать административные структуры для управления этими ресурсами с целью ведения войн [16], определяет потенциал государства (state capacity) в своей работе «Демократия» [15] через степень «вмешательства государственных агентов в существующие негосударственные ресурсы, деятельность и межличностные связи и соответствующее изменение распределения этих ресурсов, деятельность и межличностные связи и соотношение таких распределений». Другими словами, «принятие решений государственными агентами столь весомо, что оно обходится без взаимных консультаций и процедур обсуждения правительства с гражданами» [15. Р. 32]. Он относит потенциал государства к важной характеристике режима, заключенной в способности государства проводить политические решения в жизнь. Ч. Тилли подразделяет все государства по наличию двух пар характеристик: «демократия/недемократия¹» и «высокий потенциал/низкий потенциал». Аналогичной логике придерживаются и другие исследователи [7, 11] — потенциал государства рассматривается в терминах способности реализовывать политический курс, и его можно измерить. Кроме того, высоким уровнем потенциала могут быть наделены как демократические, так и недемократические режимы.

Таким образом, минималистская интерпретация эффективности государственного управления в качестве способности государства реализовывать государственную политику по распределению общественных благ позволяет нам говорить об уровне государственного управления вне зависимости от вида политического режима. Эмпирическое сопровождение идеи о J-кривой, где автократии могут иметь потенциал ниже, чем демократические режимы, но выше, чем гибридные, частично подтвердило эту гипотезу² [7; 11].

б) Проблема нормативного понимания качества государственного управления

Предложенная Б. Ротштайном концепция «Good Governance» [12] в общем и целом описывает ситуацию, когда в распоряжении общества находятся политические, правовые и административные институты, которые дают возможность

¹ Недемократические государства с высоким потенциалом Тилли описывает как имеющие «слабый голос общественности», за исключением прямого обращения к нему самого государства.

² Зависит от выбора переменных, наложения ограничений и допущений при составлении теоретической рамки.

принимать и осуществлять политику «общественных благ». Концепт «Good Governance» тесно связано с понятиями «потенциала государства» (state capacity), качество управления и возможность создания устойчивых систем управления «общим пулом ресурсов» (common-pool resources). Основная норма, описанная Б. Ротштайном касательно предлагаемой концепции, — «беспристрастность» (impartiality) в применении государственной власти (public power).

Однако элемент «беспристрастности» у Б. Ротштайна должен одновременно без противоречий сосуществовать с главным требованием к определению самого «good governance» — оно должно основываться на нормативной теории, дающей некоторую ориентацию, что мы должны рассматривать как «хорошее». В этом смысле «good governance» является наглядным примером проблемы синтеза нормативности и эмпирического подхода, разрешение которой лежит в части политической философии. Тем не менее, такой подход явно сместил интерес от «входа» (input side) политической системы к «выходу» (output side) системы.

Немаловажно отметить, что концепт, позволяющий рассматривать качество государственного управления в менее нормативном и идеализированном ключе, принадлежит М. Гриндлу и называется «достаточно хорошим управлением» (good enough governance) [9].

В рамках этой концепции предполагается, что не все проблемы, связанные с качеством государственного управления, могут быть решены в момент их фиксации, и что институциональное развитие является производным от времени. Таким образом, различные вызовы экономического и политического развития должны быть проанализированы на предмет приоритетности, релевантности и необходимости с учетом сложившихся условий в отдельно взятом государстве. М. Гриндл акцентирует внимание на необходимости рассмотрения минимальных условий для качества государственного управления, которые позволят способствовать развитию. Этот подход позволил бы минимизировать требования к качеству государственного управления в авторитарных режимах, предъявляемых к тем же демократиям (исходит их необходимости учета контекста и приоритизации вызовов).

Качество государственного управления в терминах «good governance» неизбежно сталкивается с проблемой операционализации. «Good governance» изначально несет в себе оценочный характер — мы не можем сказать, что такое «хорошо» (good) и для кого оно «хорошо» (для государства, для правящей элиты, для граждан и т.д.). Как и потенциал государства, так и (достаточно) «хорошее управление» по сути являются теоретическими конструктами, в которые входит большое количество составляющих, и они фиксируют, насколько качество управление было высоким, только на основании отдельно взятого набора переменных.

в) Проблема методологии баз данных по качеству государственного управления

Важным также представляется вопрос о том, какая эмпирическая база и какие индикаторы берутся в настоящее время за основу в отношении государственной эффективности.

Возвращаясь к заданному ранее вопросу, следует отметить, что понимание потенциала государства как способности претворять в жизнь заявленную политику может быть основано в целом на качестве государственного управления, или «governance», о чем мы упоминали выше. В принципе у этой позиции есть свои сторонники [5]: для измерения потенциала государства они используют индекс *WGI (World Governance Indicators)* в части эффективности правительства и качества управления³. Исследовательский институт Всемирного банка (World Bank Research Institute) видит данный концепт следующим образом: традиции и институты, с помощью которых реализуется власть (authority) в государстве⁴. Это широкое определение критикуют за то, что он содержит и политическую составляющую (заявленная политика) и процедурную составляющую (верховенство закона).

Несмотря на то, что индикатор *WGI* Всемирного Банка активно используется исследователями, он имеет ряд ограничений и недостатков, что подталкивает нас к поиску альтернативного подхода к количественному измерению и операционализации государственной эффективности. Среди таких недостатков следует отметить следующие:

— *WGI*, как и любой индекс, основанный полностью или по большей части на результатах экспертного опроса или интервью, подвергается критике за то, что в его основе лежат именно «представления», а не статистические данные. Ввиду этого база имеет относительно небольшой охват временного диапазона (с 1996 года);

— *WGI* как индекс по большей части нормативен и указывает на предпочтения исследователей из Института Всемирного банка в отношении политического курса, вместо того, чтобы измерять степень удовлетворения запросов гражданского общества [8], а показатель *Regulatory Quality* вообще говорит без должной конкретики о некой «здоровой», «рациональной» (sound) политике, которая способствует развитию частного сектора;

— в-третьих, авторы не дают объяснений относительно того, где начинается «good governance», эта граница не совсем очевидна — например, вектор налоговой

³ *Government Effectiveness* (эффективность Правительства) — показатель охватывает восприятие качества социальных услуг, качества государственной службы и степени ее независимости от политического давления, качества формулирования политики и ее реализации, а также приверженность правительства такой политике. Индикатор отражает эффективность распределения благ (развитие инфраструктуры, социальное обеспечение и развитие). *Regulatory Quality* (Качество управления) — показатель восприятия способности правительства сформулировать и проводить рациональную политику и нормативно-правовые документы, которые разрешают и способствуют развитию частного сектора.

⁴ Это включает в себя: процесс избрания, контроля и смены правительства, способность правительства формулировать и проводить заявленную политику, уважения граждан и государства к институтам, которые регулируют экономические и социальные взаимодействия между ними.

политики в тех или иных условиях может быть как эффективным, так и неэффективным решением⁵.

В качестве еще одной альтернативы количественного измерения эффективности государства можно выделить отдельные группы показателей *индекса конкурентоспособности Всемирного экономического форума*.

В силу того, что центральной темой в раскрытии данного набора показателей является продвижение интересов малого и среднего бизнеса, уровень поддержки рыночной экономики и экономическая конкурентоспособность, показатель государственного управления ориентируется именно на этот политический курс.

На наш взгляд, объективный интерес представляет лишь часть показателей, а именно группа «результативность государственного сектора» (public-sector performance). В него входят следующие показатели: расточительность государства (wastefulness of government spending⁶) (насколько эффективно расходует государство свой бюджет), бремя государственного регулирования. Данные основаны на результатах метода экспертных оценок (что несет в себе субъективную составляющую) и имеют временные ряды по некоторым странам из 138 возможных, начиная с 2007 года.

База «Quality of Governance» (качество государственного управления), составленная Гетеборгским университетом в качестве альтернативы WGI Всемирного банка ввиду критического восприятия слишком широкого определения «governance», может по праву считаться одной из самых основательных и широких баз по качеству государственного управления⁷. База сформирована в соответствии со следующими принципами: беспристрастность (объективность), качество бюрократического аппарата и уровень коррупции, а также более широкие категории (верховенство закона и прозрачность). Тем не менее, данная база частично использует индикаторы, основанные преимущественно на «восприятии» (метод экспертного интервью и оценок).

Таким образом, ключевая проблема большинства баз данных по качеству государственного управления заключается в том, что их методологии порождают «представления» об эффективности вместо измерения самой эффективности. Это обусловлено как выбором переменных, так и использованием метода экспертной оценки при составлении показателей. Последнее также чревато тем, что базы имеют ограниченный временной диапазон, что сильно ограничивает возможности для исследования. Также стоит отметить, что в некоторые индексы входят такие

⁵ Некоторые исследователи используют Ibrahim Index, которые оценивает качество государственного управления 45 африканских государств на основании 5 критериев: а) безопасность, б) верховенство закона, коррупция и открытость, в) участие в процессе принятия решений и права человека, г) устойчивые экономические возможности, д) развитие человеческого капитала. Таким образом, категории переменных были приведены к виду, где они бы не накладывались друг на друга, однако при этом нормативность не была преодолена.

⁶ К сожалению, последние два года база не учитывает данный показатель.

⁷ База данных (стандартная версия) имеет большие временные рамки и включает в себя 2500 переменных, из которых 100 посвящены именно качеству государственного управления.

нормативные показатели, как права человека, верховенство закона, гласность и подотчетность, которые заведомо делают акцент на политике государства, присущей в основном демократическим режимам. Таким образом, мы имеем дело с пониманием качества управления в рамках отдельно взятой методологии.

«ОБЪЕКТИВНАЯ» ЭФФЕКТИВНОСТЬ: КАК ОТКАЗАТЬСЯ ОТ НОРМАТИВНОСТИ?

Мы полагаем, что один из возможных путей для частичного разрешения проблемы объективной оценки эффективности государственного управления лежит в отказе от нормативной составляющей. В связи с этим необходимо выделить принципы, в соответствии с которыми мы будем проводить редукцию.

В первую очередь концепт эффективности государственного управления необходимо избавить от терминов «good governance» и долженствования. Согласно принципу Д. Юма («гильотина Юма») одной логики недостаточно, чтобы перейти от наблюдаемого и описательного «есть» к категории «должен». Невозможно вывести единое утверждение о «хорошем» и «плохом», основываясь исключительно на описании имеющего место явления.

Строя наше исследование на принципе *отказа от нормативности*, следует обратиться также к М. Веберу, который привнес в политическую науку концепцию идеального типа, которому присущ отказ от нормативного значения, а также принцип проведения исследования, свободного от ценностей (*value free research*)⁸.

Именно поэтому, говоря о существовании объективной эффективности, мы исходим из понимания идеального типа, изложенного М. Вебером. Идеальный тип Вебера преодолевает нормативность и представляет собой нечто ценностно нейтральное, оставляя при этом логическое значение. В некоторой степени идеальный тип Вебера накладывается на «эмпирический тип» Г. Эллинека⁹, но «идеальность» придается за счет логической конструкции.

Идеальный тип М. Вебера обладает следующими свойствами:

- представляет собой упрощение существующей реальности;
- используется в сравнительной политологии (допускается именно гетерогенная выборка кейсов);
- смысл заключается в том, что, формируя тот или иной концепт (в нашем случае концепт «объективной эффективности»), мы берем за основу не «среднее

⁸ Еще в своей статье «Наука как призвание и профессия» М. Вебер акцентировал внимание на необходимости очищения политической науки от ретранслирования политическим ученым своих политических убеждений — политике нет места в аудитории ни для студентов, ни для преподавателя.

⁹ У Г. Эллинека «идеальный тип» есть не что-либо существующее, а «долженствующее существовать», и таким образом, он может быть использован в качестве мерила существующего. Затем в работе [2] вводится альтернативное понятие „эмпирического типа“, которое, напротив, «не претендует представлять высшее, объективное бытие», а зависит от особенностей восприятия индивида. Таким образом, объективен, по Эллинеку, идеальный тип (не существующее, а долженствующее), субъективен тип эмпирический.

значение» изучаемых кейсов, а именно «идеальный тип». Его мы получаем посредством «односторонней расстановки акцентов на одной или нескольких точках зрения и синтезом многих расплывчатых, более или менее разрозненных, местами очевидных или неочевидных конкретных индивидуальных явлений, которые организуются в соответствии с этими односторонне подчеркиваемыми точками зрения в единую логическую конструкцию» [17].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что отказ от нормативности сводится к следующим *положениям*:

— во-первых, мы допускаем своеобразие;

— во-вторых, мы отказываемся от поиска идеального/оптимального государственного устройства: мы придерживаемся той позиции, что поиски идеальной формы правления, идеального режима, идеальных институтов нецелесообразны по причине заведомой субъективности и не имеют ничего общего с научным знанием, так как никогда не смогут отвечать критериям верифицируемости;

— в-третьих, мы ориентируемся на эмпирическое значение «идеального типа»: следуя логике М. Вебера, концепция объективной эффективности качества государственного управления будет складываться из нескольких пар показателей, ориентированных на вход и на выход, которые вместе будут образовывать общую картину объективной эффективности органов государственной власти.

Для того, чтобы отказаться от нормативности, на наш взгляд, необходимо вернуться к сущности понятия «эффективности» в терминах экономической теории.

Эффективность впервые появляется у представителей экономической теории, а именно у «классических экономистов» А. Смита, Д. Рикардо и Дж. Стюарта Милля. Один из крупнейших представителей классической политэкономии А. Смит не употребляет термин «эффективность» в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов», если мы обратимся именно к исходному тексту. Он использовал термин продуктивность («*productivity*»). Первое, о чем говорит А. Смит в контексте продуктивности, — о производительных силах («*productivity powers*»). Относительно продуктивности страны в целом он отмечает, что страна с хорошей продуктивностью должна осуществлять три функции: 1) улучшать и возделывать земли; 2) обрабатывать и подготавливать их для производства; 3) транспортировать избытки для реализации или обмена на удаленных рынках [14].

Д. Рикардо в «The high price of bullion: a proof of the depreciation of bank notes» употребляет термин «эффективный» (*effectual*), когда рассуждает о количестве валюты на рынке. В поздней работе “On the Principles of Political Economy and Taxation” (1817) он впервые употребляет термин «эффективный» (*efficient*). Д. Рикардо переносит нас в такое пространство эффективности, где он рассуждает о *снижении каких-либо параметров затрат, которое приводит к снижению стоимости*. Он говорит, что меньшая затраченная рабочая сила приводит к меньшей стоимости продукта, но, когда ее объем увеличивается, она работает эффективнее. Само понятие «эффективности» (*efficiency*) появляется у него же. Рикардо рассуждает о ней с точки зрения объема затрат, размера прибыли, оптимизации производственного процесса.

Оценка эффективности как соотношения благ и ресурсов становится центральной темой теории равновесия, разработанной Л. Вальрасов и В. Парето. Оптимальность по Парето — состояние, при котором значение каждого показателя не может быть улучшено при ухудшении других. Эффективность по Парето — это ситуация, в которой все выгоды от обмена сторон исчерпаны.

Г. Саймон пишет о синонимичности употребления термина «efficiency» и «effectiveness» в конце XIX века. Саймон не признает существование эффективности в экономической теории [13], а говорит о том, что эффективность в административной теории соотносится с максимальной полезностью в экономической.

Таким образом, понимание эффективности «as it is» сводится к выбору самой оптимальной из альтернатив при минимальных затратах и максимальной выгоды. Теперь необходимо провести различие между терминами «efficiency» и «effectiveness». А.С. Ахременко обозначает «efficiency» как эффективность, а «effectiveness» как результативность [1]. «Efficiency» — это эффективность, ориентированная на вход, «effectiveness» — эффективность, ориентированная на выход. Входная эффективность измеряет, насколько мы можем снизить затраты на входе, не снижая уровень выпуска на выходе.

КАК ПРИБЛИЗИТЬСЯ К «ОБЪЕКТИВНОЙ» ЭФФЕКТИВНОСТИ?

Опираясь на вышесказанное, наши поиски «объективности» заключаются в ее операционализации и «техническом» подходе к самой концепции. Вернемся к М. Фарреллу. Его вклад в экономическую науку и оценку эффективности трудно переоценить. Майкл Фаррелл впервые использовал оболочечный анализ (Data Envelopment Analysis (DEA)) в 1957 году, где изучалось применение метода технической эффективности к исследованию аграрного производства в США [6]. Целью этой работы было найти удовлетворительное измерение продуктивной эффективности, которое будет принимать во внимание «входы» и позволит избежать определенного количества проблем, показав, как эта продуктивность может быть посчитана на практике.

Далее эта основополагающая работа была популяризована в работе профессора Техасского университета в Остине Абрахама Чарнеса, профессора Гарвардского университета Уильяма Купера и профессора университета штата Нью-Йорк в Буффало Эдуарда Родса. В этой работе впервые было предложено использование границы производственных возможностей именно в подходе DEA, которая строится с использованием методов линейного программирования [4]. Термин «конверт» происходит из идеи, что граница производственных возможностей охватывает набор наблюдений [3. P. 233].

Есть некоторый набор входов и некоторый набор выходов у каждой из фирм, они обозначаются через векторы. Соответственно, когда речь идет о нескольких единицах (DMU), то мы представляем матрицу векторов. Далее необходимо обозначить технологию. Таким образом входы превращаются в выходы. Дело в том, что в большинстве случаев технология не определена. В таком случае DEA

применяет метод минимальной экстраполяции: он смотрит на наименьший набор вход*выход, который есть в базе данных и который удовлетворяет допущениям о свободном использовании и выпуклости. Конструируя этот маленький набор, содержащий настоящие наблюдения, DEA экстраполирует результаты на остальные данные.

Далее мы не будем углубляться в формулы и технические тонкости работы самого метода, мы обозначили идею, которая заложена в этом методе. Мы намерены на его основе избежать нормативности и приблизится к более «объективной» эффективности.

Наш подход к определению эффективности как способности преобразовывать ресурсы в общественно-значимые результаты, а также возможности оболочечного анализа, приводят нас к описанию способа операционализации эффективности.

Таблица 1

Структура оценки эффективности государственного управления в рамках DEA

Вход (Ресурсы на входе)	Логика похода (связь между входом и выходом)	Выход — output efficiency (результативность)
<ul style="list-style-type: none"> — Не только бюджетные средства (монетарные показатели), но и все материальное обеспечение, позволяющее обслуживать население; — иные «факторы производства» (кадровые и капитальные ресурсы); — некоторые материальные ресурсы обладают внутренним потенциалом, выраженном в способности «быть полезным» в течение длительного времени (единица ресурса в момент времени t не расходуется полностью или совсем, при этом на выходе имеем единицу. Таким образом, бюджетные средства используются для получения других ресурсов; — <i>Input efficiency</i> — эффективность на входе (инструменты для достижения эффективности) — в частности политика, направленная на то, чтобы снизить бюджетные расходы при одновременной максимизации результата 	<p>Принцип соответствия — единица ресурса на входе должна отвечать (минимум) одной единице общественно значимого результата на выходе. Каузальная связь исходит из свойства ресурса</p>	<ul style="list-style-type: none"> — Общественное благо как общественно значимый результат (socially significant result); — каузальная связь исходит из свойства ресурса — единица на входе должна соответствовать единицы ресурса на выходе; — эмпирические показатели в различных сферах (здравоохранение, инфраструктура, образование, безопасность и т.п.) поддающиеся количественному измерению

Под ресурсами мы понимаем монетарные входы, входы-показатели потенциала определенной сферы. Например, если мы берем сферу здравоохранения, в качестве входа в модели могут быть использованы не только финансовые средства, затраченные на функционирование этой сферы, но также количество больничных коек, количество врачей и так далее. Под общественно-значимыми результатами мы понимаем показатели соответствующей сферы, тесно связанные с затраченными финансовыми средствами.

Особенность оболочечного анализа в том, что связь между входным и выходным показателями должна быть обоснована и убедительна. Необходимо быть уверенным в том, что каждый рубль, потраченный сверх оцененного, приведет к повышению показателя этой сферы. Если мы потратим больше в сфере здравоохранения, расширим количество больничных коек, персонала, мы увеличим, например, продолжительность жизни населения. К сожалению, есть достаточное количество факторов, которые влияют на продолжительность жизни. В их числе есть наследственные заболевания, прохождение диспансеризации, а также образование, доход.

Разумеется, данный подход вызывает довольно много вопросов, связанных с качеством анализируемых данных, их доступностью, а также сравнимостью стран и регионов между собой. Однако в данной статье мы ставим себе целью приблизиться к «объективной» эффективности, чтобы избежать нормативности в оценке качества государственного управления. Используя экономический подход к определению эффективности и оболочечный анализ для ее оценки, нам удастся это сделать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Есть разные эффективности и разные подходы к ее оценке: нормативный подход всегда будет рассматривать эффективность в связке общественного блага и «governance» в понимании Всемирного Банка с его подотчетностью, прозрачностью, верховенством закона; функциональный подход отметит эффективность как способность государства реализовывать заявленную политику, а также учет возможность различных групп населения участвовать в процессе принятия решений в соответствии с принципом беспристрастности. Однако в попытках оценивать эффективность как нечто «положительное для всех» возникают проблемы, связанные с операционализацией, количественным измерением и, как следствие, валидностью. Причина кроется в тщетных попытках «объективной» оценки нормативных характеристик («права человека», «верховенство закона» и так далее — все они могут быть оценены методом экспертных оценок, который заведомо будет отражать субъективную оценку). Так, мы предполагаем, что описанные нами в статье подходы к определению эффективности порождают не самую «эффективность», а лишь представления о ней.

Выявив ключевые уязвимые места в подходах к пониманию и измерения эффективности, а также проанализировав экономическую протооснову понятия «эффективность» в терминах продуктивности, оптимизации и результативности, мы пришли к выводу о необходимости исключить всякую нормативную составляющую, измерение которой представляется затруднительным. Обратившись к некоторым суждениям об объективности в политической философии, мы сделали акцент на важности эмпирического значения «идеального типа» в логике М. Вебера, позволяющий вести дискуссию с позиции «value free research», ставя во главу угла ценностную нейтральность и логическую конструкцию.

Предложенный в нашей статье поход, позволяющий, по нашему мнению, приблизиться к «объективной» эффективности, основан на так называемом принципе соответствия — одна единица ресурса на входе должна на выходе давать (минимум) одну единицу общественно значимого результата. По нашему мнению, в качестве метода может быть взят Data Envelopment Analysis (оболочечный анализ), позволяющий построить производственную функцию эффективности, используя эмпирические данные на входе и выходе.

Мы предполагаем, что такая логика на данном этапе будет валидна именно в рамках контекста о вынесения за скобки нормативной составляющей, показателей, получаемый методом экспертной оценки. Идеальный тип «объективной эффективности» в терминах М. Вебера имеет место быть, в то время как максимальное приближение к «объективной эффективности» с учетом нашего подхода существует в связке обозначенного контекста, то есть наш подход будет валиден при конкретизации тез или иных рамочных условий. То, как «поведет» наш подход при конкретизации условий, станет предметом дальнейших научных изысканий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социальная эффективность государства в регионах России: методология, методика, оценки (2008—2012 гг.). Лаборатория математических методов политического анализа и прогнозирования МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: МГУ, 2013.
2. *Эллинек Г.* Общее учение о государстве. Издание 2. СПб., 1908. Том 1. 599 с.
3. *Afonso A., Aubyn M.* Relative Efficiency of Health Provision: a DEA Approach with Non-discretionary Inputs. — Working Papers 2006/33, Department of Economics, ISEG, Technical University of Lisbon, 2006. P. 233.
4. *Abraham Ch., Cooper W., Rhodes E.* Measuring the Efficiency of Decision Making Units // *European Journal of Operational Research*. 1978. P. 431.
5. *Charron N., Lapuente V.* Which Dictators Produce Quality of Government? // *Studies of Comparative International Development*. 2011. № 46(4). P. 397—423.
6. *Farrell M.J.* The Measurement of Productive Efficiency // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General)*. 1957. Vol. 120. № 3. P. 253.
7. *Fortin J.* A Tool to Evaluate State Capacity in Post-communist Countries // *European Journal of Political Research*. 2010. № 49(5). P. 654—686.
8. *Global Governance from Regional Perspectives: A Critical View.* Triandafyllidou, A. (Ed.). Oxford University Press, 2017. P. 63.
9. *Grindle M.S.* Good Enough Governance Revisited // *Development Policy Review*. 2007. Vol. 25. № 5. P. 533—574.
10. *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.
11. *Moller J., Skaaning S-E.* Stateness First? // *Democratization*. 2011. № 18(1). P. 1—24.
12. *Rothstein B.* Good governance. The Oxford Handbook of governance, 2012.
13. *Simon G.* Administrative Behavior. New York: NY, 1947. P. 258.
14. *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. London, 1776.
15. *Tilly Ch.* Democracy. Cambridge University Press, 2007. P. 101.
16. *Tilly Ch.* Coercion, Capital, and European States, AD 990—1990. Cambridge: Basil Blackwell, 1990. 288 p.
17. *Weber M.* Die “Objektivität” sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. 1864—1920. S. 194.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-255-268

GOVERNANCE EFFECTIVENESS: FINDING THE OBJECTIVE CONCEPTUALIZATION AND EVALUATION

V.R. Kamolikova, Y.E. Shulika

National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya Ulitsa, 20, Moscow, Russia, 101000

Abstract. The paper critically analyzes certain approaches in political science literature to understanding the efficiency. Moreover, there are certain problems of its operationalization and quantitative measurement. The authors question accuracy and “objectivity” of the existing concepts and methodologies used by empirical databases on an assessment of state efficiency. The research sets the purpose to reach the “more objective” efficiency which would respond the principles of valuable neutrality (absence of normativism), relevance and generality (suitable for any case regardless of a political regime, form of government, etc.), creating the conceptual frame and operationalization. Authors take an attempt to represent an approach to the “objective” efficiency as the ability of the state to transform its resources into socially significant results with minimal costs. This is supposed to be possible with Data Envelopment Analysis, which provides the production function of effectiveness by using input and output empirical data.

Key words: governance, effectiveness, normativism, data envelopment analysis

REFERENCES

1. *Social'naya ehffektivnost' gosudarstva v regionah Rossii: metodologiya, metodika, ochenki (2008—2012 gg.). Laboratoriya matematicheskikh metodov politicheskogo analiza i prognozirovaniya MGU imeni M.V. Lomonosova.* Moscow: MSU, 2013. (In Russ.).
2. EHllinek G. *Obshchee uchenie o gosudarstve. Izdanie 2.* SPb.; 1908. Vol. 1. 599 p. (In Russ.).
3. Afonso A., Aubyn M. *Relative Efficiency of Health Provision: a DEA Approach with Non-discretionary Inputs.* Working Papers 2006/33, Department of Economics, ISEG, Technical University of Lisbon; 2006: 233.
4. Abraham Ch., Cooper W., Rhodes E. Measuring the Efficiency of Decision Making Units. *European Journal of Operational Research.* 1978.
5. Charron N., Lapuente V. Which Dictators Produce Quality of Government? *Studies of Comparative International Development.* 2011; 46(4): 397—423.
6. Farrell M.J. The Measurement of Productive Efficiency. *Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General).* 1957; Vol. 120; 3: 253.
7. Fortin J. A Tool to Evaluate State Capacity in Post-communist Countries. *European Journal of Political Research.* 2010; 49(5): 654—686.
8. *Global Governance from Regional Perspectives: A Critical View.* Triandafyllidou A. (Ed.). Oxford University Press; 2017: 63.
9. Grindle M.S. Good Enough Governance Revisited. *Development Policy Review.* 2007; Vol. 25; 5: 533—574.
10. Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies.* New Haven: Yale University Press; 1968. 488 p.
11. Moller J., Skaaning S-E. Stateness First? *Democratization.* 2011; 18(1): 1—24.
12. Rothstein B. *Good governance.* The Oxford Handbook of Governance; 2012.
13. Simon G. *Administrative Behavior.* New York: NY; 1947: 258.
14. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations.* London; 1776.
15. Tilly Ch. *Democracy.* Cambridge University Press; 2007: 101.

16. Tilly Ch. *Coercion, Capital, and European States, AD 990—1990*. Cambridge: Basil Blackwell; 1990. 288 p.
17. Weber M. Die “Objektivität” sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. 1864—1920*. (In Ger.).

Сведения об авторах:

Камоликова Валерия Романовна — аспирантка департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: val2992@mail.ru).

Шулика Юлия Евгеньевна — аспирантка департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: polit-juliashulika@yandex.ru).

Information about the author:

Kamolikova Valeriia Romanovna — postgraduate student of School of Political Science of National Research University Higher School of Economics (e-mail: val2992@mail.ru).

Shulika Yulia Evgenievna — postgraduate student of School of Political Science of National Research University Higher School of Economics (e-mail: polit-juliashulika@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 26.02.2018.

Received 26.02.2018.

© Камоликова В.Р., Шулика Ю.Е., 2018.



ЦЕННОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-269-277

НЕДОСТАТКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В РОССИИ (результаты обобщения экспертных мнений)

С.И. Белов

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 годов
ул. Братьев Фонченко, 10, Москва, Россия, 121170

Представленное исследование посвящено теме недостатков формирования российской политики памяти. Цель данной работы заключается в выявлении проблем, существующих в данной области, и выработке предложений по их устранению. В основу статьи легли материалы 10 экспертных интервью. Методологическую базу работы формируют экспертное интервью и дескриптивный анализ. Оценка эффективности мемориальной политики производится экспертами с прагматических позиций: в качестве ее основных задач позиционируются позитивного образа России на внутри- и внешнеполитической арене, формирование и укрепление национально-государственной идентичности и консолидация общества. Попытки использования политики памяти как инструмента урегулирования международных отношений путем уступок оцениваются экспертами негативно. Выстраивание национальной политики памяти предполагается исключительно на основе «памяти победителей». Обращение к дискурсу «памяти побежденных» рассматривается как деструктивный подход, чреватый серьезными политическими рисками. К числу последних относятся размывание российской идентичности, партикуляризация общества, рост социальной аномии, увеличение влияния политических и религиозных радикалов. В качестве основных «болевых точек» мемориальной политики России выделены ее конъюнктурный характер, противоречивый, сложный характер содержательной стороны, игнорирование зарубежного опыта и наличие устаревших элементов в инструментарии воздействия на целевую аудиторию. Обосновывается необходимость качественного освоения новых форматов коммуникации с целевой аудиторией (ведение видеоблогов, создание комиксов, многосерийных мультфильмов, ориентированных на молодежь и взрослую аудиторию). В качестве наиболее позитивных примеров выстраивания политики памяти обозначены кейсы США и Японии.

Ключевые слова: политика памяти; историческая память; политический миф

Введение. Политика памяти представляет собой одно из основных направлений работы государства и общественных институтов в рамках формирования идентичности граждан. Существующая в массовом сознании относительно устойчивая версия истории играет в современном обществе роль основы национально-гражданской идентичности и культурной преемственности поколений [1; 2]. Разрушение же единой картины прошлого приводит к утрате людьми собственной идентичности, в результате чего ранее единый народ перестает ощущать

себя таковым. Закономерным результатом такого положения дел становится рост политического экстремизма в формах национал-шовинизма и сепаратизма. Люди, лишенные собственной исторической и культурной идентичности, автоматически превращаются в целевую аудиторию для идеологов политических и религиозных радикалов.

Несмотря на обозначенную важность мемориальной политики для российского общества, один из ключевых аспектов данной темы — недостатки формирования политики памяти — остается достаточно малоизученным. Исследования, публикуемые экспертами в области мемориальной политики, затрагивают указанную сторону темы лишь косвенным образом, в контексте более общих вопросов (В.А. Ачкасов, К.Ф. Завершинский,) либо в рамках изучения смежных тем (О.Ю. Малинова, А.И. Миллер, Е.Е. Вяземский, Д.И. Гигаури, Ж.Г. Попова) [1; 8; 10; 11; 5; 6; 12]. Отдельные аспекты заявленной темы исследуются в контексте освоения тем исторической памяти (В.Э. Бойков, Ю.С. Васютин, Е.С. Панова, А.О. Столяров, Г.Л. Тульчинский) и коллективной идентичности (А.В. Дахин) [3; 4; 14; 16; 7].

Целью данного исследования является частичное восполнение данной лакуны в системе знаний относительно политики памяти России. Путь к ее достижению лежит через выявление недостатков российской мемориальной политики и формулирование предложений по их устранению.

Материалы и методы. При написании данной работы использовались материалы экспертных интервью, подвергнутые дескриптивному анализу. В серии из 10 экспертных интервью приняли участие специалисты в области политологии, политтехнологий, истории, патриотического воспитания и организации работы с молодежью, причастные к систематической реализации программ мемориальной политики. В рамках представленного исследования подвергнуты освещению, обобщению и анализу только конвенциональные (консенсусные) позиции, выраженные опрошенными экспертами. Сюжеты, в отношении которых мнения опрошенных экспертов отличались, не нашли отображения в представленной работе. Текст, отмеченный курсивом и взятый в кавычки, является цитированием материалов экспертных интервью.

Результаты. Как отмечают эксперты, одной из базовых проблем российской политики памяти является ее конъюнктурный характер. Интерпретация событий прошлого может кардинально меняться в зависимости от тактических задач внешне- и внутривнутриполитической повестки. Идеальная модель политики памяти предполагает преобладание подходов к трактовке ключевых (в первую очередь — травмирующих) эпизодов национальной истории, даже если на научном уровне они становятся поводом для дискуссии. Официальные лица США последовательно и жестко реагируют на попытки позиционирования атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки как военного преступления. Власти Японии занимают сходную позицию относительно трактовок истории «нанкинской резни» и института «женщин для утешения». Турецкая политическая элита продолжает отрицать геноцид армян и анатолийских греков. Руководство стран Восточной Европы болезненно реагирует на попытки исследователей обратиться к теме

депортации этнических немцев после завершения Второй мировой войны. Даже в Германии фиксируются активные попытки истеблишмента провести отстройку от «нацистского прошлого» без формирования комплекса вины. В массовое сознание внедряется теория «чистого вермахта» (провозглашающая, что Вооруженные Силы Германии не причастны к военным преступлениям на оккупированных территориях), широко эксплуатируются темы насилия войск союзников (в первую очередь — Сил Красной Армии) над мирным населением, гибели немецких военнопленных на территории СССР, ответственности стран Запада за приход к власти нацистов в контексте создания Версальской системы и т.д.

«Оценка одного и того же события или исторического деятеля меняются от случая к случаю. Политики постоянно подстраиваются под определенную аудиторию, в результате чего закономерно возникают противоречия в позиционировании. С одной стороны, распад СССР описывается как „величайшая геополитическая катастрофа XX века“, а с другой стороны мы наблюдаем позитивные оценки деятельности политиков, способствовавших этому процессу».

«Постоянные смены трактовки официальной истории приводят к тому, что люди банально утрачивают к ней доверие. Сама историческая наука начинает восприниматься как „политический флюгер“, следующий за конъюнктурой».

«США жестко придерживаются линии, согласно которой бомбардировка Хиросимы была необходима. Турция отрицает геноцид армян. Японцы активно доказывают, что масштабы нанкинской трагедии сильно преувеличены. Их политики делают щедрые пожертвования храму Ясукуни. Про реакцию Токио на памятник „женщинам для утешения“ в Пусане всем известно. Германия всеми силами добивается для своего народа статуса жертвы Второй мировой войны. На этом фоне позиция российского руководства выглядит странно...»

По мнению экспертов, российские политики демонстрируют принципиально иной подход к выстраиванию мемориальной политики. Ярким примером тому может служить резкая и кардинальная смена позиции официальной Москвы по отношению к катынскому инциденту в период нахождения на посту Президента Д.А. Медведева. Российские власти собственными руками существенно укрепили антиобраз СССР, во многом нивелировав результаты собственных усилий по формированию позитивного образа Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

«...признание Москвой польской версии катынских событий фактически означало моральное уравнивание советского и нацистского режимов. Каким после этого должно было стать восприятие поляками освобождение Польши Красной Армией? Естественно, что после такого, советских солдат начали еще увереннее рассматривать в качестве оккупантов, мало отличимых от нацистов».

«К чему привела попытка наладить отношения с Варшавой за счет признания польской версии катынских событий? К подрыву системы представлений о Красной армии как освободительнице Европы. К еще большей демонизации Советского Союза и его правопреемника — России. К усилению у самих россиян, в первую очередь — представителей молодежи, убежденности в преступности советского режима. Что еще больше подорвало роль Великой Отечественной войны как системообразующего элемента объединяющего исторического нарратива».

Параллельно действия Москвы дали польским политикам весомый повод для предъявления требований моральной и материальной компенсации. Реакция на эти требования со стороны Кремля еще более показательна: была предпринята попытка акцентировать внимание на том, что граждане СССР также являлись жертвами советского режима, ответственного за гибель польских пленных в Катыни, и потому находились в том же положении, что и расстрелянные поляки. Фактически политическое руководство России заявило о том, что Советский Союз в 1930—1940-х гг. мало отличался от той же нацистской Германии [9; 13; 15]. Это не просто напрямую противоречило патриотическому дискурсу, но и наносило удар по советскому символическому наследию — одному из базовых элементов современной российской идентичности, предложить адекватную замену которому истеблишмент до сих пор не смог.

Как считают опрошенные эксперты, к числу существенных недостатков российской политики памяти следует отнести также противоречивый, сложный характер ее содержательной стороны. Транслируемая в сознание масс картина событий прошлого априори носит характер политического мифа: авторы трактовок национальной истории вынуждены упрощать описание и оценку реально имевших место событий, адаптируя материал к уровню восприятия целевой аудитории. Данный подход предполагает, помимо прочего, использование четкой дихотомии: тот или иной исторический деятель не может быть одновременно героем и злодеем, большинство среднестатистических реципиентов просто не смогут осознать дуализм его судьбы.

«Для большинства обывателей картина прошлого достаточно примитивна. Есть условные „плохие“ и „хорошие парни“. Эта схеме соответствует привычным культурным стереотипам. Попытки дать более сложную картину событий или несколько версий ее интерпретации в лучшем случае приведут к непониманию, в худшем — к формированию групп с диаметрально противоположными взглядами относительно того или иного явления».

«Обратите внимание на то, какие усилия прилагают американцы, чтобы обелить фигуры Вашингтона и Джефферсона, замолчать факт того, что они являлись рабовладельцами. А много ли внимания уделяется роли Делано Рузвельта в создании лагерей для американцев японского происхождения? Кто помнит о том, что Остин и Крокетт отстаивали не просто независимость Техаса, но и право его жителей владеть рабами? Такого рода эпизоды специально оставляют для академического сообщества, а массам оставляют идеализированные образы. Это вполне естественно: в конце концов, символ должен быть эталоном, идеалом».

В настоящий момент до среднестатистического россиянина пытаются донести целый ряд противоречащих друг другу посылов относительно событий прошлого. Так, образ советского народа — победителя нацизма, народа — творца пытаются сочетать с представлением о 4 млн доносов, написанных на друзей и соседей в 1930-х гг. Помимо того, игнорируется потребность в формировании яркого образа врага в случае дихотомической подачи материала.

Ряд исторических сюжетов, впрочем, малопригоден для демонстрации в данном ключе. Последнее в первую очередь касается внутренних конфликтов, в первую очередь — относящихся к ближней ретроспективе (таких как, например, гражданская война в России). Демонстрация одной из сторон противостояния исключительно в негативном ключе, а другой — в сугубо положительном контексте способна привести к частичной реанимации старого политического конфликта даже в том случае, если его реальные причины устранены. Роль движущего фактора в данном случае могут сыграть либо эмпатические связи между родственниками (потомки участников конфликта могут пожелать «отстоять честь предков»), либо идеологическое родство/преемственность между современными политическими структурами и существовавшими в прошлом институтами. Конструктивно отобразить соответствующие исторические сюжеты можно лишь путем создания объединяющего, примиряющего исторического нарратива.

«Давайте вспомним ситуацию на Украине или недавние протесты в Вирджинии. В обоих случаях корни конфликта уходят к попыткам выстроить идентичность на основе демонизации и фактической дискриминации определенной социальной группы. Результатами этого стали распад консолидирующей национально-государственной идентичности и эскалация противостояния».

«В массовой культуре постсоветской России большевики, красные, революционеры были демонизированы. Их противники, напротив, подверглись идеализации. Были предприняты попытки выстроить национальную идентичность за счет обращения к их памяти. При этом игнорировалась как позиция носителей остатков советской идентичности, так и то обстоятельство, что предки большинства россиян в ходе гражданской войны либо заняли сторону красных, либо не оказали поддержки белым. Не учитывалось и то, что в памяти масс слишком свежи воспоминания о сотрудничестве отдельных лидеров белого движения с нацистской Германией».

«События, происходившие в ретроспективе последних 80—100 лет, имеют особую значимость для населения, так как их подпитывает живая память, семейная история. События, охватываемые этим периодом, всегда будут иметь особую значимость, так как их восприятие обладает лично значимым окрасом. Страдания крестьянина XVII века — это одно, а испытания, вытравившие, допустим, твоему прадеду, которого ты знал лично — совершенно другое. Именно поэтому к трактовке социальных и политических конфликтов, охватываемых этим промежутком, нужно относиться очень осторожно. Свою роль при этом играет, безусловно, и преемственность идеи и учения (российские скинхэды, например, не имеют прямой связи с немецкими нацистами, но воспринимают их наследие через символический ряд). Однако ключевое значение имеют все же связи, основанные на сопереживании старшим кровным родственникам».

Как полагают эксперты, серьезным препятствием для реализации политики памяти в России остается во многом устаревший багаж методов патриотического воспитания. Многие из них были разработаны еще в советский период и утратили

актуальность еще как минимум в 1980-х гг. Пассивность, с которой граждане СССР встретили распад своей страны, служит наглядным тому доказательством. Однако этот опыт так и не стал стимулом к полномасштабному пересмотру методики патриотического воспитания в контексте формирования исторической памяти. Усилиями педагогов-новаторов были разработаны и внедрены некоторые новые формы работы, а также изменена содержательная сторона патриотического воспитания. Однако использование инновационных практик продолжает сочетаться с применением устаревших техник и подходов. В частности, в ходе решения задачи переубеждения целевой аудитории в истинности того или иного факта не учитывается то, что «разоблачаемое» знание чаще всего имеет образную, эмоциональную природу, и потому устойчиво к критике при помощи рациональных фактов. Также не учитывается то, что разного рода исторические заблуждения человека зачастую основываются на семейном опыте (память родителей, бабушек, дедушек) или убежденности в собственных способностях к аналитике. Недооцениваются новые форматы коммуникации с аудиторией. До сих пор не использован такой перспективный канал воздействия, как видеобзоры на фильмы и игры, посвященные историческим событиям. Почти не востребованным остается также ценный опыт стран Восточной Азии в плане популяризации истории при помощи комиксов и мультипликации.

«На практике патриотическое воспитание очень часто, особенно — в провинции, пытаются выстроить по методичкам еще советских времен».

«Работа очень часто выстраивается без учета того, с какой аудиторией предстоит выступить, каким образом ей внушаются те или иные убеждения. Многие не понимают, что апеллировать к фактам в процессе общения с буквально „верующим“ в истинность слов фальсификатора человеком бесполезно. Ему нужно противопоставить яркий образ, обратиться к сфере иррационального...».

«Вопреки стереотипам, интернет-общественность давно осваивает поле исторической памяти. Вспомните хотя бы передачу „Разведопрос“ или обзоры Баженова на исторические фильмы... Но этот потенциал не используется».

«Почему не используется опыт Японии, Китая, Кореи? Наиболее значимые вехи истории этих стран хорошо известны их молодежи, так как успешно перекочевали на страницы манги или нашли отображения в аниме и дорамах... Неужели мы не можем позаимствовать этот опыт?...».

Выводы. В целом же можно отметить, что основными пороками мемориальной России на сегодняшний день являются ее конъюнктурный, изменчивый характер, наличие внутренних противоречий в содержательной стороне, игнорирование зарубежного опыта и присутствие устаревших элементов в инструментарии воздействия на целевую аудиторию. Также необходимо подчеркнуть, что оценка качества мемориальной политики производится экспертами с прагматических позиций: целью политики памяти, с точки зрения опрошенных специалистов, является продвижение позитивного образа прошлого России на внутри- и внешнеполитической арене, формирование и укрепление национально-государственной идентичности. Попытки использования политики памяти как инструмента урегу-

лирования международных отношений путем уступок оцениваются экспертами негативно. Выстраивание национальной политики памяти предполагается в рамках дискурса примирения, синтеза «памяти победителей» и памяти «побежденных». Иные подходы рассматриваются как чреватые чрезмерными политическими рисками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ачкасов В.А.* «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4. С. 106—123.
2. *Белов С.И.* Советский политический миф: причины гибели, содержательное и символическое наследие // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. Вып. 65. С. 45—56.
3. *Бойков В.Э.* Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социс. 2002. № 8. С. 85—89.
4. *Васютин Ю.С., Панова Е.С.* Историческая память: институционализация в общественном сознании и в государственной политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 3. С. 104—112.
5. *Вяземский Е.Е.* Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 89—97.
6. *Гигаури Д.И.* Политика памяти как символический фактор легитимации внешней политики государства (на примере присоединения Крыма к России) // Россия в новом геополитическом измерении. Материалы VII международной молодежной конференции. Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2016. С. 7—11.
7. *Дахин А.В.* Коллективная память и идентичность в современной России: от философии к политике светской социализации гражданина // Диалог мировоззрений: историческая память в условиях общественных изменений. Материалы XIII Международного симпозиума. М., 2015. С. 11—14.
8. *Завершинский К.Ф.* Символические структуры политической памяти // Символическая политика: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. О.Ю. Малинова. С. 149—163.
9. Заявление Государственной Думы «О Катынской трагедии и ее жертвах». Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1547722>. Дата обращения: 08.08.2017.
10. *Малинова О.Ю.* Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3—4. С. 106—122.
11. *Миллер А.И.* Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 4 (71). С. 114—126.
12. *Попова Ж.Г.* Лакуны в мемориальной политике: память о депортациях из Литвы в 1940-е гг. // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 3. С. 407—420.
13. Представитель президента Польши не исключает возможности предъявления России требований о компенсации за Катынь. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1351087.html>. Дата обращения: 09.09.2017.
14. *Столяров А.О.* Интеграция Польши с Европейским Союзом и историческая память польских политиков о России и СССР // Клио. 2014. № 8 (92). С. 93—100.
15. Трагедия в Катыни: расплатиться по счетам. Режим доступа: http://rapsinews.ru/international_publication/20110413/252234310.html. Дата обращения: 08.09.2017.
16. *Тульчинский Г.Л.* Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5. С. 24—33.

DISADVANTAGES OF THE FORMATION OF THE MEMORY POLICY IN RUSSIA (the results of the generalization of expert opinions)

S.I. Belov

Central Museum of the Great Patriotic War 1941—1945
Bratiev Fonchenko str., 10, Moscow, Russia, 121170

Abstract. The presented research is devoted to the topic of shortcomings in the formation of the Russian policy of memory. The purpose of this work is to identify the problems existing in this field, and to develop proposals for their elimination. The article was based on materials from 10 expert interviews. Methodological base of work is formed by expert interview and descriptive analysis. The effectiveness of the memorial policy is evaluated by experts from pragmatic positions: Russia's positive image on the domestic and foreign policy arena, the formation and strengthening of national-state identity and the consolidation of society are positioned as its main tasks. Attempts to use the policy of memory as an instrument for settling international relations by concessions are assessed negatively by experts. The building of a national memory policy is assumed solely on the basis of the “memory of the winners”. The appeal to the discourse of “the memory of the vanquished” is seen as a destructive approach fraught with serious political risks. Among the latter include the erosion of Russian identity, the particularization of society, the growth of social anomie, the increase in the influence of political and religious radicals. As the main “pain points” of Russia's memorial policy, its opportunistic nature, the controversial, complex nature of the content side, ignoring foreign experience and the presence of obsolete elements in the toolkit impact on the target audience are highlighted. The necessity of qualitative mastering of new formats of communication with the target audience is grounded (video blogging, creation of comics, multi-serial animated films targeting young people and adult audiences). The most positive examples of building a memory policy are the cases of the USA and Japan.

Key words: memory policy, historical memory, political myth

REFERENCES

1. Achkasov V.A. “Politika pamyati” kak instrument stroitel'stva postsocialisticheskikh nacij. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2013; Vol. XVI; 4: 106—123. (In Russ.).
2. Belov S.I. Sovetskij politicheskij mif: prichiny gibeli, sodержatel'noe i simvolicheskoe nasledie. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*. 2017; 65: 45—56. (In Russ.).
3. Bojkov V.EH. Sostoyanie i problemy formirovaniya istoricheskoy pamyati. *Socis*. 2002; 8: 85—89. (In Russ.).
4. Vasyutin YU.S., Panova E.S. Istoricheskaya pamyat': institucionalizaciya v obshchestvennom soznanii i v gosudarstvennoj politike. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk*. 2016; Vol. 11; 3: 104—112. (In Russ.).
5. Vyazemskij E.E. Istoricheskaya politika gosudarstva, istoricheskaya pamyat' i sodержanie shkol'nogo kursa istorii Rossii. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2011; 6: 89—97. (In Russ.).
6. Gigauri D.I. Politika pamyati kak simvolicheskij faktor legitimacii vneshnej politiki gosudarstva (na primere prisoedineniya Kryma k Rossii). *Rossiya v novom geopoliticheskom izmerenii Materialy VII mezhdunarodnoj molodezhnoj konferencii*. Sankt-Peterburg: OOO «Skifiya-print»; 2016: 7—11. (In Russ.).
7. Dahin A.V. Kollektivnaya pamyat' i identichnost' v sovremennoj Rossii: ot filosofii k politike svetskoj socializacii grazhdanina. *Dialog mirovozzrenij: istoricheskaya pamyat' v usloviyah obshchestvennykh izmenenij. Materialy XIII Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Moscow; 2015: 11—14. (In Russ.).

8. Zavershinskij K.F. Simvolicheskie struktury politicheskoj pamyati. *Simvolicheskaya politika: sb. nauch. tr. Vyp. 1. Konstruirovanie predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs. Otv. red. O.YU. Malinova*. Moscow: INION RAN; 2012: 149—163. (In Russ.).
9. *Zayavlenie Gosudarstvennoj Dumy "O Katynskoj tragedii i ee zhertvah"*. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/1547722>. (In Russ.).
10. Malinova O.YU. Tema proshlogo v ritorike prezidentov Rossii. *Pro et Contra*. 2011; Vol. 15; 3—4: 106—122. (In Russ.).
11. Miller A.I. Rol' ehkspertnyh soobshchestv v politike pamyati v Rossii // *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (ZHurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki)*. 2013. № 4 (71). S. 114—126. (In Russ.).
12. Popova ZH.G. Lakuny v memorial'noj politike: pamyat' o deportacijah iz Litvy v 1940-e gg. *ZHurnal issledovanij social'noj politiki*. 2015; Vol. 13; 3: 407—420. (In Russ.).
13. Predstavitel' prezidenta Pol'shi ne isklyuchaet vozmozhnosti pred'yavleniya Rossii trebovanij o kompensacii za Katyn'. Available from: <https://regnum.ru/news/1351087.html>. (In Russ.).
14. Stolyarov A.O. Integraciya Pol'shi s Evropejskim Soyuzom i istoricheskaya pamyat' pol'skih politikov o Rossii i SSSR. *Clio*. 2014; 8 (92): 93—100. (In Russ.).
15. Tragediya v Katyni: rasplatit'sya po schetam. Available from: http://rapsinews.ru/international_publication/20110413/252234310.html. (In Russ.).
16. Tul'chinskij G.L. Istoricheskaya pamyat' v simvolicheskoj politike i informacionnye vojny. *Filosofskie nauki*. 2015; 5: 24—33. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Белов Сергей Игоревич — кандидат исторических наук, заместитель заведующего научно-методическим отделом Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 годов (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

Information about the author:

Belov Sergey Igorevich — PhD, deputy head of scientific-methodical department of Central Museum of the Great Patriotic War 1941—1945 (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 12.12.2017.

Received 12.12.2017.



DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-278-287

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР ПОЛИТИКИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Р.Н. Лункин

Институт Европы Российской академии наук
ул. Моховая, 11, стр. 3, Москва, Россия, 125009

По мере роста угроз безопасности в Европе и миграционных вызовов стала более остро осознаваться проблема сохранения христианской идентичности европейского континента, в том числе через защиту христиан на Ближнем Востоке. Одновременно обострились отношения России и Запада. Российское православие предложило свой ответ на глобальные вызовы. Автор проанализировал роль РПЦ и эффективность использования ее потенциала в рамках внешней политики России. В статье используются методы исторического и социологического анализа выступлений и действий представителей Русской церкви и органов государственной власти. Автор делает вывод, что Русская церковь постепенно переходила от националистической антизападной риторики к европейскому вектору своей политики, где большую роль стали играть наднациональные интересы РПЦ и права и свободы религиозных объединений в секулярном обществе.

Ключевые слова: религиозный фактор, православие, межконфессиональные отношения, Русская православная церковь, католицизм, протестантизм, Европейский Союз, постсоветское пространство, украинский кризис

Большая роль исторической церкви народа во внутренней и внешней политике является вполне естественным явлением в большинстве европейских стран. Если для католических церквей характерна более независимая позиция в силу нахождения их руководящего центра в Ватикане, то многие протестантские и православные церкви традиционно связаны с государством и, как правило, лояльны политике светской власти (Англиканская церковь, православные и лютеранские церкви).

В постсоветский период Русская православная церковь (РПЦ) получила возможность в условиях максимальной свободы, равноудаленности от государственной власти формировать собственную политику, в том числе и во внешнеполитической сфере. Европейское направление политики РПЦ лучше всего показывает те изменения, которые произошли в церковно-политическом мировоззрении с начала 2000-х годов и до конца 2010-х гг. Вопреки стереотипам, не отличающим позицию РПЦ от государственной, интересы Церкви стали по существу обще-европейскими, сделав РПЦ одним из ключевых европейских институтов в условиях кризиса в отношениях России и Запада.

Исследователи подчеркивают новую ситуацию, в которой оказались все церкви в мире, где религиозный фактор приобрел особое значение в политике. РПЦ приходится иметь дело с новой реальностью — единой славянской право-

славной цивилизации не существует [11]. Православие начинает играть глобальную роль [13], а наднациональные задачи РПЦ на постсоветском пространстве меняют само мировоззрение церковного руководства [8; 9]. Взаимодействовать с Западом и быть представителем «православной цивилизации», противостоящей Западу — это явное противоречие [7]. Среди православных в наибольшей степени распространены евроскептические настроения [14—17]. Система зарубежных учреждений РПЦ, созданных в 2000-е годы, вовлеченность Церкви в общеевропейскую политику помогла преодолеть многие стереотипы, связанные с «русским миром» [12]. Вместе с тем пример целого ряда стран показывает, что христианские конфессии вовлечены как в политические дебаты, так и играют значительную роль в электоральном процессе [18; 19; 21].

В начале 1990-х годов стратегия внешнеполитической деятельности Церкви только начинала складываться. К примеру, патриарх Алексей II критиковал «союзные государственные структуры» за столкновения в Вильнюсе¹. Основой для международной деятельности РПЦ стало объединение усилий традиционных религий и противостояние «западным ценностям», глобализации и правам человека в их либеральной интерпретации (в рамках диалога РПЦ с иранскими духовными лидерами). Этой цели служила деятельность Всемирного саммита религиозных лидеров (проводился ежегодно с 2006 по 2011 г.), собиравшегося по инициативе Межрелигиозного совета России (МСР, создан по инициативе ОВЦС в 1998 году). Первым заявлением МСР стало осуждение бомбардировок Югославии силами НАТО в марте 1999 года.

В 2002 году по инициативе митр. Кирилла был создан Европейский совет религиозных лидеров, но он не стал масштабной и авторитетной площадкой для диалога.

Только в начале 2000-х годов внешняя политика РПЦ стала систематичным отражением интересов Церкви, в том числе и на европейском направлении. Первые заявления МИД РФ говорят о том, что именно РПЦ стремилась использовать силы внешнеполитического ведомства в своих интересах. К примеру, в 2001 году МИД РФ однозначно поддержал РПЦ в ответ на обращение депутатов Госдумы РФ об угрозе «экспансии католицизма» в России в связи с визитом папы Римского в Украину. В сообщении МИД РФ от 03.04.01 «К вопросу об экспансии католицизма на территорию России» отмечалось: «Линия МИДа в налаживании таких отношений между Русской Православной и римско-католической церквями должна строиться на равноправной основе и не наносить ущерба интересам Русской Православной церкви. По просьбе РПЦ, МИД России через представительство Российской Федерации в Ватикане и ватиканское представительство в Москве довело до руководства Святого Престола наши озабоченности в связи с подготовкой визита папы на Украину. Этот вопрос в откровенной форме был поднят председателем правительства России М.М. Касьяновым в ходе встреч с Иоанном Павлом II», говорится в ответе А.А. Авдеева.

¹ Обращение патриарха Алексея II в связи с трагическими событиями в Литве от 15 января 1991 года.

Беспрецедентным можно также назвать Заявление МИД РФ от 12 февраля 2002 года «О решении Иоанна Павла II учредить в России католические епархии». В нем чувствуется влияние РПЦ. В нем отмечается, что Святой Престол, как полагается, уведомил о своем решении МИД РФ, но — «не ставя под сомнение право Католической церкви организовываться в соответствии с каноническими нормами, но учитывая, что этот вопрос в первую очередь касается межцерковных отношений и может явиться причиной их серьезного осложнения, рекомендовал Святому Престолу воздержаться в настоящий момент от преобразования апостольских администратур в епархии и урегулировать его с РПЦ». МИД РФ отметил, что никакие действия не должны «наносить ущерба интересам РПЦ». Отношения России с Ватиканом регулируются особым образом, но де юре сама по себе Католическая церковь в России является такой же организацией, как и РПЦ, а значит, МИД РФ по существу вмешивался в дела российского религиозного объединения католиков. Однако Ватикан не отказался от учреждения своих епархий — они существуют и поныне.

С 2003 года при участии митрополита Кирилла, главы Отдела внешних церковных связей Московского патриархата (ОВЦС МП), нынешнего патриарха Кирилла, начался принципиально новый этап сотрудничества, который был значительно расширен и наполнен содержанием в настоящее время. Именно митрополит Кирилл предложил и развил ту программу действий, которая в конце концов сделала церковь и церковную позицию одним из важных политических факторов. Это позволило и церкви расширять сферу своих интересов.

В 2003 году была создана Рабочая группа по взаимодействию МИД России и Русской Православной Церкви, действующая до сих пор, и принят «Порядок взаимодействия Русской православной церкви и Министерства иностранных дел РФ». В то время фокус взаимодействия с РПЦ был направлен на страны СНГ — «развитие духовных и культурных связей Российского государства со странами — участницами Содружества Независимых Государств, а также защиты российских граждан и соотечественников за рубежом». То есть, в основном, сотрудничество касалось церквей, подчиненных РПЦ, в странах бывшего СССР, и лишь иногда окормления русских в Африке или Латинской Америке, мероприятий в Совете Европы и т.д. Тогда же в 2003 году состоялось первое в истории посещение МИД России патриархом Алексием II.

Во второй половине 2000-х годов православие стало символом единства «русского мира», следствием чего стало объединение православия в Западной Европе. В 2007 году был подписан Акт о каноническом общении Русской Православной Церкви за границей с Русской Православной Церковью Московского Патриархата. Деятельное участие в объединении двух частей «русского мира» принимал Президент Владимир Путин, который лично встречался с главами обеих Церквей.

Постоянными и по сути паритетными отношения РПЦ и МИД РФ стали в 2009 году, когда патриархом стал Кирилл, уже наладивший отношения с руководством страны в целом. Главой ОВЦС стал ближайший сподвижник патриарха, интеллектуал, митрополит Иларион (Алфеев). Отношения МИД РФ и РПЦ стали более систематичными, тема защиты христиан стала ключевой на фоне повсемест-

ного присутствия РПЦ в представительствах России за рубежом. При посольствах стали создаваться часовни и домовые храмы, были достигнуты договоренности о распространении православной литературы, развивается партнерство с Фондом «Русский мир» и с Россотрудничеством. Например, только в течение 2015 года Россотрудничество совместно с РПЦ провело около 150 мероприятий в 54 странах дальнего зарубежья, а также порядка пятидесяти тематических мероприятий в странах СНГ и Балтии. При содействии российских дипломатов и властей стали более эффективно решаться вопросы о собственности — в 2000-е годы усилиями Церкви и российских дипломатов удалось добиться регистрации в 2002 г. Эстонской Православной Церкви Московского патриархата (ЭПЦ МП) и были решены имущественные проблемы ЭПЦ МП. В 2009 г. был передан в ведение РПЦ собор в Лондоне (Сурожская епархия), в ходе судебного процесса в 2013 г. к РПЦ отошел собор в Ницце, в 2016 г. был построен храм и культурный центр в Париже.

Вопросы о собственности стали важным элементом в церковно-государственных отношениях во внешнеполитической сфере. Еще в 2001 году митрополит Кирилл высказывал сожаление о том, что СССР отказалось от церковных зданий за рубежом: «К сожалению, большая часть нашей зарубежной собственности ушла из юрисдикции России и Русской Православной Церкви. Ныне Церковь активно взаимодействует с МИДом, прилагая огромные усилия для того, чтобы преодолеть последствия преступного недомыслия эпохи государственного атеизма» (Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на конференции «Религия и дипломатия» (Москва, 27—28 апреля 2001 года). В 2000-е годы Церковь говорила о двойных стандартах прав человека на Западе, которые обвиняют Россию в нарушении прав религиозных меньшинств, а сами не замечают притеснения русских в странах Балтии и на Западной Украине.

Параллельно с начала—середины 2000-х годов стал формироваться европейский вектор политики РПЦ, связанный с взаимодействием церкви с европейскими институтами. В этой сфере РПЦ выступала и выступает вместе с другими православными церквями Европы.

Одним из факторов складывания политики РПЦ стало формирование структур Евросоюза, отвечающих за диалог с религиозными организациями. Еще в рамках подготовки Конституционного договора ЕС в 2003 году была также создана консультативная группа экспертов, посвященная духовному и культурному измерению Европы. Официально действующая программа Еврокомиссии называется «Диалог церквей, религиозных объединений или общин и философских и неконфессиональных организаций» или «Диалог на основе статьи 17 Лиссабонского договора» («Dialogue with churches, religious associations or communities and philosophical and non-confessional organizations»). Католическая церковь являлась доминирующей христианской конфессией в ЕС, пока в Евросоюз в 2007 году не вступили православные страны — Румыния и Болгария. Курс на сотрудничество с ЕС, в том числе в рамках противодействия терроризму и экстремизму, провозгласил Комитет представителей Православных церквей при ЕС. Комитет был создан при активном участии Московского патриархата в 2010 году в свете применения статьи 17 Лиссабонского договора о диалоге с церквями. Представи-

тельство РПЦ при ЕС было создано еще в 2002 г. В 2017 году патриарх Кирилл подчеркнул «важность формирования позиции Православных церквей в диалоге с европейскими институтами» [3].

В отличие от православных церквей в странах ЕС, Русская православная церковь, как и Ватикан, ищет свой наднациональный образ единой Европы, так как для нее важно присутствие во всех странах евразийского пространства и сама идея его общности (епархии РПЦ действуют на территории от Лондона до Токио). Официальная позиция РПЦ по поводу европейского проекта соединяет в себе признание его значения и критику секулярности ЕС с позиций европейской многоукладности: «...то, что мы называем обобщительно „западный мир“, представляет собой далеко не однородную субстанцию. Есть глобалисты-транснационалисты, есть христианские традиционалисты, есть националисты-евроскептики, есть левые. И сегодня всякий раз необходимо уточнять: о какой Европе идет речь? «Европ» сегодня много. У одной религиозные ценности, у другой узконациональные, у третьей глобалистские. Нам надо понять, как относиться к каждой из них. Вот почему обе модели, описывающие отношения России с США и странами Европы, — как догоняющая, так и конфронтационная — уже не соответствуют реальной духовно-культурной ситуации в мире. Думаю, нам очень важно это понять и от этого отталкиваться в определении наших будущих отношений с Западом. Второй важный момент, который необходимо учитывать, — это ощущение глубокого кризиса идентичности, охватившего западное общество. В основе этого кризиса лежит противоречие духовного порядка: с одной стороны, в обществе действуют глобалистские тенденции, активно пропагандируются идеи нарочитой секулярности и утилитаризма, а с другой стороны, — все это наталкивается на сопротивление национальных культурных традиций, имеющих христианскую историю и христианские духовные корни» [1].

Одним из поворотных пунктов российского православия к европейской идентичности стала встреча папы Франциска и патриарха Кирилла 12 февраля 2016 года в Гаване (Куба). Встреча сделала главу РПЦ христианским лидером глобального масштаба, а не просто национальным религиозным деятелем, который следует за линией национальной власти. Совместное заявление папы и патриарха можно назвать большой внешнеполитической победой РПЦ [2]. Русской Церкви удалось решить целый ряд задач, которые, в основном, связаны с европейским пространством.

Во-первых, это призыв к миру на Ближнем Востоке и к защите христиан в том регионе, где активное участие принимают вооруженные силы РФ. РПЦ выступила в русле общей европейской позиции католиков и протестантов — ее основой является забота о беженцах разных религий и осознание катастрофических последствий войны на Ближнем Востоке для судьбы христиан.

Во-вторых, это призыв к совместной борьбе с международным терроризмом и преодолению конфликтов, чтобы избежать «новой мировой войны».

В-третьих, осуждение нарушений прав христиан в рамках идеологии секуляризма, а также критика европейской интеграции: «16. Процесс европейской интеграции, начавшийся после столетий кровавых конфликтов, был воспринят

многими с надеждой, как залог мира и безопасности. В то же время мы предостерегаем против такой интеграции, которая не уважает религиозную идентичность. Будучи открыты к вкладу иных религий в нашу цивилизацию, мы убеждены, что Европа нуждается в верности своим христианским корням. Призываем христиан Западной и Восточной Европы объединиться для совместного свидетельства о Христе и Евангелии, дабы Европа сохранила свою душу, сформированную двухтысячелетней христианской традицией».

Наконец, в-четвертых, Католическая церковь де факто встала на сторону Московского патриархата в украинском вопросе. По крайней мере, именно так это было воспринято в Украине, прежде всего греко-католиками. Положения, касающиеся мира в Украине, безусловно, были обращены к различным церквям в этой стране: греко-католикам был послан сигнал о необходимости сдерживать свою критику Украинской православной церкви (УПЦ МП) и РПЦ — в заявлении было отмечено, что «метод униатизма» неприемлем. Сама ситуация в Украине была оценена как «противоборство разных сторон», то есть как гражданская война. Папа Франциск подписал и пункт, согласно которому Московский патриархат (УПЦ МП) признается единственной легитимной православной церковью Украины: «Выражаем надежду на то, что раскол среди православных верующих Украины будет преодолен на основе существующих канонических норм, что все православные христиане Украины будут жить в мире и согласии, а католические общины страны будут этому способствовать...». После встречи в Гаване папа Франциск также подчеркивал необходимость соблюдать минские соглашения [4].

РПЦ также продолжает использовать потенциал МИД РФ для защиты Украинской церкви Московского патриархата от дискриминации в Украине [10]. Уполномоченный МИД РФ по вопросам прав человека, демократии и верховенства права Константин Долгов, к примеру, осуждал рейдерские захваты храмов УПЦ в Украине, заявления Верховной Рады о создании единой УПЦ, законопроекты Рады, направленные против УПЦ [5]. Таким образом, МИД РФ и РПЦ выступают в роли защитников свободы совести и демократических норм в том, что касается положения УПЦ в Украине.

Вслед за Украиной ярким проявлением защиты интересов Церкви стала позиция Московской патриархии на постсоветском пространстве. Например, РПЦ не ассимилировала церковные структуры в Южной Осетии и Абхазии, не включила в свой состав и не признала независимую церковь в Абхазии после 2008 года, поскольку признает каноническую территорию Грузинской православной церкви. В Крыму приходы также остались частью Украинской православной церкви МП. В Молдавии параллельно с Молдавской митрополией МП действует конкурирующая Бессарабская митрополия, как часть Румынского патриархата, которую РПЦ не признает. РПЦ показала, что не устанавливает свою власть автоматически там, где есть российская.

Европейская политика РПЦ помогает церковной иерархии отказаться от многих мифов — от самых крайних проявлений антизападной ксенофобии, нетерпимости к инославным внутри страны и критики демократии (что уже сделали практически все христианские церкви Европы). По мере развития темы прав

человека (и защиты прав христиан как их части) во внешнеполитической сфере происходит смягчение позиций РПЦ по отношению к демократии и внутри России. К 2016 году произошла значительная эволюция — Церковь уже не отрицает необходимости прав человека, а после проповеди патриарха о «ереси человекопоклонничества» 20 марта 2016 года представители РПЦ (прежде всего глава ОВЦС митрополит Иларион) подчеркивали, что патриарх осудил гуманизм, а совсем не права человека и демократию как таковые. Ранее, когда представители РПЦ критиковали демократию как таковую и «католическую экспансию», представить себе такого рода оправдания было бы трудно. Европейское православие, частью которого РПЦ является географически и в идейном смысле, уже намного более открыто и демократично, чем более националистические по духу концепции «русского мира» и «русской цивилизации» 1990-х годов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на XX Всемирном русском народном соборе. 1 ноября 2016. Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/patriarch/2016-11-01/6718351.html>. Дата обращения: 05.04.2018.
2. Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла. 13 февраля 2016 г. // Патриархия.Ru. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>. Дата обращения: 05.04.2018.
3. Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с членами Комитета представителей Православных Церквей при Европейском Союзе // Mospat.RU. 08.10.2017. Режим доступа: <https://mospat.ru/ru/2017/10/08/news151113/>. Дата обращения: 05.04.2018.
4. Папа о встрече с Патриархом Кириллом // Радио Ватикана. Режим доступа: <http://ru.radiovaticana.va/news/2016/02/19/>. Дата обращения: 05.04.2018.
5. Уполномоченный МИД РФ обеспокоен законодательными инициативами на Украине, связанными с захватом храмов. Интерфакс религия. 21.09.2016. Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=64532>. Дата обращения: 05.04.2018.
6. Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на VI Всемирном Русском Народном Соборе // Журнал Московской патриархии. 2002. № 1.
7. Казарян Н. Всеправославный собор: формирование новой православной геополитики // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2016. Т. 34. № 1.
8. Красиков А.А. Вселенское и Русское православие в поисках идентичности. Аналитическая записка № 29, (№ 59). 2016. Режим доступа: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an59.pdf>. Дата обращения: 05.04.2018.
9. Красиков А.А. Икона и топор // Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт. М.: ИЕ РАН, 2016. С. 5—25.
10. Лункин Р.Н. Церкви и политика в российско-украинском кризисе 2014—2015 годов // Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт. М.: ИЕ РАН, 2016.
11. Митрофанова А.В. Международные славянские движения и интересы России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2010. № 4 (47). С. 226—233.
12. Цертицкая О.Л. Миссии и представительства в системе зарубежных учреждений РПЦ // Обозреватель-Observer. 2011. № 4. С. 42—48.
13. Яковлев А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 4—38.

14. *Boomgaarden H., Freire A.* Religion and Euroscepticism: Direct, Indirect or No Effects? // *West European Politics*. 2009. Vol. 32. № 6. P. 1240—1265.
15. *Milardović-Ivanković A.* Euroscepticism in a Conflict of Ideologies of the Second Modernism // *Euroscepticism and European Integration*. Contributor(s): Krisztina Arató (Editor), Petr Kaniok (Editor). Centar za politološka istraživanja. Zagreb, 2009. P. 52—53.
16. *Minkenbergh M.* Religion and Euroscepticism: Cleavages, Religious Parties and Churches in EU Member States // *West European Politics*. 2009. Vol. 32. № 6. P. 1190—1211.
17. *Mudrov S.* Christian Churches in European Integration. Routledge Studies in Religion and Politics, 2016. P. 192.
18. *Mudrov S.* Christian Churches as Special Participants of European Integration: the Process of EU Treaties' Reform // *European Consortium for Political Research*. Режим доступа: <https://ecpr.eu/Events/PaperDetails.aspx?PaperID=10583&EventID=1>. Дата обращения: 14.02.2018.
19. No EU Exit for Us, Say Italy's on-the-rise Eurosceptics // *The Guardian*. 18.07.2016. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2016/jul/19/no-eu-exit-for-us-say-italys-on-the-rise-eurosceptics>. Дата обращения: 14.02.2018.
20. Spiritual and Cultural Dimension of Europe. Concluding Remarks. Reflection Group Initiated by the President of the European Commission and Coordinated by the Institute for Human Sciences. Vienna / Brussels, October 2004.
21. *Steven M.* Christianity and Party Politics: Keeping the Faith. Routledge Studies in Religion and Politics. 2011. 169 p.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-278-287

EUROPEAN VECTOR OF THE POLICY OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: THE FEATURES OF THE FORMATION IN THE POST-SOVIET PERIOD

R.N. Lunkin

Institute of Europe Russian Academy of Sciences
11/3 Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009

Abstract. With the raising of the security dangers in Europe and the challenges of the migration the problem of the saving of the Christian identity of the continent was recognized as more actual and sharp. As well as the problem of the discrimination of Christians in the Middle East. Russian Orthodoxy suggested its own response on the global challenges. The Author analyzed the role of the Russian Orthodox Church (ROC) and the effectiveness of the using of the potential of the ROC in the foreign policy of Russia. In the article was used the methods of the historical and sociological analysis of the public declarations and actions of the representatives of the ROC and the state officials. The author pointed that the Russian Church step by step in its foreign policy proceeded from the nationalistic ant western rhetoric to the European vector of its policy where the significant role began to play the super national interests of the Russian Church and the rights and freedoms of the religious associations in a secular society.

Key words: religious factor, Orthodoxy, interconfessional relations, Russian Orthodox Church, Catholicism, Protestantism, European Union, post-Soviet space, Russian-Ukrainian crisis

REFERENCES

1. *Doklad Svyatejshego Patriarha Kirilla na XH Vsemirnom russkom narodnom sobore*. 1 noyabrya 2016. Available from: <http://www.sedmitza.ru/patriarch/2016-11-01/6718351.html>. (In Russ.).
2. *Sovmestnoe zayavlenie Papy Rimskogo Franciska i Svyatejshego Patriarha Kirilla*. 13 fevralya 2016 g. *Patriarhiya.Ru*. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>. Data obrashcheniya: 05.04.2018. (In Russ.).

3. Sostoyalas' vstrecha Svyatejshego Patriarha Kirilla s chlenami Komiteta predstavitelej Pravoslavnyh Cerkvej pri Evropejskom Soyuze. *Mospat.RU*. 08.10.2017. Available from: <https://mospat.ru/ru/2017/10/08/news151113/>. (In Russ.).
4. Papa o vstreche s Patriarhom Kirillom. *Radio Vatikana*. Available from: <http://ru.radiovaticana.va/news/2016/02/19/>. (In Russ.).
5. Upolnomochennyj MID RF obespokoen zakonodatel'nymi iniciativami na Ukraine, svyazannymi s zahvatom hramov. *Interfaks religiya*. 21.09.2016. Available from: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=64532>. (In Russ.).
6. Vystuplenie mitropolita Smolenskogo i Kaliningradskogo Kirilla na VI Vsemirnom Russkom Narodnom Sobore. *ZHurnal Moskovskoj patriarhii*. 2002; 1. (In Russ.).
7. Kazaryan N. Vsepravoslavnyj sobor: formirovanie novoj pravoslavnoj geopolitiki. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 2016; Vol. 34; 1. (In Russ.).
8. Krasikov A.A. *Vselenskoe i Russkoe pravoslavie v poiskah identichnosti. Analiticheskaya zapiska № 29, (№ 59)*. 2016. Available from: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an59.pdf>. (In Russ.).
9. Krasikov A.A. Ikona i topor. *Religioznye missii na obshchestvennoj arene: rossijskij i zarubezhnyj opyt*. Moscow: IE RAN; 2016: 5—25. (In Russ.).
10. Lunkin R.N. Cerkvi i politika v rossijsko-ukrainskom krizise 2014—2015 godov. *Religioznye missii na obshchestvennoj arene: rossijskij i zarubezhnyj opyt*. Moscow: IE RAN; 2016. (In Russ.).
11. Mitrofanova A.V. Mezhdunarodnye slavyanskije dvizheniya i interesy Rossii. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. 2010; 4 (47): 226—233. (In Russ.).
12. Cerpickaya O.L. Missii i predstavitel'stva v sisteme zarubezhnyh uchrezhdenij RPC. *Obozrevatel'-Observer*. 2011; 4: 42—48. (In Russ.).
13. Yakovlev A.I. Religioznyj faktor v mirovoj politike v ehpu globalizacii: ot sekulyarizacii k fundamentalizmu. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 2013; 4: 4—38. (In Russ.).
14. Boomgaarden H., Freire A. Religion and Euroscepticism: Direct, Indirect or No Effects? *West European Politics*. 2009; Vol. 32; 6: 1240—1265.
15. Milardović-Ivanković A. Euroscepticism in a Conflict of Ideologies of the Second Modernism. *Euroscepticism and European Integration*. Contributor(s): Krisztina Arató (Editor), Petr Kaniok (Editor). Centar za politološka istraživanja. Zagreb; 2009: 52—53.
16. Minkenberg M. Religion and Euroscepticism: Cleavages, Religious Parties and Churches in EU Member States. *West European Politics*. 2009; Vol. 32; 6: 1190—1211.
17. Mudrov S. *Christian Churches in European Integration*. Routledge Studies in Religion and Politics; 2016: 192.
18. Mudrov S. Christian Churches as Special Participants of European Integration: The Process of EU Treaties' Reform. *European Consortium for Political Research*. Available from: <https://ecpr.eu/Events/PaperDetails.aspx?PaperID=10583&EventID=1>.
19. No EU Exit for Us, Say Italy's on-the-rise Eurosceptics. *The Guardian*. 18.07.2016. Available from: <https://www.theguardian.com/world/2016/jul/19/no-eu-exit-for-us-say-italys-on-the-rise-eurosceptics>.
20. *Spiritual and Cultural Dimension of Europe. Concluding Remarks. Reflection Group Initiated by the President of the European Commission and Coordinated by the Institute for Human Sciences*. Vienna / Brussels, October 2004.
21. Steven M. *Christianity and Party Politics: Keeping the Faith*. Routledge Studies in Religion and Politics; 2011. 169 p.

Сведения об авторе:

Лункин Роман Николаевич — ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН (e-mail: romanlunkin@gmail.com).

Information about the author:

Lunkin Roman Nikolayevich — the researcher of the Institute of Europe Russian Academy of Sciences, the head of the Center for Religious Studies (e-mail: romanlunkin@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 06.03.2018.

Received 06.03.2018.

© Лункин Р.Н., 2018.



DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-288-297

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И КОМПОНЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА: ФОРМИРОВАНИЕ БРЕНДА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

А.А. Каганович

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются теоретические основания и компоненты феномена «национальный брендинг», выявляются сильные и слабые стороны концепции, оцениваются методологические основания управления репутацией стран. Актуальность статьи заключается в оценке текущего имиджа Российской Федерации, а также предложенной концепции адекватного имиджевого позиционирования страны в мировом сообществе.

Ключевые слова: национальный брендинг, брендинг территорий, управление репутацией, глобальная конкуренция, soft power, nation brand, идентичность бренда

О таком феномене, как «национальный брендинг», в западном научном сообществе заговорили фактически в 2000-е гг., с теми или иными различиями описывая практическую область знания, целью которой является формирование и управление репутацией стран и в более глобальном смысле слова укрепление экономического потенциала стран. основоположниками концепта являются западные ученые: К. Динни, С. Анхолт, Ф. Котлер, Й. Фан, У. Олинс и др.

Все они в той или мере озаботились вопросом о том, как странам в условиях жесточайшей конкуренции не просто выживать, но укреплять позиции на международной арене. Проблема управления репутацией встала особенно остро в условиях глобальной экономики и глобального информационного пространства [14; 16]. Инструментом, решающим данную проблему, и является национальный брендинг или брендинг территорий, позволяющий привлекать инвесторов, туристов и даже жителей. После завершения Второй мировой войны сформировалась глобальная международная экономическая система, куда вовлечены практически все страны и регионы мира и в которой тесно связаны такие ее элементы, как система торговли, инвестиции, экономическое развитие [15]. Все это приводит к наращиванию глобальной конкуренции — между компаниями, отдельными отраслями, государствами или целыми регионами [6]. В этой связи важную роль играет имиджевое позиционирование стран в условиях глобальной конкуренции.

Конечно, в этом контексте и руководство РФ, как федеральный центр, так и регионы заинтересованы в постоянном улучшении инвестиционного климата и укреплении позиций на международной арене с точки зрения привлечения бизнес-среды [9]. И здесь как нельзя актуальней становится так называемая политика soft power — то есть на первый план зачастую встают имидж и репутация, которые являются важным инструментом в достижении различных целей [19].

Основоположник концепции национального брендинга С. Анхольт определяет «страновой бренд» как «совокупность восприятия шести конкурентных сфер государства: туризм, экспорт, местное население, государственный аппарат, культурное наследие, инвестиции и приток мигрантов» [12]. Национальный брендинг при этом рассматривается Анхольтом с позиции т.н. «конкурентной идентичности» — имея в виду тот факт, что имидж стран строится на основании конкретных характеристик, а для успешной брендинговой стратегии государства требуется «синтез бренд-менеджмента с публичной дипломатией, сопровождаемой активным развитием торговли, инвестиций, туризма и экспорта» [11].

При этом бренд-имидж государства выстраивается на основании следующих критериев:

- экспортируемые бренды/товары;
- способ продвижения государства в области торговли, туризма, привлечения инвестиций;
- внешняя политика, и как она коммуницируется;
- продвижение культуры;
- коммуникационные характеристики населения;
- характер представления государства в мировых СМИ;
- различные структуры и организации, членами которых является государство;
- другие страны, с которыми ассоциируется государство;
- спортивные достижения;
- вклад страны в преодоление различных проблем глобального характера.

Принципы бренд-стратегии государств нередко заимствуются из параллельных отраслей — т.е. маркетинга и социологии. Ведь за успешной стратегией имиджевого продвижения государства скрывается череда проведенных глубинных исследований, позволяющих выявить сильные и слабые стороны тех или иных территорий, выдвинуть на первый план преимущества и скрыть недостатки [20]. Нередко под понятием брендинга территорий в первую очередь понимается привлечение туристических потоков, однако это не совсем правильно, поскольку для некоторых государств не характерен высокий туристический потенциал, и тогда первостепенное значение оказывают другие отрасли и характеристики территории [6. С. 7—12].

Ошибочно понимать концепцию брендинга территорий как направленную исключительно «вовне», условно говоря, воспринимать ее с точки зрения привлечения внешних инвестиций и туризма. В своей работе «Брендинг территорий. Лучшие мировые практики» К. Динни идет «от обратного», указывая на интегративные функции брендинга территорий, позволяющие выстраивать эффективный диалог с местным сообществом, вовлекая его в процесс разработки и реализации бренд-стратегии территории, поскольку эффективность бренда некой территории во многом зависит от вовлеченности и удовлетворенности местного сообщества [9. С. 12—23]. Кроме того, местные жители «транслируют» локальную культуру, создавая тем самым идентичность бренда и идентичность общества.

Во многом именно по этой причине ряд отечественных исследователей выражает заметный скептицизм относительно возможности применения данной

теории (выработанной на основе изучения опыта западных стран, культурные и ценностные установки граждан которых существенным образом могут отличаться от реалий российского общества) по отношению к отечественному опыту, имея в виду необходимость сосредоточения на ценностных установках различных стейкхолдеров и ЦА. Под ценностями в данном случае понимается «способ выделения человеком значимых представлений мировоззренческого характера, определяющих человеческое поведение». Здесь же подчеркивается, что ценности являются важным мотиватором в деятельности любого сообщества [1. С. 165—167].

Здесь следует обратиться к важному составляющему компоненту национального брендинга — идентичности бренда, который в широком смысле означает осознание собственной принадлежности к той или иной общности. Говоря о национальной идентичности, имеется в виду отождествление себя с той или иной культурой, нацией, территорией и иными характеристиками, свойственными для той или иной нации, общности [15]. Таким образом, национальная идентичность отражает сущностные характеристики нации, то, какой она является в действительности. В то время как имидж подразумевает то, как нация воспринимается «извне». Изучение структурных компонентов идентичности бренда и имиджа бренда существенным образом приближает к пониманию основ концепции национального брендинга и ее практической реализации.

Наглядной, по мнению автора, представляется концептуальная модель идентичности бренда и бренд-имиджа территории, предложенная Динни (рис. 1).

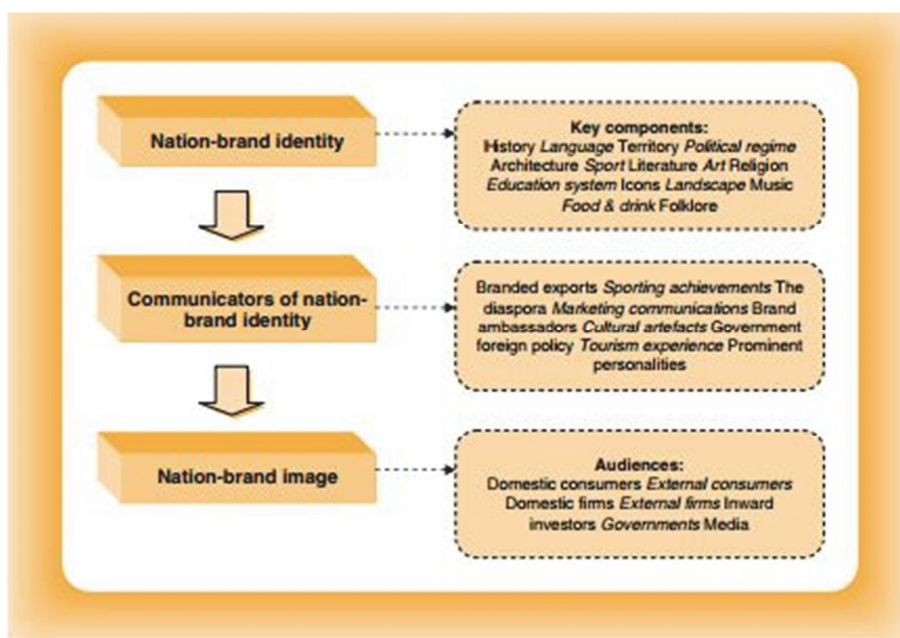


Рис. 1. Концептуальная модель формирования имиджа странового бренда: ключевые компоненты национальной идентичности, «коммуникаторы» идентичности, имидж и ЦА.

Источник: [14].

Fig. 1. Conceptual model of country brand image formation: key components of national identity, “communicators” of identity, image and audience.

Source: [14].

Данная модель показывает, что из ключевых компонентов идентичности бренда — истории, языка, территории, политического режима, искусства, литературы, религии, системы образования, фольклора и иных культурных традиций — проистекают т.н. «коммуникаторы», формирующие идентичность бренда, то есть то, что нация представляет собой — спортивные достижения, экспортируемые товары, бренд-амбассадоры, система государственного управления, внешняя политика, выдающиеся личности, туристический опыт. Отсюда вытекает имидж, то есть то, как нация/государство воспринимается жителями, гражданами других государств, локальными и зарубежными фирмами, инвесторами, правительствами, СМИ и иными ЦА.

Отечественный ученый Е.А. Данилова схожим образом видит методологическое построение странового бренда, когда на первых порах выстраивается система базовых ценностей, затем формируется идентичность бренда — на основании наиболее конкурентных компетенций государства; далее формируется имидж государства и доносятся основные ценности бренда до ключевых ЦА [5].

Нельзя не отметить, что термин «национальный брендинг» тесным образом переплетается с концепцией «мягкой силы» Дж. Ная, или *Soft Power*, рассматривающей «мягкую силу» как форму политической власти, способной достигать желаемых результатов «на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от „жесткой силы“, которая подразумевает принуждение против воли» [18]. Автору представляется в этой связи наглядным разделение, предложенное Й. Фаном, который отмечает, что «национальный брендинг может являться важным инструментом в развитии и укреплении „мягкой силы“ государства... брендинг территорий — это больше чем броский слоган, он требует детального изучения ресурсов «мягкой силы» государства, чтобы эффективно использовать их для укрепления имиджа государства» [15].

Подобно концепции «мягкой силы» Дж. Ная бренд страны определяется такими его компонентами, как культура, политические идеалы и политический курс в целом. Как уже отмечалось выше, страновой брендинг подобно брендингу, связанному с продвижением коммерческого продукта, преследует схожие цели — «продукт» должен в конечном итоге нравиться потребителям и его должны «покупать». С точки зрения политической науки, одним из основных вопросов является вопрос о том, насколько успешная стратегия странового брендинга способна «склонить» людей в пользу бренда страны — а именно положительно воспринимать его и, в частности, внешнюю политику, проводимую государством. Брендинг территорий нацелен, кроме того, на наращивание экономического потенциала страны [13. Р. 129].

На практическом уровне национальный брендинг рассматривается с двух различных сторон: во-первых, он тесно связан с маркетингом направления (*destination marketing*) и преследует в первую очередь экономические цели — развитие туризма и привлечение инвестиций — т.е. общее развитие благосостояния стран; другая сторона вопроса сосредотачивается на политическом или дипломатическом уровнях. Национальный бренд состоит из трех элементов: бренд политический, экономический бренд и культурный бренд. По сути успех брендинговой стратегии

возможен лишь в том случае, когда выстроено сотрудничество между всеми основными игроками: государством, гражданским обществом и бизнес-сектором [10].

Для оценки восприятия брендов государств С. Анхольтом был разработан специальный Индекс — Nation Brand Index. Ежегодно специалистами GfK исследуется 50 развитых и развивающихся стран мира. Индекс восприятия национальных брендов, Anholt-GfK Roper Nation Brands IndexSM базируется «на оценках 23 национальных атрибутов, которые затем соотносятся и анализируются в 6 ключевых аспектах, на которых базируется национальный бренд: экспорт (внешняя репутация и привлекательность товаров и услуг, выпускаемых в стране), государственное управление (имидж власти и восприятие качеств госуправления), культура (интерес к национальной культуре и истории, оценка спортивных достижений и т.п.), люди (мнение граждан других стран о жителях страны как в рабочих местах, друзьях, партнерах по бизнесу), туризм (привлекательность страны для туризма), иммиграция/инвестиции (привлекательность страны для инвестиций и талантов)» [8].

Примечательно, что ключевые политические фигуры различных стран с некоторых пор активно участвуют в выстраивании бренда страны. Так, Тоомас Хендрик Ильвес, экс-президент Эстонии, будучи еще на посту министра иностранных дел, раз за разом подчеркивал, что Эстония не является «экс-советской» или «пост-советской» страной, и всячески избегал ее определения как «балтийской» страны. Напротив, в коммуникации систематически делался акцент на том, что Эстония является страной европейской, что, конечно, являлось попыткой формирования соответствующего имиджа [6].

Иная история касается и термина Cool Britannia, характеризовавшего международные успехи Великобритании 1990-х гг. на музыкальной арене. Кампания как бы ознаменовала собой «культурное возрождение» Великобритании и некий «духовный ренессанс». На этой волне особенно ярко «воссияла звезда» молодого и перспективного в то время политика Тони Блэра и «новых лейбористов», которая дала толчок некому всеобщему оживлению на фоне прежней консервативной политики. И это еще один знаковый случай, ознаменовавший смену политических парадигм на глобальном уровне — от концепции геополитического и военного господства к миру постмодерна, где на первый план выходят имидж и репутационное влияние, оказываемое на мировое сообщество.

Что же касается российского опыта, различные исследования приходят к выводу о том, что бренд России не добился должного развития, поскольку оказался в тяжелом положении, когда имидж, сформировавшийся на основании событий прошлого, размывает картину настоящего. Бренды, с которыми все еще ассоциируется Россия на сегодняшний день, такие как «автомат Калашникова» или российская водка, являются символами прошлых лет и связываются с некой агрессией [19]. Кроме того, не на руку имиджу России играют и декларативные заявления руководства страны о вступлении на т.н. «инновационный путь развития». Фактически же за Россией сохраняется имидж сырьевого государства со слабой промышленностью, низким качеством жизни и торможении в процессах модернизации [3].

Символы, с которыми по-прежнему ассоциируется государство, относятся к временам контролируемой экономики и тоталитарного общества. На сегодняшний день у России фактически нет сильных брендов, которые демонстрировали бы трансформацию экономической и политической систем или символизировали переход к постиндустриальному мышлению [2].

При этом существует мнение, что символом современной России, национальной идеей, объединяющей жителей и формирующей бренд страны, должна стать ключевая идея об обороноспособном сильном государстве, обеспечивающем национальную безопасность и стабильность в условиях нарастающей геополитической нестабильности [4]. Действительно, среди населения наблюдается тенденция к испытыванию гордости за оборонный комплекс государства. Однако, на наш взгляд, данный подход в корне противоречит самой концепции национального брендинга, строящейся на принципах *soft power*.

С точки зрения коммуникации с ключевыми ЦА внутри страны конструкт «сильное обороноспособное государство» как раз является давно задействованным инструментом, который, с одной стороны, способен вызвать волну патриотизма лишь среди определенных слоев населения страны, с другой — настраивает мировое сообщество против, позиционируя Россию как государство-агрессор, рассматривающее внешний мир не с точки зрения выстраивания возможных партнерских отношений, но напротив — с позиций противопоставления себя окружающему миру, представляющему собой комплекс угроз.

В действительности бренд государства, а следовательно, его восприятие, не в последнюю очередь формируется непосредственно жителями, населяющими данную территорию. И здесь чрезвычайно важную роль играет институт гражданского общества, поскольку имидж России — это, прежде всего, «общее дело» [3]. В данной связи автору представляется чрезвычайно актуальным формирование бренда современной России посредством: а) транслирования культуры нации; б) развития института гражданского общества и его широкое вовлечение в процесс формирования соответствующего бренда страны; в) использования культурного потенциала страны для развития въездного туризма и, как следствие, привлечение дополнительных инвестиций.

В последние годы были заметны шаги, предпринимаемые с целью создания более позитивного имиджа России. Таким примером может служить членство в международных организациях — БРИКС и ВТО, а также организация и проведение спортивных соревнований мирового уровня — Олимпиады и ЧМ по футболу. Однако нередко предпринимаемые шаги наталкиваются на барьеры в виде безудержной коррупции и агрессивной бизнес-среды, отталкивающие потенциальных инвесторов [10].

Согласно выводам GfK, главной опорой национального бренда России является ее культура — по данному показателю Россия занимает 9-ю строчку в мировом рейтинге, по итогам 2017 года Россия заняла 23 место в рейтинге самых сильных национальных брендов, заняв тем самым лидирующую позицию среди стран BRICS. При этом отмечается небольшое ухудшение различных показателей по сравнению с предыдущим годом — наихудшим образом выглядит ситуация с восприятием глобальной аудиторией Власти/Гос. управления в России (с 34 места в 2016 году до 38 в 2017 году) [7].

По данным отчетов GfK, сделанным в процессе составления очередного индекса Национальных брендов, несмотря на антироссийскую кампанию в зарубежных средствах массовой информации, связанную с событиями на Украине, международный имидж России успел восстановиться после снижения в 2014 году и продолжает улучшаться [8].

На фоне выводов об огромной потенциале, заложенном в отечественной культуре, стоит сфокусироваться на том факте, что туристическая отрасль составляет в России не более 3% от общего ВВП. Согласно исследованиям ЮНВТО, Россия занимает очень низкие позиции с точки зрения привлекательности страны как туристической дестинации. Так или иначе, инвестиции обходят отрасль стороной. А для туристической отрасли это означает бесперспективность ввиду отсутствия должного уровня инфраструктуры, несоответствия международным стандартам предоставления услуг в сфере гостеприимства [17]. При этом очевидно, что потенциал страны с точки зрения привлечения сюда туристических потоков, неопределимо высок ввиду наличия богатого культурного наследия. Получается, что государство с огромным потенциалом в данной области, не пользуется своими ресурсами ввиду имиджевых и инфраструктурных проблем. В этой связи автору представляется необходимым сфокусировать брендинговую стратегию России на выстраивании, с одной стороны, более позитивного имиджа в целом, с другой — привлечении инвестиций для улучшения инфраструктуры городов и регионов.

Что касается выстраивания имиджа государства, необходимо отметить, что любые попытки выстраивания стратегии брендинга территории рушатся, если внешнеполитический курс ставит государство в условия оборонительной позиции и в целом влечет за собой негативный настрой со стороны мирового сообщества.

На примере РФ становится очевидно, что имидж государства, а также государственная бренд-стратегия — явление сложное и многогранное и формируется в долгосрочной перспективе путем задействования самых различных ресурсов. Причем необходимо работать в разных направлениях, поскольку в противном случае бренд-стратегия будет контрпродуктивной и не приведет к желаемым результатам.

В заключение нужно отметить, что лидеры различных государств с большим или меньшим успехом убедились в необходимости выстраивания позитивного имиджа и формирования правильной брендинговой стратегии территории. Однако в методологическом ключе стоит отметить, что единой формулы создания стратегии управления репутацией на сегодняшний день, конечно, не существует. Различные стороны концепции национального брендинга необходимо более тщательно прорабатывать в будущем, для того чтобы повышать шансы государства на конкурентоспособность среди различных мировых стран-лидеров. Автор считает необходимым для Российской Федерации отталкиваться от позиций создания более мягкого имиджа, использования всего ресурсного потенциала, связанного с культурным наследием и человеческим капиталом страны, а также развивать институт гражданского общества, который играет крайне важную роль в формировании имиджа территории и существенно образом влияет на ее восприятие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бритвина И.Б.* Бренддинг территории: проблема поиска ценностных оснований // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2014. № 3. С. 163—171.
2. *Валерьева А.В., Королев В.А., Трунина А.А.* Страновой бренддинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы» // *Вестник международных организаций*. 2014. Т. 9. № 2. С. 209—228.
3. *Василенко И.А.* Возможности инновационных технологий территориального бренддинга для формирования современного имиджа российских регионов // *Власть*. 2016. № 1. С. 68—73.
4. *Данилова Е.А.* Инновационный дискурс российского национального бренддинга: к постановке проблемы // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2016. № 3 (35). С. 154—162. DOI: 10.17223/1998863X/35/15.
5. *Данилова Е.А.* Поиск идеи российского национального бренддинга в логике построения глобального многополярного миропорядка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2016. № 2. С. 61—69.
6. *Динни К.* Бренддинг территорий. Лучшие мировые практики / Под ред. Кейта. Динни; пер. с англ. Веры Сечной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.
7. Исследование GfK: Россия глазами россиян и мира, Нюрнберг — Москва // GfK. 07.02.2018. Режим доступа: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-rossija-glazami-rossijan-i-mira/>. Дата обращения 23.02.2018.
8. Пресс-релиз GfK / GfK измерила мягкую силу 50 стран мира, в том числе России // GfK. 04.12.2017. Режим доступа: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/GfK_Rus_Press_Release_NationBrandsIndex_Dec2017.pdf. Дата обращения 23.02.2018.
9. *Федонина О.В.* Инвестиционная безопасность как ключевой фактор устойчивого развития Российской Федерации и Республики Мордовия // *Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ»*. 2016. Том 8. № 2. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/97EVN216.pdf>. Дата обращения 23.02.2018.
10. *Anholt S.* Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations // *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*. 2011. Vol. 2. № 1. Article 1.
11. *Anholt S.* Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2007.
12. *Anholt S.* Definitions of Place Branding: Working Towards a Resolution // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2010. 6. 1. P. 1—10.
13. *Anholt S.* What is a Nation Brand? // *Superbrands*. Режим доступа: http://www.superbrands.com/turkeysb/trcopy/les/Anholt_3939.pdf. Дата обращения 23.02.2018.
14. *Dinnie K.* Nation Branding. Concepts, Issues, Practice. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2008.
15. *Fan Y.* Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2008. Vol. 4. № 2. P. 147—158.
16. *Kim H.* The Importance of Nation Brand. Режим доступа: www.culturaldiplomacy.org, 2012. Дата обращения 23.02.2018.
17. *Kotler P., Gertner D.* Country as Brand, Product, and Beyond: a Place Marketing and Brand Management Perspective // *Journal of Brand Management*. 2002. 9:4/5. P. 249—261.
18. *Nye J.S.* Soft Power: the Means to Success in World Politics // *Public Affairs*, NY, 2004. P. 7—8.
19. *Olins W.* Branding the Nation — the Historical Context // *Journal of Brand Management*. 2002. 9:4—5. P. 241—248.
20. *Simons G.* Nation Branding and Russian Foreign Policy // *Swedish Institute of International Affairs Occasional Papers no. 21:1—19*. Starr, Frederick, 2009.
21. *Van Ham P.* The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation // *Foreign Affairs*. 2001. 80, 5. P. 2—6.

THE ESSENTIAL CHARACTERISTICS AND COMPONENTS OF THE NATIONAL BRANDING: THE BRANDING OF CONTEMPORARY RUSSIA IN CONDITIONS OF GLOBAL COMPETITION

A.A. Kaganovich

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the theoretical foundations and components of the phenomenon of “national branding”, identifies the strengths and weaknesses of the concept, evaluates the methodological foundations of the country's reputation management. The goal of the article is to assess the current image of the Russian Federation. The author proposed the concept of adequate image positioning of the country in the world community.

Key words: national branding, territory branding, reputation management, global competition, soft power, nation brand, brand identity

REFERENCES

1. Britvina I.B. Brending territorii: problema poiska cennostnyh osnovanij. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2014; 3: 163—171. (In Russ.).
2. Valer'eva A.V., Korolev V.A., Trunina A.A. Stranovoj brending i ego otrazhenie v global'nyh rejtingah «myagkoj sily». *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. 2014; Vol. 9; 2: 209—228. (In Russ.).
3. Vasilenko I.A. Vozmozhnosti innovacionnyh tekhnologij territorial'nogo brendinga dlya formirovaniya sovremenno imidzha rossijskih regionov. *Vlast'*. 2016; 1: 68—73. (In Russ.).
4. Danilova E.A. Innovacionnyj diskurs rossijskogo nacional'nogo brendinga: k postanovke problemy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2016; 3(35): 154—162. DOI: 10.17223/1998863X/35/15. (In Russ.).
5. Danilova E.A. Poisk idei rossijskogo nacional'nogo brendinga v logike postroeniya global'nogo mnogopolyarnogo miroporyadka. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*. 2016; 2: 61—69. (In Russ.).
6. Dinni K. *Brending territorij. Luchshie mirovye praktiki*. Pod red. Kejta. Dinni; per. s angl. Very Sechnoj. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2013. 336 p. (In Russ.).
7. *Issledovanie GfK: Rossiya glazami rossiyan i mira, Nyurnberg — Moskva. GfK*. 07.02.2018. Available from: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-rossija-glazami-rossijan-i-mira/>. (In Russ.).
8. Press-reliz GfK / GfK izmerila myagkuyu silu 50 stran mira, v tom chisle Rossii. *GfK*. 04.12.2017. Available from: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/GfK_Rus_Press_Release_NationBrandsIndex_Dec2017.pdf. (In Russ.).
9. Fedonina O.V. Investicionnaya bezopasnost' kak klyuchevoj faktor ustojchivogo razvitiya Rossijskoj Federacii i Respubliki Mordoviya. *Internet-zhurnal «Naukovedenie»*. 2016; Vol. 8; 2. Available from: <http://naukovedenie.ru/PDF/97EVN216.pdf>. (In Russ.).
10. Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations. *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*. 2011; Vol. 2; 1. Article 1.
11. Anholt S. *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. Palgrave Macmillan, Basingstoke; 2007.

12. Anholt S. Definitions of Place Branding: Working Towards a Resolution. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2010; 6. 1: 1—10.
13. Anholt S. What is a Nation Brand? *Superbrands*. Available from: http://www.superbrands.com/turkeysb/trcopy/les/Anholt_3939.pdf.
14. Dinnie K. *Nation Branding. Concepts, Issues, Practice*. Oxford: Butterworth-Heinemann; 2008.
15. Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? *Place Branding and Public Diplomacy*. 2008; Vol. 4; 2: 147—158.
16. Kim H. *The Importance of Nation Brand*. 2012. Available from: www.culturaldiplomacy.org.
17. Kotler P., Gertner D. Country as Brand, Product, and Beyond: A Place Marketing and Brand Management Perspective. *Journal of Brand Management*. 2002; 9:4/5: 249—261.
18. Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs, NY; 2004: 7—8.
19. Olins W. Branding the Nation — the Historical Context. *Journal of Brand Management*. 2002; 9:4—5: 241—248.
20. Simons G. Nation Branding and Russian Foreign Policy. *Swedish Institute of International Affairs Occasional Papers no. 21:1—19*. Starr, Frederick; 2009.
21. Van Ham P. The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation. *Foreign Affairs*. 2001; 80, 5: 2—6.

Сведения об авторах:

Каганович Анна Анатольевна — ассистент и аспирантка кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: «anna_kag@mail.ru»).

Information about the author:

Kaganovich Anna Anatolievna — postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: arusyakhovhannisyan@yahoo.com).

Статья поступила в редакцию 07.03.2018.
Received 07.03.2018.

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-298-306

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
Нисневич Ю.А. Политика и коррупция:
коррупция как фактор мирового политического процесса.
М.: Издательство ЮРАЙТ, 2017. 240 с.**

В.А. Глебов¹, И.С. Амиантова²

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

²Российская академия народного хозяйства
и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ
пр-т Вернадского, 82, Москва, Россия, 119571

Монография доктора политических наук Нисневича Ю.А. представляет как научный интерес для политологов, так и несомненный практический интерес для политиков, политических аналитиков, государственных и муниципальных служащих, студентов высших учебных заведений. В монографии профессора департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» делается удачная попытка инструментальной концептуализации и измерения коррупции. Анализируется качество реализации порядков полиархической демократии в контексте современности, проведен сравнительный анализ государств с правящими режимами авторитарного типа. С учетом фактора коррупции проведена эмпирическая кластеризация демократических государств. Весьма актуально звучит постановка автором вопроса анализа коррупции как доминантного фактора мирового политического процесса. Особое внимание заслуживают аспекты, посвященные анализу мотивации коррупционного поведения в публичной сфере, а также предложенные автором возможные меры по его противодействию.

Ключевые слова: коррупция, политический процесс, стабильность, правительство, демократия, политический режим, политик, государственный служащий, измерение коррупции, публичная сфера, мотивация

Научные исследования коррупции как социально-политического явления не только не теряют своей актуальности, но и становятся все более востребованными. Коррупция приобретает новые формы, ее причины и условия меняются в зависимости от политической и экономической конъюнктуры, а известные методы противодействия, несмотря на многие исследования, до сих пор не являются универсальными. Авторская монография Ю.А. Нисневича «Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса» посвящена проблемам коррупции в политике и политическом процессе на современном этапе.

Основная отличительная черта рецензируемой монографии заключается в том, что автор применяет комплексный подход к исследуемой теме, создает

систематизированную основу, позволяющую формировать целостное представление о коррупции как масштабном социально-политическом явлении.

Становление и развитие современных форм коррупции как общественного явления в динамике политических процессов обусловлено рядом причин, важнейшей из которых являются постоянно меняющиеся социально-политические условия. Правовые механизмы зачастую не успевают перестраиваться под стремительно трансформирующуюся реальность. Как следствие, это порождает потребность в поиске альтернативных путей разрешения возникающих проблем. Однако до сих пор пока не найдено универсального решения, которое могло бы свести коррупцию к минимуму, хотя его поиском начали заниматься еще много сотен лет назад.

Автор начинает свое исследование с краткого экскурса в историю коррупции. Как известно, коррупция появилась одновременно с зарождением первого государства и с тех пор постоянно присутствует в социальной и политической жизни любых государственных образований, независимо от форм их организации. Отсюда возникает вопрос, возможно ли в принципе победить коррупцию, и если нет, то как управлять этим процессом? Стоит ли минимизировать ее проявления или пойти по пути ее максимальной легализации и вывода из тени?

Одним из источников коррупции является монополия государства на некоторые виды общественной деятельности, как например: на осуществление судебных функций или выдачу лицензий на многие виды предпринимательской деятельности. Отсутствие возможности удовлетворить возникающие общественные потребности без участия государства создает благоприятную почву для злоупотреблений. В таких секторах формируется запрос на альтернативные пути решения проблемы. В некоторых случаях закон предусматривает такую альтернативу (например, в судебной отрасли это возможность решить спор через третейский суд, заключение мирового соглашения и т.д.), а в других такой альтернативы нет (например, судебное разбирательство по уголовным делам, лицензирование, применение методов принуждения и т.д.).

Очевидно, что чем больше общественно значимых функций сосредоточено в руках государства, тем больше в нем будет предпосылок для широкого распространения коррупции. Однако означает ли это, что полный отказ от государственного регулирования социальных процессов приведет к отмиранию коррупции как общественного феномена, или если да, то станет ли в итоге такой отказ общественным благом?

В своей работе автор использует диалектический подход, рассматривая коррупцию как неотъемлемую часть социально-политической жизни, которая, с одной стороны, представляет собой общественно опасное явление, а с другой — выступает альтернативным инструментом регулирования общественных отношений.

Коррупция на современном этапе вызывает повышенный интерес как со стороны исследователей, так и со стороны рядовых членов общества. Это обусловлено изменившимся отношением к государству. Все больше людей воспринимают государство не как сакральный институт, которому обязан служить каждый гражданин, а как вполне осознанный общественный договор, в рамках которого

каждый человек, проживающий на его территории, передает часть своих прав и свобод государству, а государство, в свою очередь, берет на себя функцию их соблюдения и защиты. Так, в ст. 2 Конституции РФ закреплено следующее: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» [4]. Таким образом, если раньше, с точки зрения обывателя, коррупция представляла угрозу для абстрактного государства, то в настоящее время, в связи с изменившимся восприятием государства, коррупцию воспринимают как непосредственную угрозу личным интересам каждого отдельного индивида. Коррупция стала наглядным проявлением социальной несправедливости, а также неэффективности государственного управления. Стала прослеживаться прямая связь: чем выше уровень коррупции, тем неэффективнее работает государство.

Отличительной особенностью современной коррупции является ее существование в условиях весьма сложной системы государственного управления, которая самой своей структурой создает благоприятные условия для ее развития. В то же время в социуме появился запрос на создание системного общественного контроля за деятельностью государственных органов, который реализуется через деятельность правозащитных и иных общественных организаций. Хотя о существовании устойчивой системы общественного контроля в России говорить пока рано, однако данная тенденция в последнее время набирает обороты. Попытка государства вписать деятельность данных учреждений в процесс реализации властных полномочий, тем самым подчинив ее, приведет лишь к усилению протестных настроений в обществе. Несмотря на отсутствие системы общественного контроля за деятельностью государственных органов, отдельные общественные организации осуществляют довольно эффективное точечное воздействие, тем самым препятствуя коррупционной деятельности.

Это только некоторые основные особенности современной коррупции, которые определяют актуальность научного исследования данного феномена.

В своей работе Ю.А. Нисневич подробно останавливается на основных характеристиках коррупции, которые пока недостаточно изучены. Одной из них является транснациональность. В современном мире, где процесс глобализации набирает обороты, а политические, экономические, культурные и иные отношения между государствами стремительно развиваются, коррупция приобрела трансграничный характер. Глобализация привела к так называемой «диффузии коррупции» [3. С. 24—31], то есть свободному распространению данного общественного явления на многие страны, что приводит к «коррозии» государства.

Таким образом, борьба с ней силами и средствами одного государства стала недостаточной. Необходимо объединение усилий в рамках международного сотрудничества по противодействию коррупционной деятельности. Для этого требуется согласованная работа мирового сообщества сразу по нескольким направлениям. Прежде всего необходимо создать унифицированное законодательство, в котором был бы закреплён единый подход к пониманию коррупции, ее природе, предпосылках появления, условий развития и методов противодействия. Автор в своей работе отмечает важность этой задачи как одной из основных в процессе создания эффективных инструментов борьбы с указанным явлением.

Серьезным препятствием на пути унификации законодательства разных стран в области противодействия коррупции является отсутствие единого определения указанного понятия. На данную проблему обращают внимание исследователи на протяжении длительного времени [12]. В разных государствах коррупцию понимают неодинаково. Это обусловлено политическим устройством, экономическим развитием, уровнем социального развития каждого конкретного государства.

С политологической точки зрения интерес представляет комплексный подход автора к исследованию эволюции понятия коррупции. В работе представлены и подробно разобраны различные подходы к пониманию и противодействию коррупции, исследованы преимущества и недостатки каждого из подходов, описана их суть и примеры практической реализации, а также приведены обобщающие определения коррупции, исходя из инструментов каждого подхода. Систематизация подходов к определению «коррупция» и методов борьбы с ней представляет собой научную новизну и создает ряд предпосылок для дальнейших, более подробных исследований каждого из подходов.

Отсутствие единого, унифицированного определения понятия коррупции дает возможность расширительного толкования, что, с юридической точки зрения, позволяет включать в себя новые коррупционные формы и методы, которые, как известно, постоянно трансформируются и расширяются.

С другой стороны, это создает ситуацию размытого понятия, которое можно трактовать сколь угодно широко, что в итоге приводит к дезориентации граждан и правоприменителей.

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О противодействии коррупции» закрепляет следующий перечень коррупционных преступлений:

«а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте „а“ настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» [11].

Как видно из вышесказанного, этот перечень далеко не полностью охватывает все проявления современной коррупции и в основном сводится к приобретению материальных благ путем использования своего служебного положения. Кроме того, большинство составов предусматривают в качестве обязательной составляющей нарушение законных интересов общества. А как быть в ситуациях, когда нарушение общественного интереса не очевидно? Например, при проведении тендера, когда при прочих равных условиях должностное лицо делает выбор в пользу своего родственника, или в случае, когда высокопоставленный чиновник собирает свою команду, он принимает на должности людей, с которыми работал раньше, которых он знает определенное количество времени. С одной стороны, такие

проявления также относятся к категории коррупционных, так как они нарушают общественный интерес, выражающийся в равном доступе граждан к государственной службе и участию в конкурентной форме отбора предложений на поставку товаров, оказание услуг или выполнение работ по заранее объявленным в документации условиям, в оговоренные сроки на принципах состязательности.

С другой стороны, выбор на основании личных симпатий, при прочих равных условиях, обеспечивает дополнительную гарантию, что данный человек будет соответствовать новой должности. В этом случае общественный интерес скорее выигрывает.

Таким образом, коррупция — это не только юридическая, политическая и социальная проблема, это также проблема философская.

Как известно, согласно данным социальных опросов, определенная часть граждан считают коррупцию приемлемым способом решения возникающих проблем. То есть они не относятся к ней как к безусловному общественному злу. И это, на наш взгляд, является одной из главных причин, препятствующих борьбе с рассматриваемым явлением.

Кроме того, чтобы противодействовать коррупции, необходимо понимать ее масштаб, а для этого необходимы определенные критерии, позволяющие ее измерить. В своей монографии автор уделяет данному вопросу отдельную главу, где рассматривает количественные и качественные оценки ее состояния.

Измерение коррупции является сложным процессом, что обусловлено двумя основными причинами. Первую причину мы уже отмечали выше — это неопределенность самого понятия коррупции, отсутствие четких критериев детерминации данного явления. Вторая причина заключается в латентности коррупции, невидимости для официальной статистики. Поэтому судить о масштабах данного явления можно лишь по косвенным признакам. Кроме того, некоторые коррупционные проявления не связаны с получением материальных благ виновным, следовательно, оценить масштаб причиненного им ущерба в денежном эквиваленте невозможно.

Исследователи неоднократно отмечали, что более всего подвержены коррупции страны в период масштабной трансформации государственных, экономических, политических и социальных основ [3; 2. С. 56—59]. Переходный период наиболее благоприятен для развития коррупционных схем. Это связано с тем, что прежние внутригосударственные механизмы уже не работают, а новые еще не созданы либо находятся в зачаточном состоянии.

Несмотря на указанные трудности, измерять коррупцию необходимо. Автор особенно акцентирует на этом внимание, приводя доводы, по которым такое измерение является обязательным условием существования правового государства.

Уровень коррупции является одним из основных показателей политической, экономической и социальной ситуации внутри государства. Кроме того, данный показатель характеризует эффективность работы государственных институтов и внутриполитического устройства в целом. Следовательно, измерение уровня коррупции необходимо для комплексной оценки деятельности всего государства как единого политического института — «актора международных политических и экономических процессов» [9. С. 38].

Регулярный мониторинг уровня коррупции в государстве является необходимым элементом в комплексной системе противодействия данному явлению, он необходим для актуальной оценки общего состояния коррупции в стране, а также для выработки стратегии борьбы и минимизации вредных последствий, причиненных коррупцией.

Инструменты измерения уровня коррупции варьируются в зависимости от политико-правового и экономического устройства государства. Показатели уровня коррупции не являются абсолютными величинами. В настоящее время не существует универсальной шкалы, по которой можно было бы измерить уровень коррупции в любой стране. Инструменты измерения и оценки коррупции, применяемые в авторитарных странах, не могут использоваться для корректного отражения состояния коррупции в странах с демократическим устройством. Само понятие «коррупция» будет иметь разную смысловую нагрузку в различных политических системах.

Обязательным элементом демократии является конкуренция в политическом секторе. При чистой конкуренции предполагается, что ее участники действуют на основании равных прав, возможностей и ответственности. Регулярная сменяемость власти в результате конкурентной борьбы различных политических сил является основным признаком демократического устройства общества. Такая конкуренция необходима для того, чтобы предотвратить узурпацию власти одной политической силой (либо одним лицом) и защитить граждан от противоправного властного произвола.

Искусственное вмешательство в такую систему нарушает ее баланс и ведет к нарушению основного принципа демократии — свободной конкуренции. В монографии автор отмечает, что одним из наиболее значимых факторов, непосредственно влияющим на идеальную модель конкуренции, разбалансируя и искажая ее, является коррупция [9. С. 73].

Следует согласиться с автором, что в результате вмешательства коррупции в политическую конкуренцию в различных сферах общественной жизни появляются так называемые неестественные монополии, а уровень коррупции в стране обратно пропорционален уровню политической конкуренции и наоборот [9. С. 73]. То есть чем ниже уровень реальной политической конкуренции в государстве, тем более распространенной является коррупция, так как конкуренция — это понятие, противоположное коррупции. В литературе активно обсуждался вопрос соотношения конкуренции и коррупции [1; 5. С. 534]. Ю.А. Нисневич развивает данную тему не только в рецензируемой работе, но и в более ранних публикациях [10]. Конкуренция представлена как неотъемлемая часть политического процесса в странах с демократическим внутренним устройством, наглядно показано ее соотношение с уровнем коррупции и влияние на политический режим. Конкуренция рассматривается автором как главный инструмент противодействия коррупции, следовательно, меры, направленные на развитие добросовестной конкуренции, одновременно являются средством борьбы с коррупцией.

Наряду с конкуренцией автор отмечает непосредственную взаимосвязь между уважением к правам и свободам личности в государстве и коррупцией. В странах,

где права и свободы человека и гражданина соблюдаются, традиционно наблюдается более низкий уровень коррупции, что, на наш взгляд, вполне логично, так как коррупция сама по себе предполагает нарушение прав и законных интересов личности, либо создает искусственные препятствия для их практической реализации.

Представляют научный и практический интерес исследование коррупции в странах с различным характером правящего режима. Так, автор приходит к выводу, что в странах с устоявшейся электоральной демократией, но длительно несменяющейся высшей властью, уровень коррупции, как правило, довольно высок, а длительная несменяемость высших государственных должностей является предтечей режима доминирующей власти, с присущей ему масштабной коррупцией [1. С. 99]. Данный вывод имеет важное практическое значение, в том числе при разработке профилактических антикоррупционных мер.

Борьба с коррупцией должна осуществляться на систематической основе, а не путем проведения отдельных точечных акций, которые в большей степени преследуют популистские цели. Борьба с коррупцией может послужить объединяющим критерием для широких масс населения, однако данный потенциал может быть использован как для мирных гражданских акций, так и для свержения существующей власти, что можно увидеть на примерах некоторых республик, ранее входивших в состав СССР.

Таким образом, борьба с коррупцией является одним из важнейших направлений деятельности государства, а научное изучение динамики коррупции как социально-политического явления — стабильно актуальной темой политологического исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Голованова С.В., Мелешкина А.И. Оценка взаимного влияния коррупции и конкуренции // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 6.
2. Громак К.В., Киселева А.М. Методы измерения масштабов коррупции // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2012. № 2.
3. Гужий Т.А. Коррупция как феномен мировой глобализации // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 9 (29).
4. Конституция РФ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ee8354bcf00aac2d2899fbf033c3ef963e91411e/. Дата обращения: 20.03.2018.
5. Кузнецова О.А. Некоторые особенности детерминации коррупции в России на современном этапе // Вестник Тамбовского государственного университета. 2013. № 12 (128).
6. Любимов А.П. Институт лоббирования требует правового регулирования // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 25—27.
7. Любимов А.П. Парламентское право России. Основные источники. 2-е издание, дополненное и переработанное. Санкт-Петербург, 1999. 176 с.
8. Любимов А.П. Сколько еще будет процветать теневой лоббизм // Представительная власть — XXI век. 2001. № 1. С. 5—6.
9. Нисневич Ю.А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. М., 2017.
10. Нисневич Ю.А. Публичная власть и коррупция: социально-антропологический подход // Полис. 2014. № 6.

11. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О противодействии коррупции». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/. Дата обращения: 20.03.2018.
12. Щедрин Н.В. Определение коррупции в федеральном законе // Криминологический журнал. 2009. № 3.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-298-306

**THE REVIEW OF THE MONOGRAPH:
Nisnevich Yu. “Politics and Corruption: Corruption
as a Factor of the Global Political Process”.
Moscow: Urighth Publishing House, 2017. 240 p.**

V.A. Glebov¹, I.S. Amiantova²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, 117198, Moscow, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)
82 Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation

Abstract. The new book by Yu.A. Nisnevich, PhD in Political Studies, is of both scientific and practical interest to political analysts, politicians, federal and regional government officials, students in higher educational institutions. This book by the full professor of the Department of Political Studies in the National Research University “Higher School of Economics” successfully attempts to instrumentally conceptualize and measure corruption. It analyzes the quality of implementing polyarchic democracy rules today, it offers a comparative analysis of authoritarian-like states. By taking the corruption factor into account, it provides empirical cauterization of democratic states. The author raises topical issues: analysis of corruption as a dominant factor of the world political process. The following issues are of particular interest: analysis of motivation of corruption in the public sphere and measures to counteract this behavior.

Key words: corruption, political process, stability, government, democracy, policy regime, politics, federal government officials, instrumentally conceptualize corruption, public sphere, motivation

REFERENCES

1. Golovanova S.V., Meleshkina A.I. Ocenka vzaimnogo vliyaniya korrupcii i konkurencii. *EHkonomicheskaya politika*. 2016; Vol. 11; 6. (In Russ.).
2. Gromak K.V., Kiseleva A.M. Metody izmereniya masshtabov korrupcii. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «EHkonomika»*. 2012; 2. (In Russ.).
3. Guzhij T.A. Korrupciya kak fenomen mirovoj globalizacii. *Aktual'nye problemy ehkonomiki i prava*. 2014; 9 (29). (In Russ.).
4. Konstituciya RF. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ec8354bcf00aac2d2899fbf033c3ef963e91411e/. (In Russ.).
5. Kuznecova O.A. Nekotorye osobennosti determinacii korrupcii v Rossii na sovremennom ehtape. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013; 12 (128). (In Russ.).
6. Lyubimov A.P. Institut lobbirovaniya trebuets pravovogo regulirovaniya. *Rossijskaya yusticiya*. 1999; 5: 25—27. (In Russ.).
7. Lyubimov A.P. *Parlamentskoe pravo Rossii. Osnovnye istochniki. 2-e izdanie, dopolnennoe i pererabotannoe*. Sankt-Peterburg; 1999. 176 p. (In Russ.).

8. Lyubimov A.P. Skol'ko eshche budet procvetat' tenevoj lobbizm. *Predstavitel'naya vlast' — XXI vek*. 2001; 1: 5—6. (In Russ.).
9. Nisnevich YU.A. *Politika i korrupciya: korrupciya kak faktor mirovogo politicheskogo processa*. Moscow; 2017. (In Russ.).
10. Nisnevich YU.A. Publichnaya vlast' i korrupciya: social'no-antropologicheskij podhod. *Polis*. 2014; 6. (In Russ.).
11. Federal'nyj zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ (red. ot 28.12.2017) «O protivodejstvii korrupcii». Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/. (In Russ.).
12. SHCHedrin N.V. Opredelenie korrupcii v federal'nom zakone. *Kriminologicheskij zhurnal*. 2009; 3. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Глебов Виктор Александрович — кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (e-mail: glebov_va@rudn.university).

Амиантова Ирина Сергеевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: amiantov@duma.gov.ru).

Information about the authors:

Glebov Victor Alexandrovich — PhD, deputy head of the Department of Political analysis and Management of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: glebov_va@rudn.university).

Amiantova Irina Sergeevna — PhD, associate professor of the Department of Political Science and Political Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: amiantov@duma.gov.ru).

Статья поступила в редакцию 23.03.2018.

Received 23.03.2018.